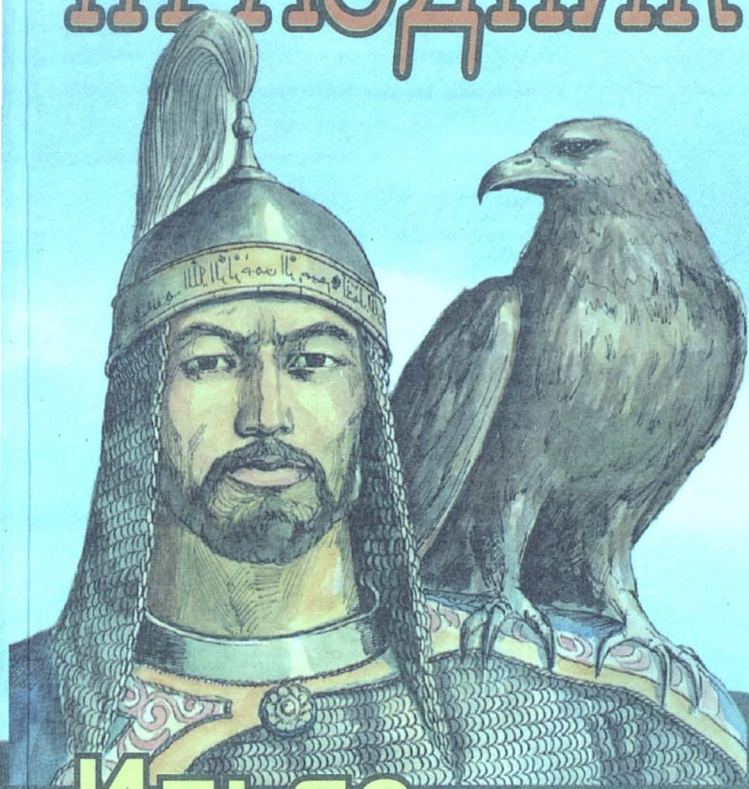

Р 2005

Н 12

ПРАЗДНИК ЛЮБВИ

Ильяс
Есенберлин

Ильяс Есенберлин

ПРАЗДНИК ЛЮБВИ

Роман

Алматы - 2002

ББК 84 (5 Каз)

Е 82

Есенберлин И.

**Е 82 Праздник любви: Роман.- Алматы:
ИД «Кочевники», 2002. - 248 с.**

ISBN 9965-01-913-4

ББК 84 (5 Каз)

Е $\frac{4702250201}{00(05)-01}$

ISBN 9965-01-913-4

© ИД «Кочевники», 2002

ГЛАВА ПЕРВАЯ

- В наше время нет никаких социальных препонов в деле любви, такой любви, как у Козы-Корпеш и Баян-Слу, когда они во имя любви обрекли себя на гибель, не может быть.
- Вы так думаете?

/Разговор, услышанный в фойе театра/.

Среди деревьев, густо покрывающих неровные, загроможденные обломками скал прилавки предгорий, примыкающих к окраине города, идет молодой человек, на осунувшемся лице которого лежит печать озабоченности. Это - Еркебулан. Ночь темна - хоть глаз выколи. Время от времени он, закрыв лицо ладонями, резко останавливается, словно ночной воздух, ласкающий обычно своим бархатисто-мягким прикосновением, сейчас, именно в эту ночь, колет лицо невидимыми шипами. В такие моменты он, подобно мучимому душевной болью и горечью одиночества, отставшему от родной стаи гусю, издает возглас отчаяния и сожаления. Похоже, что он произносит при этом чье-то имя. Так он стоит некоторое время, а затем продолжает свой путь. И ночь темна, и на душе Еркебулана, не знающего покоя в эту ночь, тоже темно. К тому же, он не способен ничего разглядеть в этой непроглядной темени ночи. Однако, будто дитя этой тьмы, порожденной этой ночью, он благополучно обходит все препятствия. Вот, он вплотную подошел к толстому дубу, обломанные сучья которого, казалось, должны были вонзиться ему в грудь. Но на расстоянии пяди от них он резко свернул в сторону. Теперь вот, он остановился у самого края обрыва, под которым, не умолкая, шумела горная река. Стоит ему сделать еще один шаг, и он неудержимо полетит вниз с обрыва. Однако Еркебулан, будто кто-то толкнул его в грудь, вновь резко развернулся и зашагал

прочь. Казалось, на каждом плече джигита сидит по ангелу, и если сидящий на левом плече ангел смерти тянет его к гибели, то ангел жизни на правом плече заставляет его рваться в противоположную сторону. Еркебулан долго еще так шел, уподобившись мячу, которым в изнурительной борьбе пытались завладеть то смерть, то жизнь. Он и сам вконец устал. И все же продолжает идти. Похоже, что его цель и мечта - достигнуть некоего перевала. И в этом своем стремлении он непреклонен и не знает усталости. Что же за страх гонит тогда джигита в эту черную, как горе, ночь? Это горе-страх не просто горе, а иссушающее первозданной чистоты родник молодой души, заставляющее завянуть зеленую поросль молодой жизни, вот-вот готовое навсегда свести с ума душевное горе, горе мысли и разума.

Однако, настоящее значение этого горя, и то, что оно таит в себе, известно лишь ему самому.

Еркебулан лишь тогда, когда рассвет заявил о себе белесым сумраком, словно поняв, что неисполнимая мечта теперь и вовсе стала недоступной, направился в сторону города.

А в это время, по густо засаженной деревьями улице, в центральной части торжественно-красивой Алма-Аты, взад-вперед прохаживался еще один человек. Неровный, рассеянный свет уличных светильников падает на его изборожденное морщинами лицо, показывая, что оно опечалено, и в больших серых глазах затаилось горе. Судя по тому, как в одночасье сгорбилась, ссутулилась его стройная фигура, по его неровной и вялой походке, по тому, как внутреннее беспокойство, вырываясь наружу, заставляет его стонать сквозь зубы, можно сделать бесспорное заключение, что и у него на душе плохо, что в сердце его закралась печаль и горе. Проводя время от времени рукой по густым тронутым сединой волосам, он без усталости меряет шагами тротуар. Резко остановившись, с надеждой пристально оглядывает обе стороны улицы. Затем вновь начинает, как маятник настенных часов, ходить взад-

вперед по тротуару. Человек этот - отец Еркебулана - акын Асыгат. Известный акын, он сегодня приехал из Целинного края. В полдень его встретил в аэропорту сын Еркебулан. Доставив отца домой, он вышел, сказав “сейчас вернусь”. И с того времени его все еще нет. Ну, а после того, как его больная жена, плача, поведала ему, в какую неожиданную беду попал сын, отец уже не находил себе места. “Скоро придет, сейчас придет” - ждал он сына до захода солнца, а потом, не дождавшись, вышел из дома. Он уже не был в состоянии терпеливо ждать в доме, словно вместе с вечерним сумраком в него должна была вползти черная змея. С той минуты он на улице... Каждый час он входит в дом, спрашивает у больной жены “не звонил?” и, услышав горестно-слабое “нет”, вновь выходит на улицу.

Уже давно за полночь. Машины, весь день сновавшие непрерывным потоком, сейчас стали редкими. Еще издали, завидев свет их фар, он с надеждой вглядывается, но они, быстро поравнявшись, метеором пролетают мимо него. И вновь, словно весь этот полный всевозможных красок беспредельный мир поглотила темная ночь, на душе его становится тяжело. На улице нет ни одного прохожего, нет даже шастающих обычно в это время собак. Погасли электрические огни притихшего города, и весь мир погрузился в успокоительный сон. Лишь ветер, налетевший неведь откуда, зашумит листвой в вершинах крон карагачей и дубов. И тревожно стучит сердце обеспокоенного отца, ожидающего сына ...

Известный, уже почтенного возраста, акын Асыгат, являясь современником Октябрьской революции, в полной мере пережил те насыщенные трудовой и боевой героической романтикой захватывающе-интересные и трудные времена. Он тоже, оставшись семилетним мальчишкой сиротой, воспитывался в детском доме. Став членом Ленинского комсомола, он, в годы первых пятилеток, в одном ряду со своими, таскавшими огромные мешки и толкавшими тяжело груженные тачки сверстниками, принимал участие в великих стройках. Пять лет

проживая в общежитиях, окончил университет, воевал на фронтах Великой Отечественной войны, вернулся раненым. Однако где бы он ни был, в каких бы переделках ни бывал, ни при каких обстоятельствах не бросал писать полюбившиеся ему с детских лет стихи. Талант поэта подобен пробивающемуся из-под земли источнику. Если напор силен, то он пробьется фонтаном и через преграждающий ему путь камень, вдребезги разнесет все препятствия, встретившиеся на его пути, вырвется на простор равнины и разольется половодьем. Ну, а если он немощен, то будет медленно и тихо струиться, как слеза, через маленький глазок, протечет тощим ручейком по траве и в конце концов, встретив на своем пути какую-нибудь западинку, впитается в глинистую почву и исчезнет. Талант Асыгата - был настоящим поэтическим талантом. Он мог найти общий язык со своей эпохой. Какие бы трудности не встречались, талант его не склонялся перед ними. За счет этого он добился известности, славы. Был назван выдающимся. Однако Асыгат был поэтом, который все еще не дал своему народу самого своего кровного, самого главного произведения, венчающего все его поэтическое творчество. В течение многих лет он пишет поэму, и все никак не может завершить. А годы уже не молодые. Вот сейчас уже за шестьдесят перевалило. Поэт, не успевший до шестидесяти лет сказать то, что хотел сказать, он, как поэт, не удовлетворен собой, мечтает об этом. Чтобы осуществить свою мечту, чтобы закончить свое самое главное произведение - поэму, над которой работал вот уже в течение многих лет, Асыгат в этом году сразу же с наступлением лета выехал в места, с которыми были связаны надежды его молодости, да и все жизненные надежды, в места, где он сам родился, - в Целинный край. Там он встретился с главными и основными персонажами своей поэмы. Увидев там, где в тридцать втором году пределом желаний был лишний кусок хлеба, горы и горы золотистого зерна, он, полный впечатлений и желания быстрее завершить свою поэму, вернулся в Алма-Ату, однако здесь весь его

энтузиазм и душевный подъем быстро остыли, словно их окропили водой. В аэропорту его встречал единственный сын Еркебулан. Но это был не тот Еркебулан, что провожал его недавно в Целинный край. Его смуглое, с прямым взглядом улыбчивое лицо, сейчас было совершенно другим, осунулось, поблекло и побледнело, как выцветшая на солнце тряпка. Большие, добрые и задумчивые глаза затуманились, словно в них поселилось горе. Нет, глаза были подернуты не дымкой задумчивости, туманились не горем или каким-то находящим на человека туманом страха, а вполне может быть, что их затянуло туманом злобы и гнева. Его стройная фигура ссутулилась, плечи опустились, будто под непомерным грузом.

Испуганный видом сына, отец, после взаимных объятий и приветствий, не вытерпел и спросил:

- Сынок, уж не болен ли ты?

- Приболел, - сказал в ответ сын, не глядя на отца и отворачиваясь как-то отрешенно.

- Где у тебя болит?

- Душа...

Несмотря на скрытность характера, у сына обычно не было тайн от отца. Вот и в этот раз, казалось, он ответил отцу откровенно, как привык.

Асыгат не стал больше задавать ему вопросов. Решив поговорить с сыном дома, он вместе с ним сел на заднее сиденье поджидавшей машины. Уже садясь в машину, он уловил исходящий от сына слабый запах спиртного.

Еркебулан был единственным сыном Асыгата. Всего лишь в прошлом году он с отличием окончил архитектурный институт в Москве и вернулся домой. Отец возлагал большие надежды на своего единственного сына. Правда, по его проекту до сих пор еще не было построено какое-либо мало-мальски приметное здание, но, как говорится, отцу виднее то, что заложено в его детях, и Асыгат знал о талантливости Еркебулана. К тому же сын обладал редким трудолюбием. Когда труд и талант идут в

ногу, будущее, как бы оно ни убежало, стремясь отдалиться, все равно не уйдет далеко. Поэтому-то отец в душе был спокоен за Еркебулана, думы о будущем сына не очень беспокоили его. А теперь вот, у его единственного “страдает душа”. Опять же, поступил так, как никогда прежде не поступал - выпившим среди бела дня, он приехал встречать отца. Правда, не пьян, но отцу не понравился этот поступок сына, с малых лет относившегося к нему с уважением и не допускавшего прежде такого. Асыгат торопился поскорее добраться до дома, чтобы узнать причину всего этого. Но Еркебулан, едва занеся в дом чемодан отца, сказав “сейчас приду”, ушел. Ушел и до сих пор не вернулся.

Как только Еркебулан вышел из дома, Асыгат, не дожидаясь его возвращения, спросил у страдавшей болезнью сердца, изможденно-бледной жены:

- С каких пор происходит с сыном такое? Где у него болит? Почему не известила меня? Очень уж он осунулся, спал с лица, и это еще ничего, мне кажется, что, прежде всего, он изменился как-то...

Жена его заплакала навзрыд.

- Его болезнь от водки, - сказала она, не в силах сдержать рыдания. - Вот уж два месяца, а то и больше, он каждый божий день пьян. Я не решилась дать тебе знать об этом. Ведь у тебя сердце тоже больное и я боялась, что ты заболешь.

- Зря ты так поступила, - сказал Асыгат. - У нас ведь нет никого кроме Еркебулана. Если бы ты пораньше дала знать...

Жена заплакала снова.

- Я ведь, бедная, пока ему не исполнилось двадцать пять, ни разу не видела, чтобы он вел себя так... Я ведь верила до сих пор, что он одумается, бросит... А вышло-то вон оно как...

- Тогда он... будучи пьяным, как себя ведет, скандалит, грубит? - спросил Асыгат обеспокоено.

- Нет, - сказала жена, с трудом уняв всхлипывания. - Он не пьет так, чтобы терять над собой контроль. Всегда находит дорогу к дому. Не валяется на улице. Опять же, пьяным не лезет

в драку, не веселится, горланя песни. Насупив брови, говорит какие-то необычные, страшные своей отрешенностью от жизни, полные тоски и досады слова. Иногда, когда, видя его таким, я начинаю плакать, он, жалея меня, плачет вместе со мной. В такие минуты он даже обещает “теперь брошу”. Однако на другой день вновь пьет. Снова бродит где-то всю ночь и возвращается только под утро. Иногда я пытаюсь не выпускать его из дома, боясь, что кто-нибудь сделает ему плохо, но он ни в какую не соглашается на это. Говоря о какой-то несуществующей своей печали, или же ложно утверждая, что ему “необходимо проводить в аэропорт девушку”, он даже среди ночи соскакивает с постели и уходит из дома. И опять его нет до рассвета. Тогда, не желая пускать его, я закрываю дверь на замок, а ключ прячу, а он грозит прыгнуть с балкона. В испуге я открываю ему дверь. То, что я больна его несколько не трогает. Единственный сын и такое... - Жена вновь заплакала. - Сам ведь знаешь, каким он был прежде, он не то, чтобы таким образом огорчать кого-либо из нас... Нет, нет, до такого состояния нашего единственного довела не одна лишь водка. Мне кажется, в него вселилось что-то, какая-то беда, которая не доведет его до добра.

Асыгат заходил взад -вперед по дому.

- Да, да, - сказал он через некоторое время, - безусловно, и водку пить его заставляет эта самая беда, и ночами по улицам бродить заставляет она же.

- Сколько бы не умоляла его сказать, что с ним, ничего не говорит.

- Наверное, не наберется решимости сказать, видимо честь, совесть, стыд не позволяют ему этого.

Вдруг озноб пробежал по телу Асыгата. Ему вспомнилось одно событие, случившееся с ним, пережитое им.

После возвращения по ранению, Асыгат, пройдя проверку соответствующих органов, устроился на одну ответственную работу в одно из центральных учреждений. Молодой раненый фронтовик понравился коллективу, а коллектив и работа

понравились ему. И вот однажды его вызвал к себе следователь ведомства государственной безопасности. Суровый с виду полковник, подробно расспросив о том, где родился Асыгат, где учился, в каком полку в армии служил, как воевал, как устроился в центральное учреждение, вдруг сказал:

- Ну, а теперь вы расскажите мне как вы запродались немецким фашистам и стали их агентом.

Асыгат поначалу ничего не понял. А когда до него дошел смысл сказанного, озноб пробежал по телу.

- Вы не шутите так со мной, - сказал он внезапно задрожавшим голосом.

- Довольно, хватит! - повысил голос полковник, - это не я шутки шучу здесь, а ты! Ты не морочь нам голову, лучше скажи всю правду! Как это ты запродался немецким фашистам и стал их агентом? Ты воспитывался Советской властью! Однако, все туда же...

Асыгат, как бы говоря, “это он серьезно?”, с изумлением взгляделся в лицо полковника. Нет, тот вовсе не был похож на решившего пошутить человека, брови его нахмурились, выражение лица было суровым.

Асыгат едва нашел в себе силы заговорить.

- Вы перестаньте возводить на меня такую напраслину...

- Напраслину? Какую напраслину? Вот это письменное обязательство служить на гестапо вы давали, или я? - вынув из лежащей перед ним папки какую-то бумагу, он положил ее перед Асыгатом. - Во время налета на один из прибрежных городков Балтики латышские партизаны обнаружили ее среди документов штаба гестапо. Или, может быть, эта фотография не ваша, а вот этот почерк и писанина не ваша? Подпись тоже ваша!

Асыгат взял со стола бумагу. Листок бумаги... Однако сердце его тревожно забилося, словно в этом клочке бумаги сосредоточились все беды вселенной. На краю листка фотография. Собственноручное обязательство Асыгата, данное им в такой-то год, в такой-то месяц, быть агентом немецких

захватчиков на советской земле. Фотография тоже его. Почерк тоже его. Даже подписался он сам.

Асыгат весь покрылся холодным потом.

- Ну, а теперь, что скажешь? Разве не ясно всё?

- Ничего тут не ясно! - вскрикнул вдруг Асыгат громко, - на фронте я был командиром батареи стадвадцатимиллиметровой корпусной артиллерии. Наша батарея обстреливала немецкие войска только с дальних позиций. Я немцев даже в лицо не видел, не то, чтобы давать им письменное обязательство.

- Тогда откуда взялось это обязательство? Вы ведь не станете отрицать, что и фотография, и почерк ваши?

- Да, все это мое. Но я не встречался и не говорил ни с каким немцем. Правда, зимой, в год начала войны, проходя воинскую службу в Риге, я находился в составе войскового конвоя, сопровождавшего на кораблях в Гамбург лиц, выезжающих в Германию, и наших людей, возвращавшихся отсюда. Живых немцев вблизи только тогда и видел.

Полковник перебил его.

- Возможно, тогда и дал это обязательство? Вы сходили на берег?..

- Да, сойдя на берег, мы часа два ходили по городу, но я ни на шаг не отделялся от других...

- Короче, - сказал полковник, - имея на руках твое вот такое письменное обязательство, любой на нашем месте давно бы взял тебя под стражу. Ну, а наш генерал говорит: "не трогайте, сначала тщательно проверьте". Мы сейчас проверяем. Одно хорошо, что ты, будучи агентом, еще не передал никаких сведений. Пока что ты ни с кем еще не имел связи. Поэтому-то мы тебя и не трогаем. Возможно, ты и не давал этой подписки. - Вдруг полковник уставился на Асыгата. - А может быть давал? Кто его знает, ведь может статься, что ты по чьему-нибудь наущению, или под нажимом, дал ее. Хотя ты и не имел непосредственных контактов с немцами, можно ведь и через других дать обязательство... Существуют такие вещи как

женщины, деньги, водка... Мог и с пути сбиться, ведь ты еще очень молод...

Подумай, как это случилось, кто тебя подбил на это? Скажи правду. Повинную голову меч не сечет. Сейчас, сегодня мы тебя не тронем. Ну, а если не скажешь правду, на нас не обижайся! Все равно мы до истины докопаемся!

Асыгат теперь понял какая опасность нависла над его головой. Когда понял, сердце екнуло, жар разлился в нем, и он едва не заплакал.

С трудом переставляя ноги, едва добрался до дому. Несмотря на строжайший запрет полковника говорить кому-либо об их разговоре, он назавтра рассказал своему однокашнику и ближайшему другу, от которого у него не было тайны, о том, в какую беду он попал. Тот сразу же с испугом посмотрел на своего недавнего товарища.

- Тогда... Как же это ты проник в наш аппарат? - спросил он, подозрительно глянув на Асыгата.

У Асыгата потемнело в глазах, словно кто-то ударил его в лоб. Он едва не упал.

В таком положении, в положении, когда есть, хотя и клеветническое, но неопровержимое доказательство вины, сердце честного человека может ведь и разорваться. Все же сердце Асыгата выдержало, не разорвалось. Однако, чувствуя, что весь его жизненный путь подвергается сейчас проверке, еще вчера цветущий, видный из себя джигит, спал с лица, похудел, осунулся...

В один из дней его вызвал к себе начальник отдела. Это был уравновешенный, справедливый человек, твердый приверженец чистоты рядов партии. То ли ему о положении, в которое попал Асыгат, рассказал сотрудник сектора, или же сам полковник из госбезопасности довел до его сведения, но сразу же, без околичностей, приступил к разговору.

- Как бы то ни было, а я не верю тому, что ты немецкий агент, - сказал начальник отдела, - поэтому я не счел правиль-

ным освободить тебя от должности, пока все не выяснится. Это их дело, пусть проверяют. Ну, а я хотел спросить тебя кое о чем...

- Спрашивайте.

- Сначала ты дай-ка мне свой партбилет, - сказал он, чуть помедлив.

Сердце Асыгата отчаянно забилось, с трудом вытащив партбилет из нагрудного кармана, передал начальнику отдела.

Начальник отдела некоторое время рассматривал фотографию Асыгата на первой странице, а затем продолжал:

- Ты, будучи на фронте, не ходил в разведку в тыл врага или на его передний край? - спросил он.

- Я служил в батарее дальнобойных орудий. Разведчиком я не был.

- Я видел по твоей анкете, что ты вступил в партию перед войной, в сороковом году... И с тех пор не было случая, чтобы ты терял партбилет, или кому-нибудь передавал его?

- Нет, партбилет всегда и всюду со мной и при мне... Я его всегда ношу в левом нагрудном кармане, прямо против сердца...

- Удивительное дело получается, - сказал задумчиво начальник отдела, - ведь на фронте, перед тем как идти в разведку или направляться во вражеский тыл, партбилет сдается политруку ... Ну, а ты всегда носил партбилет с собой. Откуда же тогда твоя фотография на том обязательстве? Точь-в-точь как фотография на партбилете.

Асыгат, сильно побледнев, уставился взглядом под ноги.

- Не знаю.

- Ведь такая фотокарточка должна быть и в другом месте. Например, на учетной карточке. Но учетная карточка оставалась в тылу. Короче говоря, не может быть, чтобы это фото попало в руки гестапо. - Начальник отдела резко вскинул голову. - Ты в каком году призывался в армию.

- В сороковом году.

- Ведь в то время, не как во время войны, одежда, личные

вещи и документы призванного в армию хранились в полковом складе и, если мне не изменяет память, после демобилизации все это возвращалось солдату, и он ехал домой в своей одежде. Где ты находился, когда началась война?

- За три дня до начала войны я находился в Риге на учебе по подготовке армейских политработников.

- А твои вещи?

- Как помню до сих пор, они находились на военном складе в Риге, находившемся в доме номер девяносто два по улице барона Крише. Я даже по необходимости брал там одну или две из своих бумаг. - Асыгат сразу же оживился. - Но потом, когда мы отступили из Риги, я находился в составе частей, охранявших мосты на окраине города, и мне уже было не до личных вещей, они остались в том складе. Не было возможности навестись на склад - да и не до того было, как говорится "не до жиру, быть бы живу"... - в глазах Асыгата появился какой-то огонек надежды и он задумался, - или... или же...

Вот это событие сейчас и вспомнилось ему.

Лишь впоследствии было установлено, что после отступления советских войск и занятия Риги фашистами, они обнаружили на складе бумаг политработников их фотографии, другие документы и затем, сфабриковав ложные обязательства и подписки "секретных агентов", распространяли их на советской земле.

Однако все это раскрылось позднее. Ну, а пока от вышестоящих инстанций не поступило указание, и с Асыгата не было снято подозрение, он натерпелся немало страха. Исхудава, как стрекоза, он был на грани физического и душевного истощения. Любому, кто готов пожертвовать жизнью за Родину, нелегко пережить обвинение в предательстве. Ну, а для таких, как Асыгат, в сто раз тяжелее. Вот тогда-то, тяжело переживающий свалившуюся на него беду, вконец перепуганный, он и начал пить. К тому же, чем больше он пил, тем сильнее,

вместо того, чтобы веселить, водка порождала в нем страх, он едва не сошел с ума.

И все же, вскоре из высоких инстанций пришла бумага, и он, в конце концов, с трудом пришел в себя.

Вспомнивший об этом самом тяжелом в его жизни событии Асыгат не сомневался, что поведение сына, его поступки, похожие на поступки психически ненормального человека, его пристрастие к пьянству вызваны тяжелыми переживаниями.

Однако, что это за переживания, доведшие Еркебулана до такого состояния?

В этот момент мысли Асыгата нарушила его жена.

- Может быть, до такого состояния его довело то, что от него ушла Жулдыз.

Муж резко обернулся.

- Какая-токая Жулдыз?

Жена рассказала обо всем, что произошло в его отсутствии.

Теперь Асыгат с еще большим нетерпением ждал встречи с сыном. Конечно, для того, чтобы излечить Еркебулана от свалившейся на его голову тяжелой болезни, тяжелой беды, надо знать причину этой болезни, все, что способствовало ей. Асыгату хотелось как можно быстрее узнать эту причину. Но Еркебулан в тот день пришел на рассвете и тут же улегся в постель. И на завтра он поступил так же. Отец, найдя повод, попытался было вызвать его на откровенный разговор, но сын не раскрылся, как прежде, перед ним. Ответит лишь односложным “душа болит” и уходит из дома. Ну, а пугающее поведение Еркебулана изо дня в день становилось все более тревожным и бесконтрольным. Отец, в конце концов, был вынужден принять решение показать сына психиатрам.

Подолгу беседовавшие с Еркебуланом, известные в городе врачи, специалисты по такого рода болезням, собственными ушами услышав то и дело повторяемое в последнее время джигитом “такому, как я, бесполезному человеку нет нужды

жить на этом свете, я не буду приносить хлопоты ни вам, ни себе, не стану мучить, в скором времени умру”, в один голос заявили Асыгату: “Сын ваш начал терять рассудок, он страдает одной из тяжелых форм депрессии. Его необходимо срочно положить в психиатрическую больницу и лечить, иначе, вполне вероятно, что он наложит на себя руки”.

Знавший, что у его единственного с малолетства не наблюдалось признаков такой болезни, Асыгат не хотел соглашаться с этим предписанием врачей. Его Еркебулан ударился в пьянство, чтобы облегчить свалившееся на его голову горе, ну а водка, вместо того, чтобы облегчить, усилила его. Узнав, какие заявления делает им его сын, отец обратился к врачам с просьбой:

- Может быть, причиной всего, что с ним происходит, является водка, и не пивший прежде джигит, так внезапно запив, не может себя остановить? А что, если в первую очередь вы попытаетесь излечить его от пьянства? Если он исцелится от пьянства, то мы бы поискали, что еще является причиной его подавленности.

- Нет, - сказала, как отрезала, женщина профессор, считавшаяся специалистом по такого рода болезням. - Пьянство вашего сына - тоже последствие той самой депрессии. Пьет он для того, чтобы избавиться от сжигающих душу и сердце дум, от не дающих ему покоя, пугающих, страшных ощущений. Он ищет для себя облегчения. Конечно, водка не приносит ему облегчения, в конечном счете, усугубляет его болезнь. Вследствие этого он и говорит “умру, не хочу жить”. Правильным будет сейчас вашего сына лечить не от пьянства, а от основной болезни. К тому же, если не лечить его срочно, то, несомненно, вы будете впоследствии сожалеть об этом, да ничего уже нельзя будет сделать, - сказали они.

Наконец, врачи приняли решение как можно скорее поместить Еркебулана психиатрическую больницу.

Как ни противились отец и мать этому страшному для них решению, делать нечего, пришлось им согласиться с ним - другого выхода не было.

И вот, приняв такое решение, Асыгат вчера, после полудня отвел единственного сына в психдиспансер. Что он при этом испытывал передать невозможно.

Разве существует для родителей горе большее, чем это?

Когда увели сына, мать уже не могла подняться с постели, в которую упала. И без того больная сердцем бедняжка теперь лишь кривилась в молчаливом плаче и от горя вовсе слегла.

А отец, не смыкая глаз, всю ночь ходил взад-вперед по кабинету. Стоило ему вспомнить, что его единственный сын сейчас лежит в психбольнице, как в тот же момент он падал на диван. Колотя руками по подушке, в приступе отчаяния, в какой-то момент он зарыдал в голос. Затем вновь медленно поднимался и, приговаривая “жеребеночек мой, жеребеночек, как круто обошлась с тобой судьба”, неверными, как у раненой птицы, шагами начинал ходить по комнате.

В эту ночь, как ни ломал голову, Асыгат не мог найти пути к избавлению сына от этой жестокой болезни. Ему на ум шли лишь забавные проделки Еркебулана в детстве, милые сердцу картинки из той его жизни.

Он все еще помнит, та картина стоит перед взором: вот Асыгат впервые ведет в школу держащего в руках букет цветов торжественно притихшего Еркебулана... “Доброго тебе пути, жеребеночек мой, хорошо учись!” - говорит отец. “Буду хорошо учиться, отец”, - говорит в ответ Еркебулан, глядя отцу в глаза...

Вновь перед глазами день, когда верный обещанию сын закончил с золотой медалью школу. На нем черный костюм, белая рубашка, как и в тот раз, глядя ласково отцу в глаза, он показывает золотую медаль. Глаза его светятся гордостью и радостью...

Еще одна картина: встреча в прошлом году после окончания им института. Бегущий от самолета к приехавшему в аэропорт

отцу Еркебулан. Кто скажет, что он уже инженер! Мальчишка! Мальчишка!

Эх, жизнь, сколько, оказывается, приятных, радостных дней пережил Асыгат! Особенно радостей, связанных с Еркебуланом! И вот этот единственный сын... Да, да, единственный сын! Кто мог думать в тот самый день, что Еркебулан станет его единственным сыном? С какого горя - печали начался тот самый день, последствия которого обернулись радостью? С какого горя - печали?

Стоявшая у двери приземистого, небольших размеров кирпичного дома, с золотисто-смуглым лицом и глазами верблюжонка молодая женщина, положила в плетенный из тальника кузов коляски уснувшую на ее руках девочку, которой было уже больше года. Укрыла ее шелковым, подбитым верблюжьей шерстью одеялом. Затем посмотрела на ребенка. Ребенок был беленький, красивый. Чуть раскрыв пухлые губки, он посапывает во сне. Молодая женщина тяжело вздохнула. Следом же, проникнувшись внезапно нежностью, склонилась над ребенком и несколько раз чмокнула его в лобик. “Звездочка моя, отрада моя, теперь ты моя дочка!” - пробормотала она горделиво. Эта молодая женщина - Кырмызы - жена Асыгата. Простудила легкие и тяжело заболела ее соседка Базаргуль, у которой муж месяц назад погиб, попав под поезд. У молодой, недавно только переехавшей из аула семьи, здесь не было родных и знакомых, поэтому Кырмызы взяла к себе маленькую, уже научившуюся кормиться из соски дочку Базаргуль - Жулдыз, до выхода матери из больницы. Однако пять дней спустя Базаргуль скончалась в больнице. И до того больная и слабенькая бедная женщина не перенесла воспаления легких. Хотя со времени совместной жизни с Асыгатом прошло больше года Кырмызы все еще не родила и теперь не знала что делать. Несмотря на то, что она всего неделю держала ребенка при себе, Кырмызы прикипела к нему душой и не хотела отдавать его в дом малютки как сироту. А родственников Базаргуль, которые

могли бы взять к себе ребенка, не нашлось. В конце концов, победило материнское чувство, она удочерила Жулдыз. И вот с того времени прошел месяц. За этот месяц Кырмызы крепко привязалась к Жулдыз. Она совсем забыла, что ребенок рожден не ею. Кырмызы, твердо решив “не отдам никому”, не отдала бы ребенка, даже если бы нашелся какой-нибудь родич Базаргуль, пожелавший забрать его к себе. Поэтому-то она сейчас так радостно и нежно заботилась о девочке.

Кырмызы, не сводя взгляда со спящего ребенка, некоторое время любовно смотрела на него. Вдруг, в сердце закрались беспокойство и тревога, словно кто-то должен был отобрать у нее Жулдыз. И прямо в этот момент с дороги, пролежавшей среди тесно толпившихся деревьев, послышался дробный топот конских копыт. И тут же мимо нее проехал верховой. Грузный, смуглый до черноты джигит громоздился вполоборота в седле на мухортой масти с лысиной на лбу коне. Посмотрел на женщину. В глазах его злость, гнев, обида. Кырмызы вздрогнула. Своим телом стала заслонять лежавшего в коляске ребенка...

Это был давний враг Кырмызы. Каражан был на два года старше ее. Оба учились в одной школе. Насколько Кырмызы была красивой и нежной, как омытый дождем только что распутившийся цветок, настолько же был несуразен своей коренастой, как обрубок дерева, фигурой и вздорным характером беспринципный Каражан. Если уж беда наметила тебя в жертву, то она и на краю света, за сорока горами найдет. Так вот этот Каражан в девятом классе безумно влюбился в Кырмызы. И если бы просто любил, так нет ведь, как тень, всюду волочился за девушкой, не отставал от девушки. Ну, а преисполненная нежных дум, красивая и душой, и телом Кырмызы не то, чтобы любить Каражана, но и видеть его не могла, до того он ей был противен, даже ходить не хотела по тому месту, где проходил влюбленный в нее джигит. Однако, девушка, отец которой погиб на войне и которая осталась на попечении больной матери и старшей сестры, не смогла так

просто отвязаться от Каражана. Причиной тому было то, что отец Каражана - председатель колхоза. А зять Кырмызы - главный бухгалтер того колхоза. Еще со времен войны председатель пользовался в колхозе большим влиянием. К тому же, подобно тому, как говорят в народе, что ворона, лаская своего птенца, говорит “мой беленький”, а ежиха своему ежонку “мой мягонький”, отец, считая поступки своего сына всего лишь баловством, ни в чем ему не перечил. А зять Кырмызы был корыстолюбивым человеком, во всем соблюдавшим свою пользу, как говорится, от жадности делившим одну спичку надвое. Короче говоря, пользуясь тем, что в годы после окончания войны в аулах плохо велась агитационно-массовая работа, эти двое стали сватами. Но в этот момент сын председателя, нанеся ножевые ранения учившемуся вместе с ним юноше, был осужден на два года. Когда Каражан, отбыв срок, вернулся, Кырмызы, закончив школу, поступила в университет в Алма-Ате. Года два после этого она не приезжала в свой колхоз. За это время почти одновременно умерли ее мать и зять и оставшаяся вдовой с двумя детьми сестра стала работать дояркой на молочной ферме. Часть оставшегося после смерти мужа скота председатель забрал себе, мотивируя тем, что это был уплаченный в счет выкупа за ее младшую сестру задаток. Однако это приобретение не пошло ему впрок. Были раскрыты очковтирательство и то, какими методами из года в год выполнялись планы колхоза хорохорившимся, как индюк, председателем. В полной мере были разоблачены его своеуправство и многое другое, и вскоре он был снят с должности. Когда пошли слухи, что он в скором времени будет отдан под суд, бывший председатель скоропостижно скончался. Привыкшему за спиной отца вытворять все, что заблагорассудится, задире-сынку ничего не оставалось, как кормиться собственным трудом. Но за какую бы работу он ни брался, делал ее без охоты, не отдавался ей душой. Из-за этого здоровый, сильный джигит, которому, казалось, камни по силам

было дробить, стал постепенно опускаться, презираемый своими соаульниками. В это время умерла его мать. Оставшись один, Каражан стал вести себя хуже прежнего. Напившись, даже драки стал затевать. И вот в колхоз приехала Кырмызы. Тоненькая и стройная, как тростиночка, с косами до земли, красивая девушка привлекала внимание всех парней. Особенно переживал Каражан, душа его полыхала огнем. Кырмызы, за которую еще недавно был заплачен калым и на которой он вот-вот должен был жениться, сегодня даже краем глаза не хочет смотреть на него, Каражана. Внезапно им стала овладевать ненависть к этой нежной девушке. Каражан именно из-за этой Кырмызы ударил ножом товарища-одноклассника на торжественном вечере по случаю окончания десятилетки. Кырмызы в тот вечер танцевала с Мукашем, сыном учителя колхозной школы. Каражан, отозвав в сторону юношу, весь, трясясь от ярости, заявил ему: “ты, перестань танцевать с моей невестой”. Мукаш на это возразил: “странный ты человек, разве не волен каждый танцевать с кем ему хочется?” Задира Каражан разъярился хуже прежнего: “Нет, я не разрешаю Кырмызы танцевать с тобой!” Кырмызы слышала гневные слова Каражана и ее тут же охватило возмущение. Она бросила брезгливый взгляд на него и, обняв Мукаша пустилась в танец. И танцевала она не просто так, а словно вся отдавшись какой-то радости, что-то время от времени говоря и звонко смеясь в объятиях юноши, самозабвенно кружилась в танце. Каражан понял, что Кырмызы насмехается над ним. Самолюбивый, вспыльчивый сынок колхозного председателя, не в силах сдержать себя, вырвал Мукаша из объятий девушки. И тут же, в ярости выхватив из-за голенища сапога нож-кинжал, в мгновение ока ударил им несколько раз юношу. К счастью, Мукашу удары ножа пришлось не в грудь, а в левое плечо и в мякоть левой руки. Колхозный врач оказал срочную помощь и сильно раненый Мукаш остался в живых. Ввиду того, что все это произошло на глазах массы людей в школьном зале

сын председателя колхоза был осужден. И то, благодаря стараниям отца, он получил всего лишь два года.

Каражан не только испытывал сожаление и ревность; в том, что его жизненный путь начался именно так, он винил Кырмызы. Себялюбивый, недалекий джигит не понимал своей вины. Если даже и понимал, то все равно не хотел понимать. И вот теперь та самая Кырмызы расцвела, как бутон тюльпана, не отвести от нее взгляда. Ну, а что касается Каражана...

Кырмызы вскоре уехала в Алма-Ату. Однако, хотя она и уехала, в душах молодежи колхоза оставался ее красивый образ. А недавняя еще любовь Каражана сегодня обернулась непримиримой ненавистью к Кырмызы. Эта ненависть, по мере понимания того, что девушка теперь никогда не будет принадлежать ему, перешла в усиливающуюся с каждым днем желание мести, пусть даже и кровавой. Но как бы ни кипела в нем злоба, сделать что-либо Каражану было не по силам и весь он превратился в закрытую ноющую рану. Потеряв навсегда виды на Кырмызы, он женился на некрасивой девушке-сироте из своего колхоза. К несчастью, бедняжка не беременела. Но недавно, во время поездки в город, она взяла из дома малютки хорошенького двухгодовалого малыша и привезла его домой. “Почему, не спросив у меня, ты привезла брошенного кем-то ребенка?” - возмутился Каражан и жестоко избил жену. “Где ты взяла, туда и верни ребенка”, - заявил он. Несмотря на каждодневные побои жена не согласилась на это. “Хоть убей, не отвезу. Я его сделаю своим ребенком, сама вскормлю”, - стояла она на своем.

Каражан был изумлен упорством этой маленькой, тщедушной женщины. Боясь властей, он прекратил избиения. Однако каждый день грозил ей: “все равно я в один прекрасный день отвезу его”. Напуганная этим заявлением мужа жена не спускала глаз с ребенка. Привязав к спине, брала его с собой на работу, вернувшись домой, не спускала его с рук. В один из дней этого их противоборства она, промучившись часа три, скончалась от

запущенной болезни, которую не лечила, - нагноение аппендикса. С самого начала невзлюбивший ребенка Каражан теперь изыскивал возможность избавиться от него. Именно в это время на отдых к сестре приехала в колхоз Кырмызы. К тому же приехала не одна, с ней были муж и маленькая дочка, которой едва перевалило за годик. Каражан еще раньше слышал, что джигит, за которого вышла замуж Кырмызы, известный поэт. А сам он в те дни работал кладовщиком колхоза. Поехав на станцию за колхозным грузом, он увидел выходящую из вагона с ребенком на руках Кырмызы. С ней еще был высокий светлолицый мужчина, видимо, муж. В этот момент Кырмызы, успокаивая заплакавшего ребенка, обняла его и стала целовать в лицо. Внезапно Каражаном овладели злость и обида и ощущение своего бессилия. Чуть спустя эти чувства перешли в гнев. Гнев и ярость переполняли его сердце. “Ну, погоди, Кырмызы, не быть мне Каражаном, если не заставлю плакать тебя саму, как этого ребенка”, - сказал он себе в злобе.

Если бы он знал, что та заплакавшая девочка не ребенок Кырмызы, то, безусловно, в нем не возникли бы эти враждебно-мстительные мысли. Он этого не знал. Что поделаешь, иногда такое вот пустяковое недоразумение порождает большое несчастье...

Каражан по своей жене знал, что по природе своей женский пол куда более расположен к детям, чем мужчины, даже если ребенок и не собственный. Ну, а малышка Кырмызы - это ее собственный родной ребенок. Плоть от плоти - ее радость. И только попробуй отнять у ней эту радость, тогда увидишь каким селевым потоком хлынут из ее глаз слезы.

Решение к Каражану пришло само собой. Ему на память пришли слова, сказанные сидевшим вместе с ним в заключении одного старого преступника. “Если ты по-настоящему хочешь отомстить ненавистному тебе человеку, ты не убивай его. А то ведь убьешь и все его раскаяние, мечты и все-все уйдет вместе с ним. Ну, а если ты хочешь по-настоящему насладиться мезтью,

убей самого близкого и любимого его человека. Тогда увидишь как он плачет, горюет. Только тогда ты удовлетворишься мстью”, - говорил он. И Каражан решил поступить так же. Нет, он не будет убивать ребенка Кырмызы. Он выкрадет его. Пока что просто выкрадет. А потом...

И вот, замыслив такое, Каражан не знал покоя. Приехав с фермы, на которой жил сам, в колхозный поселок, он узнал, что днем, когда муж уходил на беседы с колхозниками, Кырмызы остается одна с маленьким ребенком в доме сестры. В этот период все люди аула от мала до велика выходят на уборку хлопка.

Что касается Кырмызы, то она перед тем как народ начнет возвращаться с работы, выводит свою малышку на прогулку за аул. Держа направление на возвышающийся неподалеку пригорок, позванивая подвешенным к коляске колокольчиком, прогуливающая своего малыша Кырмызы, в своем белом шелковом платье издали напоминает птицу-лебедь. При виде этого у Каражана становится темно в глазах, сердце едва не разрывается от горя и тоски. По мере того, как Каражан все более убеждался, что вся радость этой птицы-лебедь - ребенок в коляске, он торопится как можно скорее лишить Кырмызы этой радости, заставить ее ручьями лить свои слезы.

Он загодя приехал в центральную усадьбу колхоза. Приемного сына за два дня до этого оставил здесь же в доме одной знакомой женщины. Он задумал не сегодня-завтра отвезти его в сиротский дом в городе. Сейчас, въезжая в поселок, Каражан увидел стоявшую у дома, где остановилась Кырмызы, коляску, накрытую красным одеялом. Увидев ее, он взъярился, как увидевший красную тряпку бодливый бугай, глаза его мстительно сузились. Быстро забрав своего ребенка из дома, где оставил, он повернул назад.

Что он собирается сделать? Какой подлый поступок совершить? Если для того, чтобы отобрать ребенка у Кырмызы, то убить ее, ведь будучи живой, отдаст ли она свое дитя? Ну, а

если ему придется убить Кырмызы, то зачем ему тогда нужен ребенок? Каражан злобно глянул на сидевшего впереди седла своего приемыша. В этом его взгляде не проскальзывало ничего, кроме ожесточения к этому безвинному младенцу. Нет, Каражан сейчас смотрел с ожесточением не на одного лишь этого ребенка, он проникся ожесточением ко всему миру. Ребенок, словно чувствуя сверлящий его затылок взгляд, забеспокоился... А это отчуждение, вражда между неродным отцом и маленьким ребенком возникли не сейчас, в данный отрезок времени, а возникли в тот день, когда он впервые появился здесь... Ребенок, словно чувствуя эту нелюбовь неродного отца, с первого же дня не принял его сердцем. При виде Каражана, под его злобным взглядом ребенок обычно пускался в плач. В таких случаях Каражан безжалостно бил его по щекам. Ребенок начинал плакать во весь голос. Прибегавшую на плач обеспокоенную жену Каражан изо всей силы толкал в грудь. Бедная мать падала навзничь. И вот этого безвинного младенца после смерти матери однажды он даже хотел отвести в голую степь и бросить там, чтобы съели волки. Но, рассудив, что ему придется туго, если люди начнут спрашивать “где твой сын?”, а также из страха перед законом, он отказался от своего намерения. В конце концов, он решил избавиться от ребенка, сдав в сиротский дом. Ну, а сейчас возникло само собой другое решение... “Пусть попробует Кырмызы вместо своего ребенка воспитывать чужого!” - сказал Каражан.

Солнце уже перевалило за полдень. Это как раз то время, когда Кырмызы выходит с ребенком на прогулку. Каражан, в ожидании когда выйдет Кырмызы, притаился в густом ивняке. Вот и Кырмызы вышла, уложила ребенка в коляску и вновь, чтобы еще что-то вынести, скрылась в доме. И в тот же момент, ударив коня ногами, Каражан подскочил к коляске. В мгновение ока он сбросил на землю своего ребенка, выхватил из коляски младенца и в тот же миг исчез в густых деревьях. Видимо, не сразу найдя то, что искала, Кырмызы чуть задержалась в доме.

Выйдя, подошла к коляске. В недоумении заозиралась по сторонам. Увидела стоявшего поодаль незнакомого ребенка. Подбежала к нему.

- Миленький, миленький, ты не видел тут мое маленькое дитя? - спросила она.

Перепуганный в конец и плакавший мальчик, своей маленькой ручкой указал куда ушел Каражан, а затем сквозь рыдания:

- Кара... Кара... унес его, - проговорил он и вновь захлебнулся в плаче.

Мальчик, не называя неродного отца "отец", называл его "Кара".

Кырмызы только сейчас почувствовала, что случилась беда, и закрыв лицо руками, заплакала в голос.

В то время как бледная, как полотно, Кырмызы, и опирающийся на клюку, единственный в это время в ауле хмурившийся старец, стояли растерянные около молча плакавшего и не вытиравшего катившихся из красивых, опущенных длинными и густыми ресницами глаз слез мальчика, с хлопковых полей начали возвращаться люди. Услышав о происшедшем, колхозники были ошеломлены и в изумлении взялись каждый за свой ворот. Посадив на имевшихся в ауле двух-трех коней джигитов, послали искать в направлении, указанном мальчиком. Пять-шесть активистов обыскали все дома аула, проверили колодцы, спустив в них людей. Ребенок не нашелся, не смотря на их старания. Лишь с наступлением сумерек, когда собрались все люди аула, со слов некоторых из них они едва-едва уяснили подоплеку происшедшего. Сам председатель во главе двух-трех джигитов пришел в дом Каражана. Каражана на ферме не оказалось. Немногие видевшие его люди сказали, что, уехав в полдень, он еще не возвращался. Они, конечно, не могли пояснить куда уехал кладовщик. Каражан и на другой день не приехал к себе домой. И на третий день тоже... Лишь тогда кое-кто стал припоминать, что тот продавал

некоторые из хранящихся на складе товаров и вещей. Ну, а некоторые другие рассказали, что Каражан, словно собираясь в дальний путь, откармливал в последнее время своего коня. Срочно была создана комиссия и проверен склад Каражана. Обнаружилось отсутствие большого количества колхозного имущества и запасных частей, в частности, таких из них как автомобильные колеса и некоторые другие. Никто не сомневался, что кладовщик все это потихоньку и тайно продал. Теперь стало ясно: Каражан бежал, боясь кары за присвоение колхозного добра и его распродажу, и за другие свои махинации. Однако пока что неизвестно было, забрал ли он ребенка с собой в бега, или же оставил его где-нибудь. К тому же зачем человеку, находящемуся в бегах младенец, которому едва перевалило за годик? Может быть, вот этот маленький мальчик что-то путает, это тоже порождало сомнения. Как бы то ни было, поиски в масштабе всего района не были прекращены.

Ну, а оставшегося совсем одиноким маленького мальчика-сироту Кырмызы была вынуждена привести в свою комнату. Конечно, ведь за ним нет никакой вины, за которую простительно было бы оставить его на улице. Однако, войдя в дом, он тут же повалился на пол. И кто бы его ни звал, не поднимался с места, не шел на зов. И есть он не стал. Так он лежал долго и, вконец утомленный, уснул.

Лишь на следующий день, когда возвращавшийся из поездки в дальние бригады Асыгат входил в дверь, мальчик, как бы узнав, поглядел на него и оторвал от подушки голову.

В доме было полным полно людей и при них мальчик вскочил на ноги и, подбежав, обнял Асыгата.

- Отец, почему ты так долго не приезжал? - проговорил он, поблескивая наполнившимися слезами глазами, - чего я только не перенес, не пережил в твое отсутствие, соскучился ведь я по тебе...

Все присутствующие застыли в недоумении. Лишь одна старуха проговорила:

- Бедняжка, верно, он путает с кем-то этого джигита.

И на самом деле так оно и было. Отец мальчика, так же, как и Асыгат, был высоким, сероглазым с длинными волосами и в очках джигитом. Он умер три месяца тому назад, вследствие автомобильной аварии. В день его гибели мальчик был в детском саду. Он даже не знал, что товарищи уже похоронили отца. Лишь тогда, когда привыкший к тому, что папа каждый день его забирал из садика, он начинал спрашивать всех подряд о нем, воспитательницы успокаивали его: “Отец твой уехал в далекое путешествие, скоро уже должен вернуться”. С тех пор мальчик ждал отца, считая, что тот не сегодня-завтра приедет. А мать его умерла год назад. Одна старуха, знавшая все это со слов усыновившей мальчика жены Каражана, сказала, утирая платком выступившие слезы:

- Милый ты мой, он принял за отца этого джигита.

Еще у кое-кого увлажнились глаза.

А мальчик тем временем был удивлен тем, что отец не поднимает как обычно его на руки, не обнимает, не целует в щеки. “Или это другой человек? Нет, нет, мой отец... И глаза у него такие же ласковые, и волосы длинные. Однако почему он не обнимает меня и не целует в щеки? Ведь, приходя в детсад, он всякий раз делал так...”

Асыгат лишь сегодня рано утром услышал о том, что потерялась маленькая девочка, которую только недавно удочерила его жена. Внешне он сохранял спокойствие, но в душе у него полыхал пожар... Он тоже начал считать своим ребенком привлекательную, как куколка, маленькую девочку, начал проникаться к ней любовью. Он едва расслышал сказанное старухой. И все же понял, что мальчик путает его с кем-то. Только теперь он переключил на него свое внимание. Неожиданно для всех склонился к нему, поднял на руки и поцеловал поочередно в обе щеки. Иначе поступить Асыгат не мог. Склонившись, он увидел умоляюще и с надеждой смотревшие на него из-под длинных и густых ресниц

наполненные слезами громадные, как чаши, глаза ребенка, его побледневшее симпатичное личико. В остановившемся от горя взгляде мальчика он уловил какую-то очень большую любовь к себе, мольбу. Когда ребенок опустил свои длинные ресницы и тут же вновь поднял их, ему показалось, что тот, желая зажечь в его душе пожар, бросил в его сердце жаркий уголек своего горя. Асыгат не стерпел, вновь поднял малыша и, прижав к груди, опять стал целовать в обе щеки поочередно.

- Ох, милый ты, мой...

“Нет, нет, это его собственный отец! Конечно, отец! Только его собственный отец умеет так целовать”. Из глаз мальчика теперь потекли слезы радости. Зардевшееся лицо его было мокрым от слез, длинные ресницы подрагивали и он, сжав что есть силы своими пухлыми ручонками шею Асыгата, радостно заключил отца в свои маленькие объятия.

- Отец, мы теперь в город вернемся?

- Вернемся, милый, вернемся.

Лишившаяся недавно только удочеренной малышки супружеская пара, удрученная своим горем, спустя неделю возвращалась в Алма-Ату. С собой они забрали и брошенного Каражаном мальчика. Однако по прибытии в город они не поспешили отвести его в детский дом. Близкая к потере разума от собственного горя мать поначалу даже внимания не обращала на мальчика. И все же ведь мальчик тоже живая душа, ведь он тоже ребенок, и через два-три дня убитая горем мать, вздыхая и стоная, стала кормить его и укладывать в постель. Что касается мальчика, то он был удивительным, с любопытством взиравшим на мир, безвинным, как ангел, созданием. Если кто-либо из приходивших в дом людей рассказывал об увиденном на улице плохом происшествии или о том, как большой мальчик ударил маленькую девочку, он, то поднимая, то опуская свои длинные ресницы, едва не плача произносил: “разве так можно?” Ну, а стоило ему услышать, что приносившая в дом молоко преклонных лет старая

женщина, переходя улицу, едва не попала под несущуюся на большой скорости машину, он опять же подрагивая длинными ресницами, всей душой переживал это событие, словно оно произошло с ним и у него вырвалось: “Эх, надо же такому случиться!..” Словно он не трехгодовалый ребенок, а взрослый человек.

Мальчик к тому же был очень умен. Хотя он и считал Асыгата своим отцом, тот день, когда черный негодяй похитил ребенка Кырмызы, он помнил и до сих пор еще не принял ее как мать. По-своему искавший пути подхода к тому, как завоевать расположение пребывавшей в неутешном горе матери мальчик, однажды заговорил с Кырмызы по-взрослому. Вконец измучавшаяся и исхудавшая Кырмызы сидела перед окном, хмуро глядя впереди себя. Тихо ступая, к ней подошел мальчик.

- Апа, - произнес он, и голосок, и длинные ресницы его одновременно вздрогнули.

- Что, свет мой?

- Апа, - повторил мальчик, - я знаю, что мою маленькую сестренку унес Кара. Сейчас я еще очень мал и не в состоянии помочь в твоем горе. Ты не плачь, вот вырасту и сам отыщу ее.

Глаза Кырмызы вмиг наполнились слезами.

- Милый же ты мой...

- Ну, а до этого... - и мальчик через силу продолжил, - пусть я стану платой за ваше маленькое дитя, сделайте меня своим ребенком.

Кырмызы резко обернулась. Увидела хлопавшего, как ласточка крыльями, длинными ресницами и с мольбой глядящего на нее мальчика. “Какие же у него прекрасные глаза!” - сказала про себя Кырмызы. И все же она и сама не заметила как у нее вырвались тяжелые слова.

- Ты разве не пойдешь в детдом? - сказала она. Сказать-то сказала, но, словно устыдившись этих своих слов, молодая женщина смущенно устала себе под ноги.

- Не пойду, - сказал мальчик. Кырмызы уловила в его

голосе, не замечаемые ею прежде жесткие нотки. - Если я пойду туда, то снова потеряю отца.

Теперь Кыргызы обуюла какая-то огромная радость. Она разрыдалась и, прижав мальчонку к груди, стала целовать в обе щеки как прежде целовала свое дитя.

- Жеребеночек мой, - чуть повеселевшим голосом произнесла она, наконец, - я и сама не отпущу тебя в детдом.

Назавтра Асыгат и Кыргызы записали ребенка на свою фамилию. Дали ему новое имя - Еркебулан. Вот так единственный сын Асыгата Еркебулан пришел в свет с новым именем, с новыми родителями. Но особенно слился он душевно с Асыгатом, войдя в его сердце как самое дорогое существо. Кыргызы тоже считала его родным сыном. Еркебулан тоже сумел ответить любовью на любовь. Трехлетний ребенок, сознание которого еще не оформилось, через небольшой отрезок времени вовсе забыл, что Кыргызы ему не родная мать. Он теперь души в ней не чаял. Если мать, уйдя в театр или в гости, должна была вернуться поздно, Еркебулан ждал ее, не смыкая век. И стоило ей войти в дверь как он, словно потерявшийся и нашедшийся щенок, бросался к Кыргызы, радостно и ласково повисал на ее шее и вытворял бог знает что, показывая свою неистощимость на милые проделки. Еркебулан способствовал тому, что лишившаяся заживо своего ребенка супружеская чета начала забывать свое горе. Он сумел обнаружить в себе, в отношении родителей и любовь, и все то, что вызывало с их стороны ответную любовь. И вот этот единственный сын заболел этой болезнью. Кому же еще переживать, как не Асыгату и Кыргызы? Кому же еще плакать, как не Асыгату и Кыргызы?

Пребывающие в горе супруги, словно поссорившись друг с другом, лежали в разных комнатах и обессилено задремали лишь тогда, когда забрезжил рассвет. А утром Асыгат встал с постели совсем другим человеком. Это уже не вчерашний убитый горем, не согнувшийся под его тяжестью, словно враз

состарившийся человек. Асыгат, это уже другой Асыгат. И движения его спокойны и собраны, и рассуждения его уместны.

Всем сердцем переживавший за сына отец понял, что, просто горюя, ничего не добьешься. Он твердо решил противопоставить навалившейся беде все свое мужество и волю и бороться в меру своих возможностей за судьбу сына. Однако каким образом он будет бороться? С какой стороны начнет ее? Хотя консилиум врачей вынес заключение, что болезнь Еркебулана - следствие душевной депрессии, отец не хотел в это верить. В результате долгих размышлений он сделал предположение, что причиной того состояния, до которого дошел сын, является или Жулдыз, или их, родителей, неправильное воспитание, так как отец и мать только и делали, что проявляли любовь к единственному сыну. Старались исполнить каждую его прихоть. Не закалили его характер, чтобы он мог противостоять трудностям, неожиданным ударам, которые иногда случаются в жизни. Его сын рос, не испытав даже одной тысячной тех трудностей, которые испытал он сам. Поэтому-то он и не вынес этот выпавший на его долю первый удар. Конечно, что это за удар - отцу не известно, Жулдыз - это тоже всего лишь предположение. И все же для него было бесспорным то, что сына его настиг некий удар. Желая облегчить этот удар, избавиться от его последствий, он начал пить. Для непривычного к водке молодого человека - это тоже опасный путь, который может кого угодно сбить с толку. Ну, а тогда, выходит, Еркебулан и на самом деле до этого не пил? Кто может поручиться за это? Кто может поручиться, что за пять лет пребывания в Москве он не пристрастился к водке? Может быть, не желая расстраивать нас, он сдерживал себя? Но привычка ведь, в конце концов, даст знать о себе. Разве не может быть и так? Может быть! Может! И как бы то ни было, я должен бороться за Еркебулана. Должен бороться! Без этого для меня нет жизни!.. Ну, а пока он жив...

Взгляд поэта Асыгата упал на висящее на стене зеркало. Он был удивлен собственным обликом. Каким он был прежде?! Внезапно быстро зажмурился. Как приближающиеся издалека волны именно в этот момент в его сердце зародились следующие друг за другом строфы стихов. Он вполголоса заговорил ими:

В то время мы были и голы и голодны.
Однако хотели мы мир перестроить.
Потому что мы были молодежью с пламенем в груди,
Кипящей неумной волей и упорством!
Теперь вот душу заполнило горе,
Одряхлел, словно мне уже девяносто лет.
Смотрю на себя сам и диву даюсь,
Неужто и вправду я был когда-то молод?
Эх, проходит безвозвратно эта жизнь,
Есть ли интересы, достойные ее?
Если есть способности останется им после тебя.
Однако какая польза от него умершему?
Сын был продолжением моей жизни.
Без него я всего лишь один из многих ушедших
Нет, нет, не лейтесь так рано слезы из глаз моих.
Пока он жив я тоже жив!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Асыгат рано начал писать стихи. Первая его поэма тоже родилась рано. Однако никто не обратил внимания на эту поэму. Не повидавший жизни задорный юноша он лишь свою первую любовь сделал основой поэмы. И все же в разных ее местах проявлялась, казалось, вспышками огненными, как у молодого стремящегося к первой своей вершине беркута, задор и целеустремленность.

Самое первое его четверостишие было таким:

Стих, войду в объятия твои,
Будешь трудным, готов перенести твои муки,

Не жалея для моего сердца пламени своего,
Хотя бы вспыхнув раз, блеснув, погасну.

И то, что он с первого же раза ударился в тему любви, было неспроста. Один ангел, по имени Кырмызы, стал к тому времени повелителем его сердца.

Поэтому-то он и исторгал из себя: “Моя Кырмызы, радость моя, смеющаяся как солнце”.

Они поженились только через три года после этого. Однако то ли он так и продолжал быть под впечатлением одной лишь любви, но выше первой своей поэмы подняться не смог. Некоторые критики говорили: “Асыгат не смог подняться на общественную высоту”. Конечно, он не учитывал того, что при определенных условиях в некоторых случаях и любовь, пусть это даже и любовь отдельного человека, может стать песнью общечеловеческой. Так вот начались первоначальные безбедные дни творчества Асыгата. Конечно, в его поэтических способностях сомнения не было, но тема, воспеваемая им, подверглась критике. “Ты не видишь великие стройки, Турксиб, Магнитку, ударный труд и темпы пятилеток”, - говорили ему.

Это было серьезное обвинение в адрес поэта. А что касается самого Асыгата, то он мечтал об умении шагать в ногу со своей эпохой.

Лишь в годы войны и послевоенный период гневно прозвучал поэтический голос Асыгата против фашизма, насилия. Вот и сейчас исполнилось уже два года, как он приступил к еще одному значительному труду.

Со своим сыном Еркебуланом он с малолетства того, умел находить общий язык. Тому, что сын рос приверженным к справедливости, правдивости, к любви, к прекрасному, во многом способствовал отец. В то время большинство городских ребят-казахов не знало родной язык. Еркебулан не относился к их числу. Мальчик с малолетства начал с детского журнала “Балдырган”, а когда подрос, вполне осиливал толстые-претолстые романы известных писателей. Ну, а что касается

любви родителей к нему, то ей не было предела. Он и сам знал всю меру их любви к нему. До сих пор он помнит один разговор, имевший место в его юности.

Обычно за чаем или во время вечерней семейной беседы, Асыгат рассказывал супруге и сыну о городских новостях, или пересказывал вычитанные им в книгах, газетах из ряда вон выходящие события, интересные рассказы.

Однажды, когда они уже завершили вечернее чаепитие, отец сказал:

- Я сегодня прочел о событии, которое описал один американский журналист, даже трудно поверить...

- Ну и что же это за событие? - спросила мать.

- Я расскажу о нем. Вот только на правду не похоже.

Мать рассмеялась.

- Ты еще не рассказал, но уже разжег наше любопытство.

Отец тоже рассмеялся.

- Но разве без этого рассказ будет интересным? Ну, хорошо, расскажу. Ехавшие в поезде-экспрессе американцы увидели бежавшую наравне с поездом молодую женщину. Ее золотистые, длинные и густые волосы от встречного ветра развевались за головой. Она птицей летит, не отставая от идущего на большой скорости поезда. В какой-то момент смотревшим в окна пассажирам показалось, что женщину со всех сторон окружает голубое, шаровидной формы, сияние. Намеревающуюся обогнать метеором несущийся поезд испускающую голубое сияние женщину, заметили и машинисты паровоза. Внезапно, словно перед ними лежало на путях что-то страшное и опасное, они резко затормозили поезд. В этот же момент исчезли и голубое сияние и сама женщина. Пассажиры поспрыгивали с вагонов. Они увидели крепко привязанного к железнодорожному рельсу ребенка двух лет. Вскоре нашелся и отец ребенка. "Это мой ребенок. Ну, а что касается бежавшей женщины, то, судя по тому, как описали и обрисовали ее люди, это моя прежняя жена. Она умерла в тот

час, когда рожала именно этого ребенка”, - пояснил он. - Похоже, каким-то образом узнав о том, что ее ребенок привязан к рельсу, она изо всех сил пыталась добраться до него раньше поезда...”

На вопрос “ну, а кто же привязал ребенка к рельсу?” он ответил:

- Мачеха. Я в прошлом году женился на ней. Считая, что в случае моей смерти ребенку будет причитаться доля наследства, воспользовавшись моим отъездом, она ночью принесла и привязала его к рельсу. Вчера она призналась в этом.

Асыгат скорбно вздохнул.

- Видели, каково бывает сердце матери? Конечно, это выдуманная история. Однако в ней есть одна правда. Это - сердце матери. Узнав об опасности, грозящей ее ребенку, бедная мать не смогла спокойно продолжать лежать в могиле...

Асыгат вновь вздохнул.

- Конечно, тому, что событие на самом деле имело место, нельзя верить. Ну, а корреспондент пишет, что он расспрашивал всех пассажиров того поезда и что все они подтвердили верность этого события.

- Я верю этому, - сказала мать.

Теперь муж и сын посмотрели на нее. Из глаз ее текли слезы, она плакала.

- Я верю. Ведь это чистая правда! - сказала Кырмызы.

Тот разговор навсегда остался в памяти Еркебулана. В памяти было и то как в те же дни подравшийся с ним маленький мальчик, дразня, назвал его “пасынком”. Услышав эти слова матери и думая над тем как она любит его, он поверил, что не является для нее “пасынком”.

Ну, а то, что Асыгат любил не только поэзию, но и души не чаял в своем сыне, известно. Любовь к Еркебулану превратилась для него в своего рода поэзию. Поступки мальчика, мягкий, ровный характер, ласковые шалости, всегда бередящие душу, давали Асыгату новое вдохновение, новые радости.

Он записал в своем дневнике:

Мой милый, жеребенок, птенчик мой,
Раскрыл доброй надежды ладони ради тебя.
Будешь хорошим человеком - в радости буду
пребывать,
Будешь плохим - не взойдет для меня солнце, не
настанет рассвет.

Начиная с того дня, как Еркебулан был привезен из аула, отец и сын спали рядом, в одной постели. Если ему приходилось выезжать куда-либо, он торопился поскорее вновь увидеть его. Из поездок в Москву, Ленинград он привозил ему кучу разнообразных игрушек. Если ему не изменяет память, то, кажется, когда Еркебулану исполнилось пять лет, он купил ему набор, штук тридцать, с разукрашенными в различные цвета гранями кубиков, из которых можно было построить башню, или, соединив друг с другом, играть в поезд. Удивительное дело! Еркебулан, заполучив эти кубики, отложил в сторону прежние игрушки - маленькие машины, резиновых слонов, тигров и целыми днями возился с этими кубиками. То, сложив стены из них и накрыв твердой картонкой, строит дом. И какой еще дом! Точь-в-точь многоэтажный дом в каком-нибудь микрорайоне. Из кубиков с сероватыми гранями он возводит стены, кубики с голубыми гранями служат окнами, то составит из них извивающийся на ходу тяжелый многовагонный поезд. И какие бы дома, торжественные дворцы, башни и даже городские кварталы он ни возводил, все это у него получалось солидным, радовало осмысленностью замысла и красотой исполнения.

Видевший такое мастерство сына отец теперь думал о том, как развить это заложенное в нем самой природой умение. Теперь отец искал в магазинах и покупал игрушечные строительные конструкторы, игрушечный столярный инструмент. А если он выезжал куда-либо, то привозил ему сделанные из камня, дерева сувенирные макеты известных дворцов, мечетей, мавзолеев, башен и минаретов. Мальчик все

это принимал с радостью. К тому же он не ломал ни одной из привезенных отцом игрушек-макетов, иногда даже по их образцу начинал что-то строить.

Отец поначалу решил, что из сына получится способный завязывать из дерева узлы и плести из камня кружева мастер, но когда Еркебулану перевалило за семь лет, он напрочь отказался от этой своей мысли.

Нет, он понял, что сын обладает не так склонностью к искусному мастерству, как широтой замысла, способностью к собственному решению архитектурных и строительных вообще композиций, понял, что есть у него собственный, присущий только ему, взгляд на окружающее.

Отец старался развить эти проявляющиеся в сыне способности. Вместе с несколькими товарищами возил его в разные города. Показал ему Ленинград, Самарканд, Бухару, Хиву. Показал старинные, редкостной красоты, памятники строительного искусства. Познакомил со считающимися воплощением современного строительного искусства городами, такими, как Навои, Шевченко, Темиртау. Короче, он сумел заинтересовать Еркебулана искусством архитектуры. К тому же по мере возможностей не жалел своих усилий для раскрытия заложенного в сыне таланта. Он сумел выполнить отцовский долг. Еркебулан тоже оправдал надежды отца. С особым отличием окончил Московский архитектурный институт.

Отец много помогал сыну не только правильно найти дорогу в искусстве, но и расти в душевной чистоте.

Конечно, ребенок подобен пробивающемуся из земли слабому ростку. Если не будет кому защитить его от студеного ветра, от ливня с градом, нельзя быть уверенным, что он вырастет правильно. Отец, мать нужны ребенку особенно когда он еще мал возрастом. Казахи не зря говорят: “Что увидел в гнезде, тому и, возмужав, следовать будешь”. Пока ребенок физически не окреп, пока разум и сознание его не оформились, дела и поступки родителей, их правильные советы и мысли,

их уместные наставления - вот, что более всего необходимо ребенку. С этого возраста начинается формирование человека как личности.

Впервые крупный разговор отца с сыном состоялся, когда тот учился в шестом классе. До этого отец не знал за сыном, кроме присущих всем детям, порожденных баловством, незнанием или пустым упрямством чуть раздражающих поступков, никаких задевающих душу проявлений распущенности, озорства или драчливости. А в тот день отец и мать были одинаково расстроены.

Еркебулан ушел в школу, Асыгат и Кырмызы сидели за утренним чаем. Вдруг в квартиру вошла средних лет светлолицая плохо одетая женщина-казашка. Асыгат видел ее в день начала занятий в школе на заседании родительского комитета шестого класса. Рядом с ней тогда сидела учащаяся вместе с Еркебуланом красивая девочка лет двенадцати-тринадцати с большими умными глазами. Асыгата особенно удивили волосы этой девочки. Они не были короткими и куцыми как у ее одноклассниц, и туго заплетенные в косы, лежали на ее коленях. Эта картина до некоторой степени согрела душу выросшего в ауле Асыгата. Потом он говорил и с матерью этой девочки. Воспитывала она дочь одна, без отца. Сама работала на заводе. Получив в прошлом году вместе с дочерью новую квартиру, они переехали в окрестности этой школы. Сейчас как раз и пришла та самая женщина.

После взаимных приветствий Кырмызы пригласила:

- Присаживайтесь к чаю.

- Спасибо, - произнесла расстроено женщина и затем посмотрела на Асыгата. - Извините, почтенный, за то, что без спроса пришла к вам в дом. Не придти не могла.

Асыгат с каким-то сочувствием смотрел на женщину.

- Очень уж вид у вас расстроженный. Не попали ли вы в какое-нибудь трудное положение, или как? Надеюсь, в доме все живы-здоровы?

- Все во здравии, - тихо вздохнув, произнесла женщина, - и все же толку-то от такого здравия... - Женщина не закончила свои слова. Взяв в руки сумку, она вынула из нее две косы и положила на расположенный рядом диван. - Вот, пожалуйста.

Асыгат и Кырмызы одинаково встревожились.

- Это косы моей дочери, - сказала, не повышая голоса, женщина все тем же расстроенным тоном, - ночью, когда она возвращалась из кино, ее одноклассники, поймав ее в темном месте возле дома, отрезали ей эти вот косы и вручили ей.

Перед взором Асыгата сразу же возникли те косы девочки, на которые он с симпатией глядел тогда. "Да, да, это те самые две косы. Как они шли ей..." Вдруг сердце его как-то особо зазвучало.

- За что же они отрезали косы вашей дочери? - сказал он несколько повышенным тоном.

- Этого я не знаю...

- Какие ребята, вы сказали, сделали это? - поднявшись с места, спросил Асыгат.

- Ребята, которые учатся вместе с ней, однако... Среди них был, кажется, и ваш сын. Моя Назым говорит, что было очень темно и она не разглядела их лиц, но за одну руку ее держал Еркебулан. Она заметила, что на его руке были часы. А в их классе только Еркебулан носит часы, пояснила она. - На глазах у женщины выступили слезы. - Если уж они сегодня отрезают косы, то завтра не остановятся и перед тем, чтобы убить в темном углу. Вот что может терпеть от других ребенок без отца.

- Ох, беда-то какая! - сказала, проникшись жалостью к женщине Кырмызы. - Неужели и вправду мой Еркебулан принял участие в этом хулиганстве?

Ведь в это даже трудно поверить.

Женщина вновь заговорила.

- Одно удивительно. Когда директор школы и учителя вызвали учеников и расспросили, никто из них не признался. Все они отказались, говоря "Это не мы". Лишь один ваш сын

промолчал, как устыдившийся своего поступка человек, не отрывал взгляда от земли. Поэтому-то я и пришла к вам. - Женщина вдруг разрыдалась. - Что сделала моя еще совсем маленькая, не достигшая совершеннолетия, Назым, чтобы издеваться так над ней.

Впоследствии выяснилось, что чистосердечная, красивая Назым подружилась с когда-то ходившим вместе с ней в детский садик, а теперь учившимся в параллельном классе, своим сверстником - мальчиком. Они иногда ходили вместе в кино, встречались, помогая друг другу в выполнении домашних заданий. Одноклассники-ребята, недовольные тем, что Назым дружит не с ними, а с мальчиком из другого класса, сказали ей "прекрати". Особенно усердствовал в этом деле, сидевший за одной партой с Назым, несколько хулиганистый Салим, который угрожал: "если ты будешь дружить с мальчиком из чужого класса, на нас не обижайся!" Но, дружившая чистой детской дружбой с тем мальчиком Назым, не придавала значения этой угрозе. Разозленный тем, что Назым не послушалась его, Салим, не стерпев насмешек товарищей, говоривших, что у него "из-под боку стащили девчонку", в конце концов, уговорил товарищей "проучить Назым". Товарищи приняли это предложение за шутку. И вот, руководимые Салимом, они прошлой ночью подстерегли в темном месте возвращавшуюся из кино Назым, отрезали и вручили ей собственные ее косы, а сами убежали. Уверенные, что у Назым волосы отрастут вновь, ребята сочли этот свой поступок всего лишь наказанием за то, что она не послушалась их и пренебрегла ими. Однако при виде пришедшей в школу вместе с матерью с косами в руках заплаканной Назым, ребята, некоторые от стыда за содеянное, некоторые из страха перед наказанием, все, как один, заявили "Это не мы". Сказать, что уговорил их, организовал и возглавил все это Салим, они не решались. Находившиеся в том возрасте, когда подобное признание они считали предательством, они не называли имени Салима. Лишь проникшийся жалостью к

плачущей с косами в руках Назым Еркебулан чуть помедлил со своим ответом, но и он, считая несприличным для себя быть вне “общества”, тоже отделался общим для всех “ничего не знаю, ничего не видел”.

А сейчас... Понявший со слов женщины всю суть происшедшего Асыгат, сразу изменившись в лице, обратился к ней:

- Ладно, - сказал он подавленно, стараясь не выдавать разливавшуюся в груди горечь и закипавший гнев, - вы оставьте эти косы у нас, потом заберете. Ну, а когда придет наш сын, мы, выяснив всю правду, известим вас.

В тот день Еркебулан вернулся из школы очень расстроенным и подавленным. Он молча прошел в свою комнату, бросил книги и, выйдя в гостиную, увидел косы. Вмиг изменившись в лице, он уставился взглядом под ноги. Заметивший как побледнел сын, Асыгат спросил:

- Ты сегодня видел Назым?

Еркебулан еле-еле пробормотал в ответ:

- Видел...

- Как она выглядела раньше, а сегодня как выглядела?

Сын промолчал.

- Ведь только вчера, распустив свои великолепные косы, вам улыбалась Назым. Разве не охватывала вас самих радость, когда вы видели ее, а сегодня... при виде вашего плачущего товарища-девочки, лишившейся украшавшей ее пары кос, вы разве не поняли, по правде говоря, сколько радости потеряли? Ладно, возможно, из пустого упрямства, или же из-за ребячьего непонимания, пусть даже ни из-за чего не стоящей враждебности вы захотели наказать Назым, однако как у вас поднялась рука надругаться над привлекательной для вас самих, вас же самих радующей ее красотой? Если бы в жизни не было правдивости, справедливости, красоты, ничего привлекательного в этой жизни не было бы. Нет, вы наказали не одну только Назым, вы наказали и красоту. А вместе с красотой вы наказали и себя.

- Отец, - произнес Еркебулан, вдруг подняв голову, - увидев Назым недавно, я понял, как плохо мы с ней поступили. Я обещаю, что впредь я никому не причиню подобного зла!

- За то, что ты понял собственную ошибку, тысячу и одно тебе спасибо, - сказал отец, - я не сомневаюсь, что ты сдержишь свое слово, - и погладил сына по голове. - Однако жизнь есть жизнь. Если кто-то будет повышать на тебя голос, или же причинит тебе зло, дурно с тобой поступит, - тебе тоже поневоле придется ответить ему тем же. Лишь об одном предупреждаю: прежде подумай о том, как ударит по нему твое зло.

И вот тот самый Еркебулан сейчас высокообразованный инженер. Он не давал поводов родителям усомниться в том, что станет хорошим человеком. Особенно отец, похоже, чувствовал, что сын не просто инженер. И подтверждением этого были высказанные самим сыном мысли о будущем, его мечтательные наметки по выполнению своих инженерных замыслов.

Прошлогодний разговор с сыном о будущем Алма-Аты все еще в памяти Асыгата.

Был выходной день. Асыгат с утра сидел за работой. В какой-то момент он погрузился в глубокое размышление. Тихо ступая, к отцу подошел Еркебулан. Посмотрел наружу через открытую дверь балкона. Представшая взору картина заставила его восторгнуться. Он понял, что и отец смотрит на эту картину. Хребет Алатау с заснеженными вершинами, нависая над городом, словно крылья какой-то диковинной гигантской птицы, будто взял обе части города под сень этих крыльев. Расположенный на склонах гор город, как-то особенно озаряясь при взгляде через окно рабочего кабинета Асыгата, притягивает взор своим свечением. В окрестностях гор уже наступили первые дни осени и листья берез и карагачей подернулись желтизной. Разноцветье цветов в городских парках и скверах благоухают своими ароматами. А цветочные клумбы под окнами напоминают своими узорами тканые ковры. Солнце вдруг

проглянуло из-под разреженных облаков и город, как вынутый из ларца драгоценный камень, засверкал во всей своей красе. Город у подножия Алатау, словно сказочный Гулистан, окунулся в какую-то необыкновенно чудную, вне человеческой фантазии красоту. Отец и сын, изумленные этим внезапным изменением облика города, смотрели на него с еще большим восхищением, чем прежде.

Как прекрасна наша Алма-Ата! - произнес Еркебулан. В этих словах сына Асыгату послышался отголосок особой радости, порожденной прекрасными городами, панорамой редкостных по своему размаху городскихстроек у подножия, нарядной красотой бирюзовой зелени его садов и парков.

- И все же, мне очень близок к сердцу прежний старый город. Его облик в пору моей молодости все время стоит перед моим взором, - тихо вздохнув, сказал Асыгат. - А сейчас все больше становится похожих на фабричные корпуса, выстроенных в ряд, неотличимых друг от друга, как спичечные коробки, домов и зданий. Особенно на окраинах... Все улицы без исключения укутаны асфальтовым покрытием, через которое не пробьется ни одна травинка-былинка. Чуть пригреет солнце, оно размягчается и источает запах смолы. Нет, это не красота, а одна лишь цивилизация. А человеку одной лишь голой цивилизации мало...

- Да, да, - засмеялся Еркебулан, - ведь то, что вы говорите, мнение, что все уходящее в прошлое, дорого, - старая песня.

- Возможно, возможно, - казалось, сразу же согласился Асыгат. - Однако, похоже, люди не беспричинно умирают от рака. Ведь большинство из них жители городов, всю жизнь они дышат испарениями асфальта, запахом смолы, будь они не ладны...

По лицу Еркебулана пробежала как будто тень сожаления.

- От рака, говорите? Да, мы лишились некоторых хороших людей.

На фоне этого, залитого лучами солнца, прекрасного города и чистого, прозрачного, как слеза младенца, голубого

неба слова “лишились некоторых хороших людей” обдали холодком и слух самого Еркебулана. “И в самом деле, как могут умирать люди в таком прекрасном городе?” - сказал он про себя. Вспыхнувший перед этим в его глазах огонек радости, тут же погас.

Оба, словно думая каждый о чем-то своем, некоторое время сидели безмолвно. Вдруг солнце вновь вынырнуло из-под облаков и комнату залили его лучи, окрасив ее в более нарядные тона, чем недавно. С лица Еркебулана стала сходить так неожиданно набежавшая тень грусти.

- Да! Ну, а что касается того, что строящиеся здания похожи на спичечные коробки, это уже вы, кажется преувеличиваете. - И к отцу и к матери Еркебулан обращался всегда на “вы”. - Нет, вроде бы и не преувеличиваете, а смотрите на это дело как-то однобоко. К тому же не с того боку, с какого нужно смотреть. Вы помните старый город?

- Помню! Как же не помнить! Помню и то, что Алма-Ата и в то время была хорошим, красивым городом. Весь город утопал в аромате яблоневого цвета, а затем и яблок. Сейчас мы уже стали забывать каким был апорт в то время. А был апорт вот такой величины! - Асыгат показал два сложенных кулака. - Ни одно яблоко ни на золотник не тянуло меньше двух фунтов. И телега таких яблок стоила всего два рубля! Говоря языком того времени, всего лишь двугривенный!

- Однако, всему свое время, не спешите, еще настанут дни, когда в центре Алма-Аты будут раздаваться трели соловьев, а по улицам поплывет аромат яблонь. Дайте только срок! - сказал Еркебулан.

- Пока настанут эти дни здесь не останется ни одной яблони! - махнул безнадежно рукой Асыгат. - Ящикоподобные дома, асфальт, машины, десятки тысяч такси - это что ли нужно человеку, а?

- Это тоже нужно! - Еркебулан кивнул головой. - Вопрос в умении пользоваться каждым из благ в соответствии с его

целесообразностью. Если позволить одному превалировать над другим, нарушится вся гармония города.

Отец, как бы говоря “еще что скажешь?”, любовно посмотрел на сына.

- Да, - заговорил вновь Еркебулан, - одно дело построить такой красивый город как Алма-Ата, другое дело - суметь уберечь его. Сами ведь знаете, как в семьдесят третьем едва не случилась великая катастрофа.

Еркебулан говорил о событии, связанном со строительством большой плотины в Медео.

- Затем, - продолжал он, - еще одна проблема заключается в том, что Алма-Ата стоит не на равнине, как Москва, или там Калуга, а у подножия Алатау.

- Да-да, беспокойная местность, - кивнул головой Асыгат, - местность опасная, здесь время от времени случаются и землетрясения.

Они долго беседовали в этот день. Отец убедился, что сын - не только отлично закончивший институт инженер, но и обладающий широким кругозором вдумчивый инженер.

Душевно удовлетворенный отец теперь с еще большей энергией, чем прежде, принялся за главную свою книгу, над которой работал. Однако оттого, что начиная с этой осени его стал беспокоить какой-то болезненно-ноющий ком во внутренних органах, он пошел в поликлинику. После продолжительных наблюдений, исследований, принимавший его пожилой профессор сказал:

- Ну, Асыгат, тебе необходима срочная операция. У тебя в прямой кишке, ближе к мочевому пузырю, есть опухоль...

- А что будет, если я не соглашусь на операцию? - со смехом глядя на профессора, сказал тогда Асыгат.

- Чему же быть-то, дело примет нехороший оборот с плохими последствиями, - ответил ему профессор.

Асыгат теперь понял, что болезнь его очень опасна.

- Ну, а какова сама операция при такой болезни? Трудная, легкая?

- Операция не легкая, - сказал в этот раз напрямую профессор. - Из-за того, что опухоль расположена близко от мочевого пузыря, операция в таких случаях всегда бывает трудной и сложной. К тому же у тебя с давних пор не все в порядке с сердцем. В первую очередь необходимо подлечить твое сердце. Без этого опасно делать тебе операцию.

- А если сердце мое не поддастся лечению, что тогда? - сказал Асыгат. Он и сам не знал зачем задал этот вопрос.

- Будем ждать излечения.

- Ну и если его никак нельзя будет излечить, что вы предпримите тогда?

- Сравним обе ситуации. Какая из них окажется безопасной, на той и остановимся.

Асыгат понимал, что положение в обоих случаях трудное. Конечно, было бы хорошо, перенеся операцию, раз и навсегда избавиться от этой болезни, но он не доверял дававшему знать о себе в последнее время сердцу.

Все же Асыгат быстро взял себя в руки.

- Хорошо, - сказал он, - дайте мне одни сутки на размышления. Потом я объявлю вам свое решение.

- Будь по вашему, - сказал пожилой профессор.

“Человеку в годах чаще всего опасно ложиться под нож. К тому же налицо болезнь сердца. А что, если не делать операцию? На худой случай у него впереди есть еще года два жизни. Разве за два года он не сумеет закончить главную книгу, ставшую мечтой его жизни? Нет худа без добра, если он не выдержит операцию, разве не останется его мечта неосуществленной?”

Обуреваемый этими мыслями Асыгат за всю ночь так и не сомкнул век.

Опять же, он думал о Кырмызы. Нет, оттого, что всю свою совместную жизнь они были друг для друга опорой и поддержкой и прошли по жизни без падений, он любил свою Кырмызы еще сильнее, чем в молодости. Хотя эта их любовь

была уже старой, как их прокаленные знойным солнцем и покрытые морщинами лица, она прошла проверку преданностью, она не старилась, не изнашивалась, подобная драгоценному камню.

Асыгат все еще помнит, он тогда учился на третьем курсе университета. В то время голова его была забита одними лишь стихами. Выйдя во время большой перемены в сквер перед зданием университета, он ходил по нему взад-вперед, тщетно сясь найти благозвучную рифму к последнему слову предыдущей строки. Обходя фонтан, он услышал неожиданно чуть грудной, певучий голос.

- Агай, вы уронили карандаш.

- Ох, милая ты моя. - Джигит обернулся и поднял с земли карандаш. Поднял голову. Прямо против него, улыбаясь красивыми, как у верблюжонка, глазами выжидательно глядя, стояла молочной белизны красивая совсем еще юная девушка. Прежде он не видел ее в университете. "Наверное, в этом году поступила" - сказал он про себя. Глаза его встретились с улыбкой глядевшими на него чистыми глазами и в тот же миг он растерялся, сердце вздрогнуло, словно через него пропустили электрический ток. Не зная что сказать, он растерянно спросил:

- Ты чья дочь?

Девушка, обнажив жемчужной белизны зубы, рассмеялась.

- Мамина дочка.

- А у мамы есть папа?

- Есть. В этом году ему исполняется восемьдесят.

- Ой, милая моя, я не о том папе говорю.

- Тогда о каком же? Или вы о моем папе спрашиваете?

- Да, да.

- И такой папа был. Только он погиб на фронте.

- Ох, милая ты моя.

- Вы что же это, не успели познакомиться, а уже умиляетесь мной? - опять засмеялась тогда девушка.

Джигит обрадовался.

- Да, да, верно, конечно, давай познакомимся, мое имя - Асыгат.

- Ну, а мое - Кырмызы.

Девушка подала белую-пребелую руку с длинными пальцами.

Асыгату вспомнилась еще одна картина. По прошествии нескольких дней, впервые обняв девушку, он попытался потрогать ее тугие и каменно-твердые груши-груди. Девушка рванулась от него, как попавшийся на крючок чебак.

В свое время акын Тынышпай сказал:

“Прелестные груди - стыдливы, их не касалась еще рука.

Прелестные губы - стыдливы, их никто еще не целовал”.

И все же спустя неделю он поцеловал Кырмызы в свежие и алые, словно только что поспевшие вишенки, губы, к которым не прикасался еще губами ни один смертный.

На следующий день он сказал Кырмызы:

- Дай поцеловать кончик своего языка.

Девушка смущенно засмеялась.

- Зачем?

- Ребята говорят - вкусно.

- А вы не прикусите его?

Теперь рассмеялся джигит.

- Нет, я его съем!

- Делайте, что хотите! Ваша воля!

И вот, столько лет прошло с той поры. Но в этой их долгой, полной событиями, совместной жизни, не было случая, чтобы они гневались, или крепко обижались друг на друга. Кроме таких ненароком вырвавшихся проявлений легкого недовольства, как “То же мне, нашел (или нашла) о чем говорить!”, “ты считаешь, что я в игрушки играю?”, они не говорили никогда друг другу ничего такого, что могло бы разочаровать их в друг друга, или же нанести обиду, которая долго бы помнилась.

И с этой его супругой, с супругой ставшей неотъемлемой частью голубиной пары, нет, лебединой пары, что с нею станется, если он погибнет под ножом? Ведь она умрет с горя. К тому же она страдает аллергической астмой и он собирался этой осенью повезти ее в Чехословакию, где, говорят, лечивают подобные недуги.

“Нет, нет, - сказал себе Асыгат, - хоть два года, но будем вместе. Как она будет жить без меня? И Еркебулан мой, хотя и окончил институт, но еще не стал на ноги. Ему тоже нужна еще такая, как я, моральная поддержка”.

Вдруг ему вспомнилось, как десять лет назад на его глазах погибла хищная ловчая птица. Прошел снегопад и погода только что разъяснилась. Земля была покрыта белым, пушистым, мягким, как взбитая вата, снежным одеялом. Асыгат шел по берегу начинавшего покрываться тонким ледком озера. Он не заметил поначалу лежавшую на снегу умирающую ловчую птицу. Она была, как и снег, белой. Лишь подойдя вплотную, заметил, что что-то шевельнулось у ног, закопошилось. Он отступил чуть назад, увидев распростертую на снегу белоснежную ловчую птицу. Лишь клюв, оперение ниже предплечья и острые когти были коричневыми. То ли она была ранена в схватке с другой птицей, или же в нее попала пуля, снег на том месте, где она лежала чуть порозовел от расплывшегося пятна крови. Когда Асыгат склонился над ней, она не проявила ни страха, ни желания взлететь в испуге. Тяжело ли она ранена и у ней нет сил на то, чтобы даже сдвинуться с места, или же она просто не видит человека? Асыгат посмотрел ей в глаза. Нет, она все еще была жива и, кажется, видела склонившегося над ней человека, но не двигалась с места. Асыгат вновь, теперь уже пристально, посмотрел ей в глаза. Глядя желтоватыми глазами в небо, хищная птица не сводила с него взгляда. После снегопада небо отливало синевой. Кажется, птица жалела о том, что не может подняться в это голубое, недоступное теперь небо, которое

она ежедневно по многу раз пересекала из конца в конец, которое было символом ее свободы и самым воплощением радости жизни. Асыгат понял печаль и горе птицы. Он осторожно, обеими руками, поднял ловчую птицу. Поднявшись, он некоторое время держал ее на ладонях. А затем с возгласом “ап!” подбросил ее вверх. Казалось, обрадованная птица издала короткий клетот. Теперь, словно в благодарность, с трудом взмахивая поврежденными крыльями, она, собрав последние силы, стала подниматься вверх. Поднялась на длину аркана и, словно в поисках чего-то, едва перебирая крыльями, сделала еще один круг над Асыгатом. Затем внезапно, будто говоря “на большее у меня нет сил”, сложила крылья и камнем понеслась к земле.

Асыгат подбежал к месту падения ловчей птицы. Она упала на бугорок, возвышавшийся над этой снежной равниной. То место его, куда упала птица, было более темным на взгляд. Оказывается, это был комель останков большого дерева. Упала на него птица грудью. Перевернув окровавленную тушку, Асыгат снова взгляделся в остекленевшие теперь глаза птицы. В глазах ее не было теперь ни страха, ни выражения предсмертных мук. Акыну показалось, что в этих угасших глазах птицы он нашел ответ на тот вопросительный взгляд, с которым она только недавно смотрела в небо.

“Бедняжка, она благодарна тому, что умерла, объяв последний раз свое любимое синее небо!” - сказал он, веря собственным словам, хотя и не знал, что птица желала именно такой смерти.

Теперь вот, неожиданно вспомнилось ему это давнее событие.

- Ведь даже птица не боялась смерти, - сказал он вслух, - умерла в любви к своему синему небу. А чего бояться мне! Почему бы и мне не умереть, осуществив свою мечту, закончив свою поэму, излечив жену от болезни и поставив сына на ноги?

Разве не будет почетным конец моей жизни как смерть той самой ловчей птицы?

Назавтра он пошел в поликлинику. Заявил профессору:

- Нет, я не лягу на операцию. Хочу хотя бы два года пожить.

Причину того, зачем он хочет жить, он не сказал. Он думал, что она и без того понятна. Кому же охота уходить из этой жизни. Пожилой профессор задумчиво посмотрел на него тогда.

- Сам знай, - сказал он помедлив. - Однако, лечись. Может быть старые методы лечения, лекарственные травы помогут тебе.

Он назвал имя одного народного лекаря из Абхазии, лечившего травами подобные неизлечимые болезни, и дал его адрес.

Асыгату не хотелось умирать.

По этой причине он на три месяца уехал в Целинный край. О своей болезни он не сказал ни жене, ни сыну. Он не хотел причинять им горя.

По возвращении он встретился с одним лечившим травами казахским лекарем. Для моральной поддержки он начал пить снадобья, которые тот дал ему. Однако, главным лечебным средством для Асыгата была его собственная поэма. Подобно тому как умирающий человек чувствует бодрость в теле его вдруг охватило какое-то непонятное вдохновение.

В короткий срок Асыгат довел поэму до стадии завершения. Это придало ему сил и энергии, словно путнику, близкому к завершению своего долгого пути. И сознание этой близости вызвало новый, еще более сильный прилив вдохновения. В таком состоянии даже поджидавшая его смерть не казалась ему слишком уж страшной. И все же, с каждым днем, по мере того как каждая строка его поэмы получалась лучшей, чем предыдущая, он чаще стал забывать о том, что смерть его уже близка. И чем ближе было завершение поэмы, тем большее душевное равновесие он обретал, словно человек, исполнивший

главный долг, главную обязанность свою в этой жизни. В эти дни Асыгат записал в дневнике:

Жизнь, я познал твою прелесть,
Весь огонь своего сердца я отдавал тебе,
Терпел, когда ты обдавала меня стужей,
Как масло, растоплялся от твоего жара.
Моменты были - поражение терпел в борьбе.
Глаза были сухи, душа слезами обливалась.
Ведь я тоже рожденное матерью существо,
Не создан из камня, или там железа.
Кажется, близится уже тот день,
когда платить придется
По счету жизни, взятой напрокат.
Спрашиваю себя лишь об одном: сумел ли я
оправдать тот долг, великий Человека долг.

Да, Асыгат стремился честно оправдать свой долг Человека. Поэтому-то, считая себя в долгу перед своей Родиной, перед своей Кырмызы, перед своим Еркебуланом, он просил у судьбы две жизни, чтобы честно исполнить свой присущий Человеку долг. Да, так он и поступил. И по этой же причине он лишь сожалел о том, что смерть близка, но не испытывал горя. Лишь бы успеть исполнить свой долг. Однако, то ли способствовал этому душевный подъем, или же оказали свое воздействие снадобья и методы лечения старого лекаря, но болезнь совсем перестала его беспокоить. В это время он закончил свою поэму. В самый разгар жатвы в Целинном крае он вернулся в Алма-Ату.

Увидев по возвращении в каком состоянии находится Еркебулан, он попал в такое положение, о котором говорят “тут уж не до кобылиц-трехлеток, со своим бы горем управиться”. Все его силы и время были отданы на то, как бы вызволить Еркебулана из этой беды.

В эти дни в таком же состоянии находилась и мать Еркебулана. Несмотря на накатывающие время от времени

приступы своего старого недуга, все ее помыслы и добрые пожелания были направлены к единственному сыну.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Каражан, похитивший маленькое дитя не повернул коня к своему дому. Расхищая и разбазаривая находившееся в подведомственном ему складе колхозное добро, он был виновен по всем статьям. На состоявшемся недавно совещании у председателя колхоза, было намечено провести учет всего прошедшего в течении многих лет через руки Каражана колхозного имущества. А присвоил он немало. “Нагуляться нагуляешься, а как придет пора рожать - растеряешься”. Каражан, хотя и воровал без оглядки, но, узнав о предстоящей ревизии, был сильно обеспокоен. Слов нет, если ревизия будет проведена правильно и раскроются его махинации, то бесспорно, что он вновь окажется в тюрьме. Он день и ночь ломал голову над тем как избежать надвигающейся беды. Теперь он пришел к решению навсегда сбежать из колхоза. Подпоясавшись под одеждой матерчатым поясом, с зашитыми в него деньгами, вырученными от продажи колхозного имущества, он поджидал подходящего момента для осуществления задуманного. Сегодня, сразу же после того, как неожиданно для себя он похитил ребенка Кырмызы, решение пришло само собой. Каражан теперь решил в первую очередь бежать в Новосибирск, где он в свое время отбывал срок наказания. Он рассчитывал, добравшись до этого города, податься вглубь Сибири или даже Дальнего Востока и затеряться в просторах тайги. Поэтому он и не повернул к своему дому. Из близких родственников здесь у него никого нет, а другие родственники и сородичи для него и гроша ломаного не стоят. Ну, а если будет осужден, то Каражан доподлинно знает, что ему дадут не меньше десяти лет. Десять лет! Пока он отбудет их и вернется, неизвестно как оно все

еще обернется и кого он здесь застанет. К тому же, ведь десять лет самая легкая кара. Двадцать лет! Ведь это целая человеческая жизнь. Как он выдержит? Нет, нет, надо бежать! Надо бежать!

Каражан долго ехал, укрываясь в складках местности. Убаюканный ровной рысью коня крепко спавший ребенок не просыпался. И светила луна. Когда по его расчетам люди должны были уже утомиться и отойти ко сну, он остановил коня у овцефермы какого-то другого колхоза. Вся она состояла из двух-трех юрт, расположившихся у разрезавшей холмистую местность балки. В ауле несколько стариков и старух и ребятня. Один из стариков оказался знакомым.

- Куда это ты на ночь глядя едешь? - спросил старик, привязывая коня Каражана к опояске юрты и глядя на стоявшего с ребенком на руках Каражана.

- Вот этот наш малыш приболел и я везу его к одному сведущему в таких болезнях лекарю-знахарю, живущему под Ташкентом, - сказал в ответ Каражан, на ходу придумав причину своей поездки.

- А... а, - протянул старик, - и что это за болезнь, против которой бессильны теперешние врачи и которую лечат лишь знахари-лекари?

- Мы и сами не знаем. Наши колхозные врачи так и не нашли способа излечить ее. Слышал, что этот знахарь творит чудеса, вот и везу теперь его к нему.

- Да-а, это тяжко, что с такого возраста малыш страдает таким недугом, - сказал старик, а затем, словно вспомнив о чем-то, продолжал, - это твой собственный ребенок? А то ведь вроде бы у тебя не было ребенка, когда я в прошлом году был у тебя...

Каражан шутливо рассмеялся.

- В наше время ведь и яловые кобылы жеребиться стали...

Переговариваясь так, они вошли в юрту. У очага, помешивая огонь под подвешенным казаном, сидела довольно пожилая женщина. Увидев входящего так поздно джигита с ребенком на руках, она, прилепнув удивленно губой,

поздоровалась и, вскочив на ноги, постелила одеяло на почетном месте.

- Проходите, - сказала она вежливо, отступая сама к порогу.

- Ребенка бросили родители и нынче мы взяли его из дома малютки, - пояснил Каражан тоном, говорившим, что сказано это им не в шутку, а всерьез.

- Мальчик или девочка? - спросил старик. - И не думает ведь просыпаться.

Каражан и сам не знал мальчик или девочка, похищенный им ребенок. По дороге он, откинув покрывало, пару раз посмотрел ему в лицо. В его преступном ожесточившемся и начавшем твердеть, как кость, сердце неизвестно почему и отчего разлилось вдруг тепло. Это неожиданно-негаданно возникшее в нем чувство было тоже одной из причин того, что Каражан, не заезжая в свой дом, двинулся с ребенком куда глаза глядят. От того, что не рожала жена, не знавший отцовского чувства Каражан не реагировал даже тогда, когда жена принесла из дома малютки трехгодовалого ребенка. Он тогда еще скандал устроил, говоря "без моего согласия привела брошенного кем-то ребенка". Собирался даже выгнать из дома жену и ребенка. А в этот раз...То ли от того он размяк душой, что ребенок был похож на Кырмызы, или еще от чего, но приблизив свое лицо к лицу спящего младенца, он в какой-то миг едва не опьянел от присутщего только ребенку запаха. Ему почудилось, что его душой, телом, разумом, сознанием овладела вдруг какая-то неведомая посторонняя сила. Что это за сила, он и сам не знает. Ему было трудно прямо сейчас дать ответ старику на его "малыш твой мальчик или девочка?" И в тот момент, когда вспомнив о том, что ребенок точь-в-точь вылитая мать, он собирался сказать старому чабану "дочь", тот сам избавил его от ответа.

Жена, - сказал старик, глядя на вновь присевшую к очагу супругу, - этот джигит из колхоза "Шенгельды". У него болен ребенок и он везет его к знахарю-лекарю под Ташкент.

Наверное, он устал с дороги, поторопись со своим казаном.

- Боже ты мой, бедняжка, как это он, не успев родиться, подхватил болезнь, - жалостливо посетовала женщина и завозилась с казаном. - Сейчас, сейчас я все приготовлю, наверное, уже сварилось... Бедный ребенок даже голоса не подает, уж жив ли он?

Не успела она закончить как лежавший возле Каражана завернутый в стеганое одеяло ребенок громко заплакал.

- Милая ты моя, - произнес Каражан и, подняв ребенка вместе с одеялом, начал его убаюкивать.

Видимо, ребенок уже выспался. Открыв глаза он некоторое время смотрел в лицо убаюкивающего его человека и, увидев незнакомого, чужого человека, забился в крике.

- Бедняжка, к матери, наверное, хочет, - сказал старик и посмотрел на жену, - ты ведь женщина, попробуй-ка его успокоить, а то отец не может с ним справиться.

Женщина, взяв ребенка, раскрыла одеяло. Ребенок оказался пухленькой белотелой девочкой. Оказывается, она описалась. Женщина, приговаривая "сейчас, сейчас... потерпи чуток... я тебе молочка дам, сметанки дам", перепеленала девочку и отдала отцу.

Ребенок, попав на руки Каражана, вновь залился плачем...

- Конечно, разве отец может заменить ребенку мать, - проговорил, не зная что сказать, Каражан.

Старик чуть подозрительно посмотрел на него.

- Очень уж он чуждается тебя...

В тот же момент, неся полную пиалу овечьего молока, из недавнего вечернего надоя, вошла в юрту женщина. Ребенок, перестав плакать, стал пить подаваемое ему ложечкой молоко... Вскоре он уже выпил большую его часть. Оказывается, он проголодался. Успокоившегося ребенка женщина теперь не передала отцу, а положила рядом с собой.

- И жара у него нет, и аппетит хороший, - сказала женщина.

- Что за болезнь гложет тогда это дитя?

Старик и женщина одновременно уставились на Каражана. Но Каражан не смутился, не смешался.

- Если бы была какая-нибудь известная болезнь, то ведь и колхозный врач вылечил бы ее. Зачем бы мне тогда везти ребенка верхом в такую даль, - сказал он. - У бедняжки припадочная болезнь.

- Смотри-ка ты, а!

- О, аллах, бедная ты моя!

Каражан, после того, как ужин был закончен, задал немного корму остывшему к тому времени коню и стал готовиться к отъезду. Он тоже заметил сомнение и подозрение, зародившееся в стариках, и к тому же опасался, что если кто видел его в дороге, то погоня может настигнуть его здесь. Он не поддался уговорам не хотевших отпускать его старика и женщины, говоря “днем слишком жарко, дорога утомит ребенка. Конь мой еще не устал и по ночному холодку мы порядочный путь проедем”.

Ну, а когда до этого аула дошла весть о том, что незнакомый всадник похитил чужого ребенка, и хозяева той юрты признали в своем ночном госте похитителя, Каражан уже успел оказаться на территории Узбекистана. Пока районная милиция известила республиканскую милицию, был объявлен розыск и были оповещены соседние республики прошло немало времени. Похитивший ребенка Каражан бесследно исчез, как впитавшаяся в песок вода.

А Каражан в это время живым-здоровым уже добрался до одной из близлежащих от Ташкента станций. Затем, под предлогом “Я везу ребенка в Ташкент к доктору, но дни стоят жаркие и мы не в состоянии перенести дорогу на лошади, теперь вот думаю сесть на поезд”, он по дешевке продал своего коня одному казаху, жителю той станции и сел на один из грузовиков, потоком мчавшихся в сторону Ташкента. Прибыв в Ташкент, он решил ехать теперь в Сибирь, где отбывал в свое время наказание. Ехать на поезде он побоялся. Всеми правдами и неправдами достав билет на самолет, он прилетел в Рубцовку.

Теперь он намеревался добраться отсюда поездом до Новосибирска, найти способ отправиться дальше и раствориться в бескрайней сибирской тайге. Он верил, что чем дальше он будет уходить от границ Казахстана, тем дальше он будет уходить от опасности. И до сих пор весь проделанный путь не представлял ему особых трудностей. Карманы его были набиты деньгами, а тому, у кого достаточно денег, не трудно найти свою дорогу. К тому же и ребенок уже не плачет, чуждаясь его. Он понемногу привык к человеку, который не выпускал его из рук и кормил из соски молоком. И все же у бежавшего поначалу без оглядки Каражана было беспокойно на душе. Говорят, даже волк, гонимый голодом, все больше удаляясь в поисках пищи от своего логова, долго не может его забыть и ему все время хочется вернуться к нему. И Каражан, несмотря на свою волчью натуру, по мере удаления от мест, где родился, стал уже оглядываться. Оглядывался и все дальше удалялся, но, удаляясь, все чаще оглядывался, так как понял, что покинув родину, он покинул ее навсегда. Поэтому-то сидевший у него на коленях младенец казался ему чем-то вроде горсти земли, олицетворявшей обширную, без конца и края, песчаную пустыню, покрытую типчаком и полынью бескрайнюю степь, на просторах которой он вырос и где похоронены его отец и мать. Нюхнет ребенка и кажется ему, что его обоняния коснулся запах сухого, настоянного на полыни, знойного ветра пустыни. В такие минуты Каражану представлялось, что этого маленького дитя он взял в счет оплаты того, что он вынужден был покинуть степь, которой сам же противопоставил вражду. Хотя он и потерял свою степь, но считал себя удовлетворенным этой платой-залогом. Однако, не будем, считая его преступником, злоупотреблять копанием в его душевных переживаниях и чувствах. Ну, а для любого сына кочевого, как казахи, народа земля, на которой он родился, является озером, на которое он опустится, как птица, с которого он взлетит. Каражану тоже до боли было жалко покидать родину и в какой-то момент он даже

решил вернуться, какая бы кара не ждала его за совершение преступления. Но он быстро отказался от этой мысли. И причиной тому было это маленькое дитя. Конечно, если он вернется на родину, его разлучат с этим ребенком. Нет, нет, на такую тяжкую муку теперь Каражан не согласен. Пока жив он никому не отдаст эту свою, как куколка, аккуратную, в новых своих одеждах, источающую аромат полыни радость. Тогда лучше умереть...

Нет, Каражан не сразу полюбил маленькое дитя. Он слишком далек был от этого чувства. Однако, даже волки не всегда сразу терзают и съедают похищенное ими человеческое дитя. Случается, что волчица вскармливает это дитя своим молоком, заботится о нем, учит манерам и хватке дикого зверя, старается сделать его волком. Ученые говорят, что у таких отличающихся своей беспощадностью хищников, как волки, проявляется какая-то, наука еще не полностью обосновала это явление, слабость и нежность к маленькому ребенку. Ну, а если взять Каражана, то что он, что волк - одно и то же. Возможно, присущее волкам чувство овладело и им, но он с самого начала их совместной с ребёнком жизни проникся близостью к нему и заботой. Постепенно это чувство заставило Каражана привыкнуть к ребенку. Через некоторое время он уже незаметно как-то стал любоваться проделками малышки. Прежде никогда не проявлявший теплых чувств к кому-либо и особенно не позволявший их проявлений в отношении себя Каражан, в первый раз, насколько он себя помнит, расчувствовался и даже прослезился, когда ребенок впервые осторожно погладил ласково своей мяконецкой ладошкой его огрубевшее задубелое лицо. “Ох, милое ты мое дитя, бог тебя что ли научил этому, жертвой твоей буду, чего только не пожелаешь, все исполню, если захочешь даже с того плохого пути, на который я стал, сверну!” Он впервые признал то, что путь, на который встал, неправильный путь, но впоследствии Каражан не выполнил этого своего обещания. Причин для этого было множество.

Особенно воспрепятствовали этому его прирожденное, вошедшее ему в кровь и плоть упрямство, твердая уверенность в правильности своих поступков и решений, а также то, что его сознание и чувства не обладали необходимой глубиной. Возникшая вдруг в его сердце горячая любовь к ребенку не смогла победить въевшиеся в его натуру отрицательные качества. Эта его любовь еще не была настоящей отцовской любовью. Была ли теперешняя любовь Каражана к ребенку, несмотря на то, что она предотвратила его возвращение, сверкнувшим на миг пламенным лучом, или же огнем, которому предстояло гореть ровно и долго, не было известно...

Сойдя с самолета, он с ребенком на попутной машине приехал на железнодорожную станцию. Теперь он решил сесть на только недавно ставший ходить здесь поезд Ташкент-Новосибирск. Он хорошо знал, что его с ребенком не будут искать в этом поезде, разве что на территории Казахстана. На следующий день под тем предлогом, что у него ребенок без матери, он взял билет на поезд Ташкент-Новосибирск. Однако, в течение трех дней не мог сесть на него. Хотя со времени окончания войны прошло около десяти лет на железной дороге не было твердого порядка. Всюду едущие во всех направлениях люди. Вагоны набиты битком. Все еще возвращаются эвакуированные в свое время в эти места люди. Кто-то, демобилизовавшись из армии, едет на место работы, перевозя с собой обнаружившуюся аж в самой Бухаре семью. Много военных, меняющих место службы, а также уже вышедших в отставку. Достаточно тут и обвешанных узлами и мешками всякого рода спекулянтов и перекупщиков, использующих в своих целях временные трудности с продовольствием и товарами. Некоторые, по их словам, едут в командировку. В общем, на поезд невозможно сесть. Кондукторы не обращают внимания на наличие билетов. Равнодушно говорят: "Мест нет". А если кто-нибудь пытается прорваться в вагон в надежде преодолеть сопротивление кондуктора-женщины, стоявшие за

ее спиной пассажиры, словно отстаивая свои позиции, с криками “куда прешь, сказано же нет места” толкают в грудь и сбрасывают на землю.

Уже три дня не могущего сесть в поезд казах с ребенком на руках увидели солдаты с красными повязками на рукавах, составляющие военный патруль, наблюдавшие за порядком на вокзале. Двое из них были из Казахстана. Они признали в сидящем своего земляка и пожалели мучавшегося на жаре уже три дня ребенка. Переговорив со своим командиром, они решили посадить джигита с ребенком на подходивший поезд Ташкент-Новосибирск. Вскоре с грохотом и шумом прибыл пассажирский состав с битком набитыми людьми вагонами.

- Земляк, - сказал один из двух солдат, знавший по-казахски, - пойдем, мы тебя сейчас посадим в вагон.

- Ой, спасибо, спасибо! - обрадовался Каражан. Одной рукой прижав к себе крепко, как куклу, ребенка, другой подхватив купленный в дороге чемодан с уложенными в нем кое-какими своими вещами и пеленками ребенка, он пошел за патрулем.

Старшина, командир патрульного взвода, сам обошел все вагоны и у одного из них остановился.

- Сажайте его в этот вагон, - сказал он солдатам, - в нем вроде бы народу меньше, чем в других и одно место, пожалуй, найдется.

Дверь этого вагона тоже осаждала толпа жаждущих ехать. Всем своим видом говоря: “никого и близко не подпущу”, крепко ухватившись за поручни в дверях стоял здоровенный чернявый детина в майке с заросшими волосом грудью и руками, не разберешь то ли грек, то ли еврей, то ли армянин. Выражение лица его было свирепым.

- А ну, дайте пройти! - сказал старшина.

Кто будет перечить четверем с автоматами через плечо патрульным, толпа перед вагоном поневоле раздвинулась, освобождая проход.

Чернявый здоровяк тоже убрал руки с поручней. Он лишь прогудел:

- Куда вы его впихиваете, там жарыща несусветная, духота, продохнуть нечем!

- Нас тут и так, как в бочке сельдей! - подал голос стоявший за чернявым такой же здоровенный и тоже заросший волосом, но только рыжим, парень.

- Не видишь что ли мальчика? - сказал командир взвода, - одно-то место уж найдется, отойдите в сторону! - приказал он чернявому здоровяку.

- Ведь сейчас не военное время, чтоб силу применять! - сказал, обращаясь к окружающим его людям, чернявый, но все же отодвинулся.

- Ладно, ладно, пусть входит, - проговорил молодой узбек-кондуктор. Затем, посмотрев на Каражана, сказал: - В четвертом купе на нижней полке всего один человек. Садись возле него.

- Ладно, значит силой решили его посадить, - сказал рыжеволосый, - посмотрим!

Каражан не придавал значения угрожающе-насмешливому тону этого человека. Кто знает, если бы он придавал значение этим словам, возможно его судьба сложилась бы иначе. Но он с ребенком и чемоданом уже был в вагоне. В тот же момент поезд тронулся с места.

В вагоне стояла духота. Однако никто тут не толпился в проходе без места. Люди расположились довольно-таки свободно. Оказывается, пассажиры под предлогом, что "мест нет" никого не пускали в вагон, чтобы не было тесно. Когда поезд останавливался, они становились в дверях и никого не впускали.

Каражан направился к указанному кондуктором месту. И в этот самый момент кто-то, лежавший на верхней ближайшей полке хлопнул рукой по спине проходившего Каражана.

- Коля, а ты откуда здесь взялся? - радостно вскрикнул он.

- Ого, ты уже и ребенком обзавелся!

И тут же спрыгнул на пол. Он оказался коренастым, как и Каражан, мускулистым, молодым парнем.

- Вася! - обрадовался и Каражан.

Парень этот был - Василий Берюхин. Он сидел в заключении вместе с Каражаном. Попал он туда за грабеж. Там он подружился с таким же, как и сам, дерзким Каражаном. Когда Каражан освободился, он еще оставался в заключении. С тех пор они впервые встретились. Они хлопали друг друга по плечам, радостно приговаривая: “жив, все же курилка?”, “что может быть приятнее, чем увидеть старого друга”, а затем Василий сказал:

- Иди, иди, устраивайся, потом поговорим, - и шепотом продолжил, - поостерегись, в четвертом купе едут самые что ни на есть главари урок. Весь вагон в их руках, смотри не нарывайся, а то убить для них, что раз плюнуть.

- Понял, - сказал Каражан, направляясь дальше.

Он подошел к указанному ему купе. Столик перед вагонным окном был завален селедкой, свиной колбасой, булками белого хлеба, перистым луком... Между ними проглядывают принесенные из ресторана бутылки пива, видны и наполовину опорожненные бутылки водки. На правой нижней полке сидят недавно стоявшие у входа в вагон чернявый здоровяк и рыжеволосый. На полке слева лежит, вытянувшись во весь рост, кто-то в тельняшке. На верхних полках видны бритые головы лежащих, неподвижно уставившись в окно, нещадно дымящих папиросами парней.

Каражан, предположив, что указанное кондуктором место именно это, обратился к вытянувшемуся на нижней полке человеку.

- Вы не могли бы подобрать ноги, - сказал он, - я хочу здесь сесть.

Лежавший человек продолжал лежать, как мертвый. Вместо него заговорил чернявый здоровяк.

- Что у тебя в чемодане? - прогудел он.

- Одежонка ребенка, пеленки его.
- Это тебя недавно посадили в вагон солдаты?
- Да, меня!

- Тогда, если тебе жизнь дорога, иди в другой вагон! Ведь ты куда угодно можешь силой пробиться.

- Зачем мне идти в другой вагон? Мой билет на это вот место.

- Я ведь тебе говорю, значит иди!

В вагоне установилась зловещая тишина. Каражана вдруг разобрало зло. Он забыл о предостережении Василия. Дал о себе знать его вспылчивый характер.

- Иди сам, если тебе надо!

- Ого, а ему палец в рот не клади! - произнес упорно молчавший до сих пор, словно ему язык отрезали, лежавший человек и, подобрав ноги, сел. Роста он был высокого, голова его едва не задевала верхнюю полку. - Как, как он заговорил?

- Сейчас мы посмотрим как он заговорит! - произнес рыжеволосый. - Юрка!

С верхней полки спрыгнул один из бритоголовых. Из-за жары в вагоне он был без рубашки, по шраму на груди проходила надпись-татуировка "вся моя жизнь в тюрьме". Это были годы, когда в связи со смертью Сталина была объявлена амнистия не только политическим, но и уголовникам-хулиганам, ворам, грабителям и другим. Из тюрьмы вышло на свободу немало всякого рода подонков и негодяев. Судя по бритой голове, по татуировке на груди этот тоже один из подпавших под амнистию.

- Юрка, - сказал рыжеволосый, - покажи-ка этому как надо идти в другой вагон!

Бритоголовый Юрка придвинулся к Каражану.

- А ну, давай, дуй из этого вагона! - сказал он, нависая над Каражаном.

Видимо, испугавшись громкого голоса незнакомого человека, заплакал вдруг ребенок, которого продолжал держать на руках Каражан. Одна из сидевших на боковой полке напротив

купе трех женщин - средних лет худая с осунувшимся лицом русская женщина сказала:

- Ребенка ведь перепугал, окаянный! - выругала она бритоголового и протянула к ребенку руки. - Не плачь, мой миленький, сейчас они перестанут. Ну, иди же, иди ко мне...

Каражан вручил ребенка женщине и свирепо уставился на бритоголового.

- Тебе-то чего надо, сядь на место! Шестерка! - прикрикнул он.

- Вот тебе за "сядь на место"! Вот тебе за шестерку! - рывкнул бритоголовый и попытался ударить Каражана. Каражан уклонился от удара и в свою очередь нанес бритоголовому удар прямо в лоб. Тот, откинувшись всем телом, повалился на чернявого.

- Ну, гад, подожди! - прошипел до сих пор недвижно сидевший длинный и, вскочив в ярости с места и, тут же ударившись головой об верхнюю полку, вновь опустился на место. Но вместо него, склонив голову, весь набычившись на Каражана двинулся рыжеволосый. Каражан теперь не медлил, постарался опередить того. Едва только рыжеволосый начал заносить свой тяжелый, как молот, кулак, он изо всех сил пнул его в живот. Рыжеволосый, налетев спиной на стол, повалил на нем все бутылки, весь согнулся и присел, схватившись руками за живот. В этот момент с другой верхней полки спрыгнул второй бритоголовый. Долговязый тоже уже пришел в себя, он тоже вышел на середину. Поднялся с места и чернявый здоровяк. Первый бритоголовый, у которого на лбу вспухла здоровенная шишка, также присоединился к ним. Раскинув руки, пошевеливая пальцами, словно готовясь прямо сейчас удушить Каражана, они медленно двинулись на него. Каражан чуть отступил и, засучив рукава, застыл в полусогнутой позе, поджидая своих противников. Пять огромных тел готовятся навалиться на одного человека. Пять волков, взяв в середину одного, готовы растерзать его, разор-

вать на куски. В этот момент раздался чей-то гневный голос.

- Не трогайте! Это мой друг! - крикнул Василий Берюхин и в руке его холодно сверкнул нож-кинжал.

Однако Василий Берюхин запоздал со своим криком. Чернявый уже успел выбить из его руки нож, драка началась. К Каражану и Василию из дальнего купе прибежали на помощь два парня. Впоследствии выяснилось, что они были давними приятелями Василия. Верные неписаному правилу уголовников помогать в таких делах своим “корешам”, они, хотя и сами только недавно освободились из заключения, не стали отсиживаться, когда их товарищи вступили в драку. Лишь в первый момент можно было разобрать, что дерутся две стороны. В какой-то миг дерущиеся стороны перемешались. Теперь вагон оглашали яростные возгласы “мать твою!”, “на получай!”, “убью!”, “не щади!”, “бей по голове!” и густой мат. Уголовники наносили пинки друг другу, били подвернувшимися под руку бутылками, ботинками и другими предметами. Кто-то уже лежит на полу. Здоровяки, такие как чернявый, хватают того, кто оказывается ближе за ворот и бьют головой в лицо. Раздаются звуки ударов, стоны и хрипы душимых. Вскоре у кого-то на лбу вспухла багровая шишка, у другого подплыл глаз, еще у кого-то из носа хлещет кровь, все они вмиг перемазались своей и чужой кровью, напоминая собой освежеванных баранов. Рубашки на них разорваны в клочья. Кровавые ссадины на лицах и телах, выбитые зубы...

Сразу же после начала драки, пассажиры в испуге покинули ближние купе и, как овцы при налете волков, метались из одного конца вагона в другой, избегая дерущихся. Уйти в другие вагоны они тоже не могли, так как в них яблоку негде было упасть от тесноты. К тому же они не могли позволить себе бросить на произвол судьбы свои пожитки. Женщина, взявшая ребенка Каражана, словно предвидя, что дело закончится кровопролитной дракой, сразу же нашла укрытие в служебном купе проводников. Убедившись, что драка в разгаре, она и вовсе не стала выходить из купе.

Муж и жена кондукторы-узбеки лишь только драка началась принялись уговаривать:

- Ой, люди добрые, перестаньте, да перестаньте же! - пытались они урезонить дерущихся, но когда драка приняла ожесточенный характер, бросили свой вагон и выбежали куда-то. Лишь впоследствии выяснилось, что именно они упросили передать на ближайшую крупную станцию о драке, происходящей в их вагоне.

Еще в начале драки Каражан увидел как чернявый выбил из руки Василя кинжал. Он заметил как кинжал, блеснув лезвием, залетел под боковую полку. Напрягшись из последних сил он повалили налетевшего на него рыжеволосого и, придавив тому грудь коленом и схватив левой рукой за горло, принялся правой наносить жестокие удары, не заботясь о последствиях. Когда его противник обмяк и перестал сопротивляться, он поднялся на ноги и ему тут же вспомнился кинжал Василя. Изо всех сил пнув в живот вставшего перед ним одного из бритоголовых, так, что тот тут же свернулся в клубок и упал, он кинулся к полке, под которой лежал кинжал. Упав на живот, лихорадочно стал шарить под полкой. Лишь только рука коснулась холодной рукоятки кинжала, он сбросил через голову на пол севшего было на него верхом долговязого и вскочил на ноги. И в этот момент увидел шедшего к нему чернявого здоровяка, испинавшего перед тем до потери сознания Василя. В руке у него был неизвестно откуда взявшийся маленький пистолет. Направленный на него узенький зрачок пистолетного дула показался Каражану пушечным стволом. Стоит только чернявому здоровяку с налитыми кровью глазами нажать на спусковой крючок и пуля, вылетевшая из этого страшного отверстия, ударит в него, возможно, отправит на тот свет. Он до того перепугался, что ноги стали вдруг тяжелыми, словно в них налили свинец и он не в силах был оторвать их от пола. Ведь нелегко расставаться с жизнью, сердце подкатило к горлу, по всему телу пробежала дрожь.

- Бросай кинжал, а то стреляю! - рявкнул чернявый. Его густой бас донесся до Каражана громовым раскатом.

Крик чернявого слышали все. В вагоне моментально установилась мертвая тишина. Люди увидели теперь двух человек, у одного в руке был кинжал, другой направил на первого пистолет. Застывшие в ожидании “Что же будет?” люди не шелохнутся. В смертельном испуге каждый из них сдерживает дыхание и противную дрожь в теле, словно опасаясь, что стоит шевельнуться, и чернявый выстрелит в него, или Каражан вонзит в сердце свой кинжал. И все же, несмотря на навалившийся страх, Каражан не бросил Кинжала. Будто из опасения, что стоит ему бросить кинжал и тот выстрелит, Каражан до боли в пальцах сжал роговую рукоять кинжала и уперся взглядом тоже налитых кровью глаз в чернявого. Шагнуть навстречу у него нет сил, по телу вдруг растеклась слабость. И все же он не бросил кинжал.

- Брось кинжал, иначе стрелять буду! - вновь рявкнул чернявый здоровяк.

“Почему он до сих пор не выстрелил? - зародилась в душе Каражана слабая догадка. “Ведь человек с пистолетом не должен опасаться кинжала... Почему он не стреляет? Чего он боится?” Каражан заметил как чуть пошевелился лежавший за спиной чернявого Василий. Последующие события произошли в какие-то мгновения. До чего же живуч человек, - только что казавшийся мертвым Василий вскочил на ноги. Не успел один из приспешников чернявого крикнуть “Поберегись, сзади...”, Василий уже вцепился в держащую пистолет руку. В тот же момент молнией метнулся к ним и Каражан. Одновременно со взмахом кинжала раздался пистолетный выстрел. Прежде чем в него вонзился кинжал чернявый успел нажать на спуск. Пуля попала всего лишь в большой палец правой ноги Василия. А кинжал вонзился в правое предплечье здоровяка. Пистолет чернявого выпал из его руки. В этот момент поезд уже остановился на станции. Поглощенные зрелищем драки пассажиры не заметили прибытия на станцию.

- Братва, полундра! - крикнул чернявый и, оставив пистолет лежать на полу и зажимая ладонью левой руки кровоточащую рану на правом предплечье, первым бросился к выходу. Однако он попал, как говорится, из огня да прямо в полымя, - прямо в руки окруживших вагон солдат.

Через полчаса окровавленные, в разорванной в клочки одежде, кто хромя, кто поддерживая сломанную руку, кто-то с выбитым глазом, все в синяках и кровоподтеках человек десять участников драки стояли в окружении солдат и милиционеров, которые должны были препроводить их под конвоем в городскую тюрьму. В это время Каражан крикнул старшему конвоя - майору милиции:

- Ребенок, где мой ребенок?

Поезд еще не тронулся с места. Из толпы, теснящейся у вагона, выступила та самая женщина и передала стоявшему рядом с майором солдату завернутого в одеяло ребенка.

- Зачем человеку, которого ведут в тюрьму, ребенок? - сказала она. - Может мне его оставит?

Слышавший слова женщины Каражан свирепо посмотрел на нее.

- Нет, я никому не отдам своего ребенка! - заявил он.

Через три месяца участников драки судил железнодорожный суд. Выявилось, что чернявый здоровяк и рыжеволосый были во время оккупации пособниками немецко-фашистских захватчиков на Украине, после войны бежали в Сибирь и устроились в один из строительных трестов. Служили они у немцев полицаями и помогали фашистам в уничтожении советских людей. Достав паспорта на чужие имена, они скрывались от разыскивавших их органов правосудия. Следователи, полагая, что рядовые работники совхоза не могли бы затеять подобную драку, со всей тщательностью стали расследовать это дело, разослали запросы. В конечном счете выявилось их настоящее обличье. Ну, а в этот раз они, побывав в Ташкенте, везли оттуда завербованных на стройку рабочих.

Конечно, они постарались собрать таких же, как они сами, скрывающихся от возмездия, или ранее судимых, людей с преступным прошлым. Оказалось, что Василий и его товарищи вместе с теми двумя бритоголовыми тоже заключили договор, завербовавшись, и ехали на стройку.

Суд всех других, кроме чернявого здоровяка и рыжеволосого, которых не должны были судить по месту совершения преступлений, приговорил к различным срокам наказания. За участие в драке с применением опасного для жизни человека оружия Каражан и Василий получили более строгую меру наказания - по три года лишения свободы. После объявления приговора, перед тем, как их должны были уже в ближайшее время отправить этапом в лагерь, Каражан вновь спросил о том, где находится его ребенок у посещавшего раз в десять дней тюрьму работника прокуратуры. На следующий день прокурор дал ему официальный ответ. В бумаге было сказано: "Ваша годовалого возраста дочь три месяца назад, двадцать пятого сентября сего года, под именем - Каражанова Жулдыз определена в дом малютки номер один этого города".

Каражан, сложив бумагу вчетверо и упаковав ее в плотную обертку, спрятал во внутренний карман, приняв все меры предосторожности, чтобы не потерять ее. "Если вернусь живым, разыщу ее", - сказал он себе, с печалью представляя образ своей малышки.

Назавтра, поблагодарив спасшего его от пули чернявого и от верной смерти Василия, он обнялся с ним на прощание и был отправлен в один из отдаленных лагерей Сибири.

Так закончилось первое путешествие беглого Каражана и маленькой Жулдыз.

На присвоившего и разбазарившего колхозное добро и похитившего Жулдыз Каражана всесоюзный розыск не был объявлен. Поэтому через три года после окончания срока наказания, он вернулся в город, где был задержан и осужден. Накопивший, работая в исправительно-трудовом лагере,

немного денег Каражан снял одну комнату у одинокой вдовы с двумя детьми. Через три дня с той самой бумагой прокурора, которую он все три года берег и носил с собой, как носимый на шее талисман, Каражан разыскал указанный в ней дом малютки. Жулдыз все еще была там. Обиженная тем, что к другим таким же, как и она, детям приходят разыскивавшие их родители, а к ней никто не приходит, четырехлетняя девочка встрепенулась, когда воспитательница сказала ей: “к тебе пришел отец”. Сейчас она пойдет, сядет к нему на колени, а затем, говоря “и мой папа пришел!”, похвастается перед своими маленькими товарищами. Разве есть радость большая, чем эта?

- Идем, папа твой ждет тебя, - сказала воспитательница. И, взяв Жулдыз за руку, повела в расположенную на первом этаже комнату для приема посетителей.

“Отец? Какой он из себя?” Жулдыз быстро сбежала по ступенькам. Однако по мере приближения к комнате для приема посетителей она стала сдерживать свой бег. Уже подойдя к комнате, она не могла набраться решимости войти в нее. На уговоры воспитательницы “пойдем, ну пойдем же, миленькая моя” она не поддавалась и не двигалась с места. Почему? Боится увидеть человека, которого не видела прежде? Или же это проявление обиды за то, что тот до сих пор не разыскал ее? Казалось, она даже хочет вырвать свою руку из руки воспитательницы и убежать. Прямо в это время из комнаты вышел и сам Каражан. Он враз узнал Жулдыз. Смотри-ка ты, вылитая Кырмызы! Словно уменьшенная копия большого портрета. Особенно глаза, глаза Кырмызы! Смотрят, такие же прекрасные, из-под длинных ресниц. Сейчас Жулдыз отчужденно глядя на незнакомого человека, готова расплакаться...

- Отрада моя, доченька родная! - произнес Каражан и вдруг какое-то горячее чувство овладело им и он, раскрыв объятия, пошел навстречу. - Иди, иди ко мне, доченька, я обниму тебя и поцелую.

Жестокосердый Каражан и сам недоумеваает как это вырвались из его уст эти исполненные горячей ласки слова. Однако Жулдыз не тронулась с места. Кажется, она еще больше испугана. Внезапно она спряталась за спину воспитательницы. Каражан, не обращая на это внимания, обнял ее и стал истоиво целовать в обе щеки, По-настоящему напуганная подобным поведением незнакомого человека Жулдыз заревела. Раскинув руки, кинулась к воспитательнице.

- Она чуждается вас, - сказала воспитательница, обнимая Жулдыз и вытирая платком сбежавшие по ее щекам слезы, - не плачь, не плачь Жулдыз, ведь это твой папа, смотри-ка сколько игрушек, конфет он тебе принес, теперь он всегда будет приходить, - она посмотрела на Каражана. - Правда ведь, вы теперь всегда будете приходить.

- Приду, приду, - радостно отвечал Каражан, - и завтра приду.

- Нет, к нам нельзя приходить каждый день, не так ли Жулдыз? - Женщина опустила девочку на пол, - скажи отцу, мы принимаем посетителей раз в десять дней. И то в конце каждой десятидневки ...

На этом закончилась первая встреча Каражана и Жулдыз. Отец, передав дочери разнообразные игрушки, которые смастерили из дерева, камыша, тряпок лагерные умельцы, и купленные на базаре конфеты, вернулся к себе на квартиру. Через десять дней Каражан опять пришел. Хотя ребенок все еще проявлял отчужденность, но не плакал, как в прошлый раз. Видимо, ей понравились игрушки и надеясь, наверное, что он снова принес игрушки, она не пыталась сразу же убежать. Каражан и в этот раз принес игрушки и конфеты. И в следующий раз он поступил так же. Вот так, через игрушки, конфеты они начали постепенно, понемногу привыкать друг к другу. Жулдыз теперь позволяла отцу поцеловать себя в щеку. Месяца через три она сама уже ждала его у дверей. Со временем они начали и беседовать друг с другом. И вот, когда

они уже крепко подружились, однажды Жулдыз обратилась к Каражану:

- Отец, где моя мама? - спросила она.

Каражан не сумел ответить на неожиданный вопрос.

- Умерла, умерла, - ответил он растерянно.

Каражан устроился на работу в имевшуюся в этом городе мастерскую по ремонту тракторов, опять же кладовщиком. Как говорится, болезнь проходит, а привычка нет, и нечистый на руку Каражан не упустил своего на этом выгодном месте. Однако, полагая, что последствия этого тяжело скажутся на Жулдыз, если его осудят за хищения, и ей стыдно и обидно будет перед другими детьми, он теперь осмотрительно запуская руку в материальные ценности, не забывал об осторожности. Когда прошло пять-шесть лет, он и вовсе женился на одинокой хозяйке дома, с которой прежде сожительствовал. Ее подростков двух детей устроил в профессионально-техническое училище. Теперь он начал жизнь, которая была не лучше и не хуже, чем у других. Однако, как говорится, если бог положил глаз, то и в сорок лет облысеешь, - от воспаления легких внезапно умерла жена. У оставшегося одиноким Каражана теперь была одна лишь отрада - Жулдыз. Жулдыз уже шел шестнадцатый год. Покинув интернат, она, чтобы отцу не было одиноко, перебралась к нему. Теперь она готовила ему еду, обстирывала, ухаживала за домом. Однако она не забывала об учебе, заканчивая с отличием десятый класс, претендовала на золотую медаль.

Именно в это время Каражана постигла самая великая в его жизни беда. Однажды ночью в окно его дома постучался Василий Берюхин. Каражан не видел его уже больше десяти лет. Ведь и самый подлый человек не забывает сделавшего ему добро человека. Хотя Каражан не встретил спасшего его когда-то от смерти Василия Берюхина с распростертыми объятиями и не выразил особой радости, все же принял его приветливо и радушно. Василий не скрывал с какой целью он сюда приехал. Расставшись в свое время с Каражаном, он не

расстался со своим ремеслом. Грабя магазины, воруя, прожигая жизнь, он переезжал из города в город. И выглядел он неплохо, прежний с налитыми силой мускулами Василий к сорока годам погрузнел, раздобрел. Его не знающие жалости, беспощадные, стылые, как стекляшки, голубые глаза поблескивали еще более холодно. “Сберкассу мы брали втроем, - сказал Василий, - продолжать находиться вместе было опасно. Разделив деньги, мы разбежались в разные стороны. Вечером я увидел и узнал тебя, и пришел нарочно ночью. Болтаться на улице не с руки, а хата у тебя на отшибе, посторонних нет. По старой дружбе укрой меня дней на пять у себя. А там я и сам уйду. За постой заплачу”. “Ладно”, - сказал в ответ Каражан. Скрывать в течение пяти дней он не посчитал особым уж проступком. “Если уж его поймают, то и без меня поймают. Зачем мне ради каких-то там пяти дней обижать старого друга”, - решил он. Затем сказал дочери: “Это один мой закадычный друг, дней пять он пробудет в нашем доме. По возвращении из школы, если он попросит принести что-либо из магазина, принеси, но никому не говори, что он у нас”. Жулдыз, хотя и слушалась во всем отца, все же, испытывая недоверие к разъезжающему с неизвестной целью и скрывающемуся у них человеку, уходила в школу вместе с отцом и поджидала его на улице, когда тот возвращался с работы, чтобы вместе вернуться домой.

На пятый день, день, когда Василий должен был покинуть их дом, Каражан пришел с работы чуть позже. Придя, обнаружил, что Василий накрепко запер дверь изнутри. Постучал, никто не открыл ему. Подошел к окну, прислушался. До его слуха донесся едва слышный отчаянный крик дочери. Поняв, что происходит что-то нехорошее, Каражан, вдребезги разнес оконную раму, ворвался в дом и увидел забившуюся в угол, отчаянно кричащую Жулдыз, пытавшуюся убежать от намеревавшегося ее изнасиловать Василия. Василий только что начал раздеваться, чтобы осуществить свое намерение. В глазах

у Каражана потемнело от ярости и он, схватив оказавшуюся под рукой табуретку, ударил Василия по голове. От удара череп Василия разнесло на куски, ударила фонтаном кровь, заливая пол. Коренастое, грузное тело еще с секунду, покачиваясь, продолжало оставаться стоять на ногах, а затем рухнуло. И в тот же миг Василий молча испустил дух. Конечно, если бы Каражан, не показывая никому труп Василия, избавился от него, никто бы не знал о смерти беглого преступника, да и не смог бы узнать. Но Каражан не стал делать этого. Он пошел сам в милицию и заявил, что убил человека.

Через месяц Каражана судили. За убийство человека, за укрывательство в своем доме особо опасного преступника. Суд приговорил его к десяти годам тюремного заключения. В то время не существовало еще такой меры наказания, как смертная казнь и кто его знает, возможно Каражан, случись это в последующее время, получил бы более тяжкое наказание. Каким бы закоренелым и опасным преступником ни был Василий, по советским законам он тоже человек и гражданин. Ну, а убийство человека, хотя бы и мотивированное, но самочинное, - тяжкое преступление.

Через месяц Каражана должны были отправить этапом в один из отдаленных лагерей. Прокурор разрешил Жулдыз свидание с отцом. Только тогда Каражан сказал дочери правду.

- Со зла /с плохого/ я начал свою жизнь, злом ее и завершаю. Теперь уже навряд ли я живым увижу тебя. Поэтому я и хочу сказать тебе всю правду. Ты была единственной в моей жизни радостью, отрадой. Однако ты мне не родная дочь. И отец, и мать твои - другие люди. Мать твою зовут Кырмызы. Она с семьей живет в Алма-Ате. Желая причинить ей зло, из мести, я похитил тебя, когда тебе был всего годик. Если ты сможешь простить эту мою вину, прости. Если не сможешь, знай сама. Если жизнь возьмет тебя в оборот и тебе станет трудно, разыщи своих родителей...

Каражан не зря сказал прощальные слова Жулдыз. Отправленный этапом, в вагоне, в стычке с другими преступ-

никами он погиб от ножа. В конце концов его доконал упрямый, дерзкий характер и ожесточение, которое он испытывал к людям.

Ну, а что касается Жулдыз, то она закончила в том году с золотой медалью десятилетку и поступила на архитектурный факультет Казахского политехнического института в Алма-Ате. В сентябре того же года в один из прохладных осенних вечеров она познакомилась с рослым, симпатичным Еркебуланом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Еркебулан и Кайназар родились и выросли здесь, в Алма-Ате. Оба архитекторы, оба закончили институт в Москве. Они дружили друг с другом с детства и оба одинаково были влюблены в Алма-Ату. Только любовь их к родному городу проявлялась по различному. Если Кайназару Алма-Ата была подобна любимой женщине и ему нравилось пребывать в радостях в ее зеленых объятиях, вдыхая ее ароматный, настоящий на зелени цветников, садов и парков, воздух, и получать от этого несравненное удовольствие, то Еркебулан испытывал непреодолимое желание приложить весь свой талант и волю, чтобы сделать этот свой прекрасный город еще прекрасней. Поэтому-то он, не в пример своему другу, видел больше недостатков в родном городе. Желая избавиться от них город, он, несмотря на занимаемую им невысокую должность (ведь он являлся всего лишь только что закончившим институт молодым специалистом), строил фантастические планы. Хотя у него никто и не просил совета, он думал о благоустройстве улиц, площадей своего города, составлял свои разного рода планы, ломал голову над тем как совсем изменить облик города. И все потому, что Еркебулан был талантливым. А обладая талантом, невозможно жить вне поиска, без желания изменить мир привычного.

Ну, а если возьмем Серали, отца Кайназара, то он не походил на Асыгата. Он был энергичным, добывчивым, не

упускающим свою долю человеком. В одно время он был одним из руководящих работников города. Но впоследствии в нем проявились черты человека, избегающего трудностей, ищущего где полегче, ставящего собственную выгоду выше интересов общества и он был понижен в должности.

И все же Серали был человеком, умевшим жить. Он старался и сына вырастить по собственному подобию.

- В первую очередь думай о своей выгоде, - поучал он Кайназара, - если ты знаешь, что знакомство с кем-либо не сулит тебе выгоды, бесполезно, не траться на него, не давай ему ничего. Ну, а для того, кто тебе нужен и ты в этом убедился, не жалей ничего.

Однажды, услышав, как сын рассказывал товарищам о том, что отец выиграл в лотерею, отец вывел сына с собой на прогулку.

- Ни семейных, ни своих секретов никому не смей выкладывать! - сказал он, вытянув сына несколько раз по мягкому месту пучком прутьев.

По мере того как сын рос, наставления отца становились все более значительными.

- Старайся ни в чем не уступать своим сверстникам и товарищам, - говорил он, - товарищ, который умнее и предприимчивее, - не друг тебе, - враг. Потому что не ты, а он станет большим человеком. Конечно, ты пока не знаешь этого, но то, что твой ровесник превзойдет и обойдет тебя в жизни - это большая мука для человека. Чтобы не испытывать таких мук, ты тоже смолodu думай над тем, как не оказаться ниже своих товарищей! Только поступая так, ты выбьешься в люди, не уступишь им.

Такие советы-наставления приучили Кайназара к соперничеству, к зависти к тем, кто учился лучше его, даже к тем, кто хотя бы немного, но лучше его одевался, к тайному недоброжелательству и лицемерию. А когда Кайназар уже становился джигитом, отец сказал:

- Казахи недаром говорят: "Человеку лучше иметь с палец

счастья, чем с гору таланта”. Если счастье твое не возгорится, то никакое стремление к успеху не поможет. А счастье, эта сумасшедшая птица, не разбирает на чью голову садится... Ничего удивительного, если она сядет на твою голову. Но если вдруг она сядет, то твоя обязанность - не спугнуть эту птицу-счастье, удержать ее при себе. Не будь таким, как я, умей скрывать и свои радости, и свои намерения...

Кайназар умел, как натальный талисман, хранить наставления своего отца.

К тому же Серали, считая, что чем раньше жизненные тяготы и заботы падут на голову сына, тем раньше, подобно коню, еще двухлетком приученным к седлу, он поймет преимущества ранней самостоятельности и почувствует вкус к жизни, еще до того как сын окончил институт, женил его на дочери одного своего закадычного друга.

Этот всесторонне взвешенный поступок тоже был правильным. В то время как сверстники Кайназара в поисках своей любви продолжали еще пребывать во власти юношеских грез, он, обзаведясь семьей, имея уже ребенка, начал думать о будущем, о путях продвижения по лестнице жизни...

Все же и Еркебулан и Кайназар были талантливыми инженерами. Однако, если Еркебулан напоминал своим темпераментом ударяющую всей своей мощью в обрывистые берега полноводную реку, то Кайназар был похож на едва сочившийся в летнее время из плеса в плес ручеек. Если Еркебулан был Моцартом, то Кайназар был Сальери.

Таким образом, местом приложения полученных знаний для закончивших институт и только что открывших дверь в самостоятельную жизнь молодых людей, где скрестились их творческие замыслы, стали новостройки Алма-Аты, их будущность.

Однако, хотя все их жизненные интересы и планы были связаны лишь с Алма-Атой, они, как сказал древнегреческий философ Кублий Сервиль: “Хотя два человека и делают одно и

то же дело, сделанное обоими не представляет собой одно и то же”, трудились для своей Алма-Аты каждый по-своему.

Ну, а кто не склонял головы перед красотой Алма-Аты! Кто не оценивал высоко эту ее красоту!

“Я могу сказать, что объездил весь мир, но такого красивого города, как Алма-Ата не видел”, - писал председатель торговой палаты США Эрик Джонсон.

“В Алма-Ате я увидел счастливую, великолепную картину расцвета общественной, экономической и культурной жизни”, - сказал приехавший из Индии профессор Махаланобле.

“Алма-Ата - настоящий город-сад, воздвигнутый согласно социальной политике с целью создать людям благоприятные условия для светлой, счастливой жизни”, - заявили члены делегации профсоюзов Италии Малагути, Отурлони, Мелля Мотта.

Они сказали верно. Это город, в котором хозяйственная деятельность, культура и искусство соответствует друг другу. Ведь здоровый духом и телом человек всегда выглядит цветущим, так и Алма-Ата. Сотни промышленных предприятий, заводы, комбинаты - домостроительный, суконный, по выпуску трикотажа, обувная, ковровая фабрики. Многочисленные дома отдыха, санатории, курорты, детские сады, машиностроительный, станкостроительный, вагоностроительный заводы, строительные тресты, число которых превышает сотню, театры, дворцы культуры, все - все они являются кровеносными сосудами, благодаря которым ритмично бьется сердце города, приносящие достаток и богатства.

Среди городов союзных республик Алма-Ата по количеству научных работников идет вслед за Ленинградом и Киевом. В одной лишь Академии наук ее трудятся более четырех тысяч научных сотрудников, имеется около тридцати научно-исследовательских институтов. Они ведут научные исследования в контакте с научными центрами таких капита-

листических государств как США, Франция, Италия, не говоря уже о странах социализма.

Алма-Ату не зря называют городом молодости. В ее шестнадцати высших учебных заведениях учатся свыше ста тысяч студентов. Среди них и сотни прибывших из Монголии, Кубы, стран Африки и других государств учащихся. Шестьдесят процентов ее достигшего миллиона жителей населения составляет молодежь в возрасте до тридцати лет. Вместе с тем Алма-Ата город спортсменов и театралов. Чего стоит один лишь ледовый стадион Медео.

Город поражает своей красотой, чему немало способствует его местоположение. Город лежит у подножия северных склонов хребта Алатау, принадлежащего системе Тянь-Шаня. Эта вторая в мире по занимаемой площади и высоте своих вершин горная страна, восточная оконечность которой увенчана знаменитым пиком Хан-Тенгри, в географическом отношении представляет собой несколько вытянутых большей частью в широтном направлении хребтов, покрытых вечными снегами. Пики их устремлены на многокилометровую высоту в небо, сползающие с них ледники обрываются в бездонные пропасти. Склоны Алатау покрывают густые вечнозеленые леса знаменитой тянь-шаньской ели, выше которых открываются альпийские луга, простирающиеся до суровых скал и ледников, ниже ельников горы поросли различными кустарниками и лиственными породами деревьев - дубом, березой, осиной и другими.

В объятиях этих величественно-прекрасных гор Алатау лежит расчерченный идеально прямыми улицами с ровными рядами растущих вдоль арыков сосен, дубов, карагачей, берез, кленов и тополей и спорящий с вечными снегами вершин белизной своих построек город. Зародившись в горах, словно специально для того, чтобы очищать воздух застроенного высокими зданиями города с интенсивным движением транспорта на улицах, преодолев скалы и утесы, бегут через город реки: Большая и Малая Алма-Атинки, Коктем (Весновка)

и Жаман (Поганка). До чего же прозрачна вода горных рек и как стремителен и мощен их бег. Побываешь на их берегах и наслаждаешься всей душой, все тело наливается какой-то особой радостной бодростью.

Чего много в Алма-Ате, так это парков, скверов и цветников.

Не говоря уже о роще Баумана, о парке культуры и отдыха, парке имени двадцати восьми героев-панфиловцев, Сосновом парке, густо обсаженных деревьями площадях и скверах перед Домом правительства и зданием ЦК Компартии Казахстана, сколько созданных на пересечении улиц тенистых изумительной красоты скверов, таких как сквер на перекрестке улиц Тулебаева и Кирова!

Алма-Ата один из самых зеленых городов в мире. В Советском Союзе в этом отношении с ней не сравнится, пожалуй, ни один другой город.

В то же время, несмотря на свою красоту, на богатство окружающей природы Алма-Ата один из самых загазованных шести городов в мире, крайне бедный освежающими его атмосферу ветрами.

К югу и юго-востоку от города высятся горы Северного Тянь-Шаня. В этих местах ветра нет. Ну, а задувающие с севера и запада ветры, проносясь над городом (даже обладая ураганной силой они вызывают в городе всего лишь кратковременную бурю), ударяются в ставшие на их пути преградой высокие утесы и вершины Алатау, теряя силы, а то и вовсе пропадая.

А в городе, извергая газы, работают более пяти тысяч грузовиков, автобусов и легковых машин. Можно сказать, что на два жителя приходится одна машина. Куда же должны деваться извергнутые за восьмичасовой день газы? Одно лишь хорошо, что много деревьев, большую часть углекислоты и азотистых соединений поглощают они.

И все же, насыщенный газами город - не самое подходящее для жизнедеятельности человека место. Особенно трудно

проживание в нем людям с заболеваниями сердца. Такие люди чувствуют себя в такой обстановке так, словно кто-то так и старается удушить их, только поджидая, чтобы заткнуть кляпом рот.

Поначалу внутренние противоречия между Еркебуланом и Кайназаром возникли по поводу того, с какой стороны города должны примыкать намечаемые к строительству микрорайоны, а так же по проблеме - город, человек, природа.

Конечно, никто не спрашивал у двух молодых архитекторов в какую сторону раздвигать границы города, но ведь Алма-Ата для обоих родной город и поэтому судьба будущего города для них была животрепещущей проблемой.

Когда генеральный план Алатауского района наших дней только что наносился на ватман, Кайназар сказал:

- Вот это город так город, до самого Медео протянутся великолепные улицы. Подножия гор будут сплошь застроены пяти- и десятиэтажными белыми, отделанными мрамором, зданиями. Вот здесь, выше Головного арыка, вдоль современной улицы имени Сатпаева будет построена торжественная новая площадь!

- Нет, это совсем неверно, - сказал Еркебулан, - не следует растягивать город в эту сторону. В районе, изобилующем древесными насаждениями, невозможно построить широкие, просторные улицы, способные беспрепятственно пропускать транспортные потоки, а по самой большой сейчас в нашем городе улице Ленина затруднено четырехрядное движение. Уже сейчас на этой улице человека оглушает шум, всю ее заволокло газами автомашин. Человеку трудно дышать и без того в расположенном на высоте городе. Нет, эти места надо превратить в места отдыха, курорты. Доступ транспорта должен быть ограничен, необходимо поддерживать чистоту воздуха. Ну, а город должен строиться по ту сторону реки Аксай, в северо-западном направлении, на обширной подгорной равнине, обдуваемой со всех сторон ветрами. Посмотри-ка, - на фоне

величественных снежных вершин Алатау в ровной степи лежит торжественно-красивый город с просторными прямыми улицами, по которым возможно не то чтобы четырехрядное, а даже шестирядное движение, утопающий в зелени. Многоэтажные, не повторяющие друг друга здания возведены из белого мрамора, светло-серого, ракушечника. Как это чудесно! К тому же здания эти не должны быть такими, как строящиеся сейчас, внутренняя планировка их должна быть просторной... При строительстве каждого дома, каждой улицы необходимо учитывать минимум на сто лет вперед предъявляемые к ним требования и нужды города. Необходимо прекратить строительство тесных, с плохой звукоизоляцией домов, как в нынешних микрорайонах, которым уже завтра предстоит быть снесенными. Мы не такие уж богатые, чтобы через каждых сорок-пятьдесят лет заменять на том же месте дом подобным ему домом, разбазаривая народные средства. Недавно я был в “Детском мире”. Этот магазин был построен где-то лет двадцать-двадцать пять назад. А сегодня он уже очень тесен, к тому же еще и малопривлекателен для детского глаза. Почему, строя его, архитекторы не думали о будущем города? Хорошо, скажем, хоть и тесен, но на сегодняшний день в какой-то мере обеспечивает нужды горожан, ну, а потом, когда население города перевалит через миллион, и он станет многолюдным? Конечно, возникает острая необходимость строить новый “Детский мир”. Чем так, не лучше ли было бы нам, принимая во внимание нужды неуклонно растущего города, которые необходимо предвидеть, раз и навсегда строить все с учетом будущего - просторно и красиво-привлекательно? Конечно, ты скажешь, что это связано с проблемой увеличения расходов средств. Нет, говорить так неверно. Чем строить такие, не удовлетворяющие нас пять зданий, как “Детский мир”, “Дом пионеров”, а затем, снеся их, строить на том месте пять новых зданий, не лучше ли воздвигнуть одно привлекательное для глаза, торжественно-нарядное здание, которое простоит долгие годы.

Это и с финансовой и с эстетической стороны. Считающиеся до наших дней шедеврами строительного искусства и Тадж-Махал, и Кремль строились именно с такими соображениями. Венеция, Пальмира, Париж тоже были так возведены. Если короли, феодалы, цари, купцы умели так строить, так почему мы, хозяева новой эпохи, не можем строить таких величественных дворцов? Конечно, можем. Да и должны строить. Потому что мы не можем нести с собой в коммунизм такие похожие на спичечные коробки дома, которыми мы сейчас застраиваем микрорайоны.

- Каково одеяло, так и ноги протягивай, - засмеялся Кайназар, - сейчас мы не в состоянии превращать в царские дворцы все здания, которые строим. Для этого нужны не только средства, но и время. К тому же мы обязаны обеспечить всем необходимым для отдыха и труда тех самых строителей будущих домов коммунизма. Еще придет время, когда мы будем строить те, не уступающие царским дворцам дома, в которых будут жить советские люди, о которых ты говорил.

- Конечно, это так, - чуть нахмутив брови, сказал Еркебулан, - безусловно, придет время строительства таких домов. Однако я бы предпочел, чтобы эти дома строили не мои потомки, а я сам... И проекты этих удивительных дворцов я хочу чертить, я сам, вот этим карандашом...

Но никто не поручал Еркебулану строить такие дворцы и молодой архитектор продолжал заниматься своей повседневной работой. И все же он не переставал думать о будущем городе. В мечтах, по ту сторону реки Аксай, к северу-западу от Алма-Аты он воздвигал новый город, проектировал не уступающие ни в чем царским дворцам жилые дома будущего. Однако все это было лишь одной фантазией, мечтой. В период этих бесплодных мечтаний неожиданно умер один из товарищей Еркебулана и он поехал при похоронах на расположенное на северо-восточной окраине Алма-Аты казахское кладбище. Место это представляло собой изрезанное оврагами и неглубокими ущельями

подножие гор, так называемые “прилавки”. Оно возвышается над городом. Скончавшийся товарищ был очень хорошим парнем. Вот только характер у него был несколько тяжеловатым. То ли из-за этого своего характера, или же от того, что с малолетства оставался без родителей, но он рано подхватил неизлечимую болезнь, не познав как следует удовольствий и радостей жизни. Еркебулан и Кайназар, возглавив похороны, с почетом предали земле своего товарища, с которым вместе выросли. Их обеспокоило то, что могила товарища располагалась у подножия увала. “Если осень выдастся дождливой, то вода размочит могильный холмик бедняги”, - подумал Еркебулан и вскоре позаботился о том, чтобы могилу укрепили бетоном. После завершения похорон он поднялся на ближайший увал и обозрел сверху общую панораму казахского кладбища. На холмистой, изрезанной ложбинами местности множество могил. Большинство из них огорожено металлической оградой, есть среди них и такие, на которых установлены мраморные и гранитные памятники, скульптуры. Кое-где видны построенные по образцу казахских мазаров из жженого кирпича надгробные мавзолеи с полумесяцем на куполе. Могилы имеют самый разнообразный вид. На некоторых посажены деревья - березы, карагачи. Попадаются и покрытые белой жесью купола. Родные умерших по мере возможностей отдавали долг почтения умершим. Подавляющее большинство могил ухожено, имеет нарядный вид, одно только плохо - местность неровная, поэтому могилы выкопаны бессистемно, вкривь и вкось. Они располагаются вплотную друг к другу, их разделяют лишь металлические ограды. Еркебулан собрался было сходить на могилу похороненного на этом же кладбище одного своего старого учителя, но поняв, что найти ее будет нелегко, к тому же его ждали товарищи, он отложил посещение до следующего воскресенья. Раньше он побывал в Риге, Львове, Таллине. Приходилось ему бывать и на кладбищах этих городов. Увидев

там знаки почтения к умершим, он был несказанно удивлен. Каждая могила была красиво и торжественно обстроена черным и белым мрамором, гранитом, перед ними установлен обелиск с именем похороненного в ней. Как бы напоминая “помяни покойного сидя”, возле каждой могилы была установлена каменная скамья. Словно для того, чтобы все посещающие покойного родные и близкие поливали посаженные цветы, около могилы находилась лейка. Колонка, где можно набрать воды, располагается недалеко, на краю кладбища. Еркебулан, вспоминая виденное тогда, спускаясь вниз, огорченно думал: “И зачем только копали как попало и в такой близости друг от друга могилы, словно земли не хватало?”

В тот день у Еркебулана не выходил из головы так и не вкусивший как следует радостей жизни товарищ. Ему вспомнилось четверостишие из прочтенной им в прошлом году поэмы одного поэта.

Поэт в той своей поэме сказал так:

“Вот и умер джигит, умер человек.

Лишь одни дела его остались в памяти навечно.

Лесок зеленый вырос на могиле,

Сень, о которой он мечтал при жизни”.

Еркебулан вдруг удивился тому, что не посадил сегодня на могиле товарища парочку деревьев. “Нет, нет, - сказал он сам себе, - посажу в следующий раз”. Именно в этот момент один из сидевших рядом с Кайназаром на заднем сиденье машины двух джигитов, сказал:

- Неужели так и будет оставаться в углу города на отшибе казахское кладбище?

Сказал это архитектор Жахан. Он окончил институт в Свердловске.

- И на самом деле, несуразица какая-то, - произнес Кайназар, - когда мы живы, живем одной жизнью и как-то неудобно в эпоху дружбы народов именоваться ему “казахским” кладбищем и располагаться отдельно.

Еркебулан заинтересовался сказанным ими. И собрался было высказать свое мнение. Однако второй джигит опередил его. Это был Ахметгали - строительный инженер, возрастом на год старше Еркебулана.

- Что же тогда, - неожиданно громко сказал он, - вам жалко для казахов отдельного кладбища?

Сидевшие в машине разом умолкли. Через некоторое время заговорил первый джигит:

- Нет, это не так, - сказал он. - Я говорил о том, что казахское кладбище расположено в неудобном месте...

Кайназар тоже вступил в спор.

- Я тоже говорю то, что думаю, - сказал он, - нечего ему выделяться как “казахское кладбище”, если уж ты при жизни вместе с другими нациями, то и после смерти будь вместе.

Еркебулан задумался. По словам трех товарищей можно было разобраться куда тянет каждого их внутреннее чувство. Жахан, конечно, сказал о том, что в общем, кладбище расположено в неудобном месте. А Кайназар, конечно, противопоставил отдельное расположение казахского кладбища дружбе народов. Это его мнение, конечно, неверно. От того, что казахское кладбище расположено обособленно, вреда для дружбы народов нет. Бесспорно, с другими нациями у казахов и помыслы, и будущее одни. Лишь такие традиции и обычаи, как оставшийся со старых времен обычай захоронения покойников, все еще отличен от обычаев других народов. Особенно такой как похороны старых и пожилых людей... Возможно, оправданно, что их могилы располагаются отдельно. Как бы то ни было, идеологического вреда от этого нет. Об этом знает и Кайназар. Но он всегда так. В любом случае он хочет показать себе более справедливым и идейным, чем другие. Ну, а Ахметгали... Нет, то, что он, придавая особый смысл слову “казах”, сказал “вам жалко для казахов отдельного кладбища?”, сильно задело Еркебулана, словно ему дали пощечину. И Ахметгали всегда таков. Чуть что он кидается на

защиту казахов. И в своих строительных проектах он не забывает, подражая форме казахской юрты, сплошь наделять здания куполами. Где надо, где не надо, он всюду суется с ними. А строящиеся по его проектам здания и внутри, и снаружи украшаются казахским орнаментом. Конечно, нет ничего предосудительного в любви к народному искусству. Однако это не всегда укладывается в рамки проекта. Это приводит лишь к тому, что от неумного, к месту и не к месту, употребления национальных мотивов, рождаются неправильные понятия. Что касается Кайназара, то он полная противоположность Ахметгали, Он и в жизни и в науке слишком привержен новшествам, новаторству. Он смотрит на мир будто и его будущее и сегодняшнее должны начаться с нас. Старое казахское искусство, традиции - все это он считает вчерашним днем. Сказано, что увидишь в гнезде, то и подхватишь на лету, Кайназару было трудно ставить это в вину, потому что Серали, будучи отцом, никогда и ни разу не сказал ему “у тебя есть народ, у народа есть традиции, искусство, которые ты должен сберечь”. Он приучил сына думать лишь о себе, о собственном росте. Нашлись близкие и родственники, готовые оказать помощь и поддержку Кайназару в деле продвижения к поставленной им перед собой цели. Один его дядя по матери, занимающий высокое положение, сразу же после окончания института сделал Кайназара начальником подотдела. “Этого для тебя мало, чуток подожди, - сказал этот его дядя, жив буду, ты через два-три года окажешься директором института”.

Кайназар и в решении семейных проблем не ушел далеко от старых обычаев. В нужный момент он умел придерживаться старой казахской пословицы “учи жену с первого дня, а ребенка с малолетства”. Благодаря этому его молодая, робкая жена, несмотря на то, что закончила десятилетку, и его маленький четырехлетний сын во всем старались угодить ему. Не заставляли повторять сказанное. Что касается самого Кайназара, то он чувствовал себя в этой обстановке как джигиты старого

казахского аула. Он не удосуживался ставить в известность семью о том куда идет, чем будет заниматься, не упускал случая поволочиться за приглянувшимися ему молодыми женщинами, на вечеринки и в гости он ходил один. Лишь из боязни, что истинное его лицо может повредить его росту, он старался показать себя посторонним с хорошей стороны. И это не представляло для него трудностей. Находясь в компании, он напускал на себя озабоченность, говоря “жена одна осталась с ребенком”. Стоило ему войти в магазин, он тут же со словами “куплю-ка я это жене” указывал на приглянувшуюся ему вещь. Благодаря этому своему характеру он и товарищам, и Еркебулану казался настоящим семьянином. Никто не знал, что хранилось в душе Кайназара.

Ну, а среди троих, сидевших на заднем сиденье, один только Жахан был человеком, знавшим, что необходимо уметь связывать прошлое с настоящим, старое с новым. Жаль только, что он часто поддавался эмоциям. Был вспыльчив по характеру. У него привычка говорить на прямоту все, что пришло ему на ум. И ему нет дела до того, что эта его откровенность кому-то нравится, а кому-то нет...

Пока Еркебулан взвешивал сказанное товарищами и собирался высказать свое мнение, его вновь перебил Жахан.

- Я говорю так о кладбище не потому, что оно казахское, а всего лишь потому что оно расположено в неудобном месте. Уже сегодня оно расползлось вверх по склону, а когда население города превысит миллион, мы вынуждены будем хоронить покойников в низинах и промоинах. А это породит трудности и неудобства в деле сохранения могил: дождь, снег, стекающие с гор потоки - все разрушат.

- Ты не очень-то уж переживай, что вода будет разрушать могилы, - убедительным тоном заговорил Кайназар, - к тому времени в Алма-Ате уже будет свой крематорий. Ничьи кости не будут лежать в земле. Все умершие будут сжигаться.

- Возможно, мои и твои кости сожгут, - озлившись вдруг,

сказал Ахметгали, - ну, а выдающиеся люди из казахов? Нет, свет мой, их могилы народ должен сберечь.

- И не только могилы выдающихся людей, - улыбнулся Жахан, - другие тоже.

- Это, конечно, так, - произнес, как бы признавая свою ошибку Ахметгали, - ну, а на этом месте, где покойники захоронены как попало, не построишь такого мемориального комплекса, или пантеона, который бы остался памятником для потомков. Поэтому мы должны указать место, где могли бы быть похоронены выдающиеся люди и где можно было бы воздвигнуть пантеон. К тому же мы обязаны уточнить каким должен быть этот пантеон.

- Все, о чем ты говоришь, входит в компетенцию горисполкома, - сказал Кайназар.

- Нет, это и наша забота! - сказал, чуть разгорячившись Жахан, - даже будет правильным объявить конкурс в отношении этого самого пантеона.

- А кто даст на это средства? - насмешливо спросил Кайназар.

- Городские власти. Если нам откажут в них, тогда мы сами соберем средства и определим приз. Чей проект окажется лучшим, то и представим в городской Совет.

Услышав слово “конкурс”, Еркебулан вновь насторожился. Нет, он думал не о новом кладбище для умерших, у него была своя задумка насчет конкурса, о которой он никому еще не говорил. Заключалась она в том, чтобы построить великолепный дворец, посвященный ветеранам войны и труда. Он давно уже носил в себе проект дворца, в котором могли бы устраивать встречи отличившиеся в войне и труде на благо народа и Родины ветераны, предаваться там воспоминаниям, посмотреть кинофильм, послушать концерт. Этот проект зародился в нем после того, как он увидел изображение “Дома инвалидов” в Париже, построенного по распоряжению Наполеона. “Чем хуже наши ветераны войны ветеранов наполеоновских

походов?” Эта мысль не давала ему покоя и желание воздвигнуть дворец, который бы превзошел красотой и величием “Дом инвалидов” в Париже, превратилось в его самую большую мечту. С предложением составить проект такого здания он побывал в директивных учреждениях города. Однако никто не дал ему определенного, исчерпывающего ответа. Некоторые руководящие работники, заявляя “такой дом у нас не запланирован”, и вовсе не подпускали его к себе. Поэтому-то он и встрепнулся, услышав предложение Ахметгали “проведем конкурс на свои средства”. И в самом деле, если нам, молодым архитекторам, собрать средства, составить наилучший проект дома ветеранов, всем скопом отработать его до совершенства и представить правительству. Разве, заинтересованное, оно не распорядится построить его?” - подумал Еркебулан.

Теперь он внес предложение о проведении конкурса на проект не пантеона для умерших, а торжественного дворца для живых ветеранов.

Молодые архитекторы, еще не раз собираясь после этого, в конце концов решили на свои средства провести конкурс на проект Дворца ветеранов. Они наметили своими силами перенести на ватман получивший первый приз проект, сообщая исправить его недостатки и, составив смету расходов, представить в правительственные органы.

Они верили, что такой дворец, благодаря инициативе молодых архитекторов, если проект получится хорошим, будет построен.

Если у содружества молодых архитекторов не хватит сил для строительства этого дворца, то необходимо будет привлечь к содействию известных ветеранов нескольких войн и героев-ветеранов труда, решили они.

И вот, пришедшие к такому решению молодые архитекторы, намереваясь померяться силами в конкурсе, засуча рукава, приступили к работе.

Еркебулан теперь тоже, придя с работы, не отрывал головы от собственного проекта.

И в один из этих преисполненных вдохновения дней он встретил Жулдыз.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сегодня день был жарким, пропитанным какой-то мглистой духотой. Хотя сентябрь и приближался к своей половине, жара еще не очень-то спала. К тому же вчера прошел сильный ливень и все деревья - березы, дубы, карагачи, тополя, листва которых уже подернулась желтизной, вновь засверкали изумрудом своих крон, зазеленели как летом.

Еркебулан, с улыбкой поглядывая по сторонам, шел по широкому и красивому проспекту Абая. Сегодня он проснулся поздно. Ночью он засиделся над предварительным общим проектом-схемой “Дома ветеранов”, зародившимся в его фантазии еще в студенческую пору. В этот раз, не давая воли одной лишь фантазии, подвергая свой проект всестороннему анализу, он увидел в нем множество недостатков. Особенно бросалось в глаза месторасположение будущего “Дома ветеранов”. Каким бы красивым дворец, торжественное здание не были задуманы, прежде всего необходимо определить место, где они будут воздвигнуты. Строящийся объект должен гармонировать с окружающей его природой, вписаться в ее панораму, дополнять ее и в свою очередь дополняться ее особенностями. К тому же объект этот должен располагаться вне зоны производственной и других видов деятельности людей, вне досягаемости шума увеличившегося в последние годы автомобильного потока и общественного транспорта и других беспокоящих шумов. Короче, будущая стройка должна быть заложена в самом подходящем, оптимально отвечающем требованиям, предъявляемым к такого рода объекту, месте.

Еркебулан думал расположить “Дом ветеранов” по ту сторону Головного арыка, на возвышении. И свой будущий

проект он собирался составлять в соответствии с этой своей прикидкой. В этом месте много свободного пространства, достаточно условий и возможностей для посадок деревьев и заложения скверов. И воздух здесь чистый. От того, что будет располагаться чуть выше города “Дом ветеранов”, безусловно, обретет легкость очертаний, раскроется красота его архитектурных форм. Однако из-за того, что на намеченном им месте должна быть построена новая площадь и воздвигнуто шестизэтажное здание Центрального Комитета Компартии Казахстана, Еркебулан поневоле был вынужден подыскивать другое место. Если в первую очередь он найдет отвечающее задуманному новое место, только тогда он начнет разрабатывать свой проект, привязывая его к панораме этого места.

Пришедший к такому решению Еркебулан вот уже дней десять бродит по городу из конца в конец. В поисках подходящего места он даже полностью осмотрел западную и северо-западную сторону Алма-Аты. Подходящего здесь он ничего, что отвечало бы его замыслу, не обнаружил. Если место расположения будет низким, то каким бы красивым и торжественным ни был построенный дворец, то его не будет видно из-за окружающих его высоких зданий. Подходящее место нашлось в северо-восточной части города, но там располагалось казахское кладбище. Еще одним подходящим местом показалось ему место между казахским кладбищем и горой Кок-Тюбе. Однако прилавки гор здесь были очень уж высоковатыми. Построив там дворец, необходимо было бы подниматься к нему по канатной дороге, как к ресторану “Аул” на Кок-Тюбе. Разве станут посещать тогда свой дворец уже преклонного возраста ветераны? Еркебулан ведь так и задумал построить этот дворец с тем, чтобы он стал местом, где ветераны могли бы встречаться, поднять свое настроение, отдохнуть душой...

Сегодня молодой архитектор в этих своих поисках собирался осмотреть юго-западную окраину города. И поэтому

он хотел подняться вверх к горам от располагавшегося на проспекте Абая политехнического института.

И вот взгляд занятого этими мыслями Еркебулана упал на идущую с ним параллельно, вровень, по другой стороне улице девушку. Хотя, между ним и девушкой лежал широкий проспект Абая, он все же приметил стройную молодую девушку на той стороне. Нет, он не глазами, а сердцем ее увидел. Еркебулан и сам не знает почему, но он нисколько не сомневался в том, что у той, среднего роста, идущей, покачивая парой длинных, спадающим к икрам ног толстых кос, девушки с тонкой талией светлое лицо, большие бархатные глаза, красиво очерченный рот, хотя и не видел ее в лицо. Такой представило ее ему собственное воображение. Еркебулан и сам не заметил как оказался на той стороне улицы. Теперь он прибавил шагу. А девушка, хотя и не оглянулась, почувствовала, что кто-то торопливо идет вслед за ней вдогонку. Она тоже почувствовала это сердцем. К тому же не сомневалась, что это джигит. С тех пор как Жулдыз (конечно, это была та самая Жулдыз) оформилась как девушка, она знала, что все как один, джигиты заглядываются на нее и стала уже привыкать к этому повышенному вниманию к своей особе. И все же именно в этот раз проклятое сердце неизвестно от чего разволновалось и ее так и подмывало оглянуться - "что же это за джигит?" И все-таки она выдержала характер и не оглянулась. Приковавшись взором к словно цепями охватившим его косам, не в силах противостоять, подобно магнитному, притяжению девушки, Еркебулан, поневоле ускоряя шаг, уже почти поравнялся с красавицей. В тот же момент, красиво изогнув шею, девушка повернула головку и посмотрела на него. Еркебулан удивился собственному воображению. Девушка и на самом деле была светлицей, с прямым и красиво очерченным ртом. Нет, она была даже красивее, чем в его воображении. Когда она бросила из-под длинных ресниц взгляд своих бархатистых черных, как смородинки, глаз Еркебулану показалось, что в его сердце кто-

то бросил горящие угольки. Все тело его вдруг размякло. Каждая из ресничек девушки вонзилась в его сердце, как копьё, и у него тут же перехватило дыхание. Шаг поневоле замедлился.

- Куда вы это спешите, что так запыхались, агай? - произнесла, чуть улыбнувшись и обнажив белый, как жемчуг, ровный ряд зубов девушка.

Джигиту не впервой было иметь дело с девушками и за словом в разговоре с ними в карман не лазил. Вот и сейчас он подхватил разговор.

- Здесь проплывала некая птица - белая лебедь, вот я и бежал во всю силу своих легких, чтобы успеть увидеть ее...

Девушка кокетливо засмеялась.

- Что это за лебедь в это время плавает не по озеру, а по суше?

Джигит не замедлил с ответом.

- Нет, мне весь мир в эту минуту показался голубым волнующимся озером, окаймленным по берегам зеленым лесом. А светлолицая девушка с парой кос, идущая рядом со мной, стала похожа на величаво плывущую по тому серебристо-голубому озеру птицу-лебедь.

Девушка вновь рассмеялась.

- Серебристое озеро... Птица-лебедь... Какие красивые слова... Уж не поэт ли вы?

- Нет, - сказал джигит, чуть помедлив и вдруг мечтательно посмотрел на запад. В это время, покрывающий землю туман начал уже рассеиваться, между его рваными клочьями проглянуло голубое небо и в какой-то момент из-за пушистого облачка показалось солнце. Весь мир сразу же засверкал, переливаясь красками, как вынутая из сундука енотовая шуба. Словно пораженный видом так внезапно изменившегося мира, джигит вновь бросил по сторонам взгляд и опять глянул на девушку. Именно в этот момент в этом, только что раскрывшем свою красоту мире, девушка показалась ему самой прекрасной, самой желанной девушкой. Теперь на какой-то миг замершее

в восхищении сердце джигита вновь взволнованно забилося. - Нет, - сказал Еркебулан, - я архитектор, мечтающий сделать еще краше весь этот мир с воспетыми поэтами птицами-лебедями и серебристыми озерами.

Девушка резко оглянулась на него. В этот раз в ее глазах появились какие-то удивительно-радостные искорки.

- Ну, а я студентка архитектурного факультета Политехнического института, где преподают ту самую тягу к прекрасному, о которой вы говорите, - сказала она. - В этом году поступила...

Вот так познакомились Еркебулан и Жулдыз.

Знаменитый древнегреческий скульптор Пигмалион всю жизнь был влюблен в небольшую, изваянную из белого мрамора им же, удивительно красивую скульптуру женщины. Почему же он проникся такой страстью к бездушной, каменной скульптуре? Какая сила влекла его к каменному телу? По свидетельству древних греков Пигмалиона заставила влюбиться редкостная красота изваянного им женского тела. Красота всегда зарождает в человеческом сердце радость. А красота Жулдыз, красота его души, способной любить серебристое озеро и птицу-лебедь наполнило Еркебулана таким неизъяснимо великим чувством, словно грудь его распирает несравненный аромат сизой степной полыни. Это чувство - было радостью любви, праздником любви. Это пламенное чувство, казалось, растопило душу джигита. И Жулдыз не могла сдерживать своего чувства к Еркебулану, не видя его всего лишь день, она едва не умирала от тоски и то и дело поглядывала в ту сторону, с которой приходил Еркебулан. Как Ромео и Джульетта, впервые они встретились прохладной лунной ночью в загадочно-таинственном, уже подернутом желтизной, густо поросшем деревьями сквере.

Золотистая луна смотрела сквозь толстые ветви дуба на обнявшихся под его кроной девушку и джигита. Когда Еркебулан, сжимая каменно-твердые груди Жулдыз, которых еще не

касалась человеческая рука, стал страстно целовать ее в кончик языка, все его тело содрогнулось, как тело заарканенного жеребенка, задрожало, сердце готово было выскочить из груди, дыхание прерывалось.

Эх, первая любовь, первый поцелуй, первая радость, - как вы прекрасны! Обнявшись девушка и джигит, именно сейчас опалая друг друга пламенем своих сердец, растапливая друг в друге остатки сдержанности, готовы вконец отдаться во власть этого пожара...

- Ой, в глазах даже потемнело, - сказала через некоторое время девушка...

- Тогда я добавлю в них света.

Еркебулан стал теперь нежно целовать глаза, лицо, шею девушки.

Утонувшая в объятиях джигита, девушка через некоторое время вновь сказала:

- А что ты будешь делать, если я не перенесу своей радости и умру?

- Без тебя и я, наверное, не смог бы жить, я бы тоже умер, - сказал джигит.

Девушка ласково засмеялась.

- Тогда... ведь тогда и любовь наша умрет.

- Почему? Она не умрет. Сколько уже прошло как погибли Козы-Корпеш и Баян-Слу. Но разве не жива для нас до сих пор их любовь?

На лицо девушки, казалось, набежала тень печали.

- Конечно, жива. Но ведь их любовь жива отдающейся в сердце болью печали.

- Ну, а наша любовь будет жива своей бессмертной радостью.

В этот же момент на память Еркебулану пришло одно стихотворение отца, написанное им в пору молодости.

Весна цветов, каждая ее ночь, каждый рассвет,

Человек по сути своей гость в этой жизни.

Нет на свете счастливица, сравнимого с ним.
Если не иссякнет этот праздник удовольствия.
Тучи горя не нависайте теперь надо мной,
А если нависнете, душа моя, не поддавайся им.
Любовь моя, ты всесильное мое светило-солнце,
Не верь же ты, не верь же ты, не верь!

Еркебулан тоже отождествил эту свою настоящую любовь, испепеляющий его душу огонь любви Жулдыз с солнцем, дающим свет всему миру. И молил судьбу, чтобы эти огонь и свет не померкли.

В тот самый момент он был самым счастливым человеком на свете. Нет, не один только Еркебулан. И он, и Жулдыз были по-настоящему счастливыми людьми.

И их любовь так же как и любовь Козы-Корпеш и Баян-Слу была чистой, горячей и вечной.

Как Козы-Корпеш и Баян-Слу они были по-настоящему беззаветно влюблены друг в друга. Любовь их превосходила любовь легендарных влюбленных своей вечной радостью, не омраченной ничем радостью.

Однако, в нашу эпоху, в эпоху свободы любви между девушкой и джигитом, когда ничто в этой эпохе не препятствует их любви, возможна ли такая беззаветная любовь, когда они готовы умереть друг за друга?

Разве любовь не подобна пламени, разве не взвигается пламя ввысь, когда ветер пытается задуть его?

Ведь нет такой силы, которая могла бы воспрепятствовать любви Еркебулана и Жулдыз. И если это так, то разве не горела бы ровным пламенем, как в безветренный день их любовь, без беспокойства, без страха, в объятиях радости?

Нет, так не получилось.

И ветер поднялся, и буря налетела. Разгоревшееся пламя-любовь не раз подвергалось испытанию. То его прибивало к земле. То оно вновь взвигалось ввысь, изо всех сил стараясь не погаснуть. Жестокое испытание началось вот с чего.

Как-то раз, придя домой после встречи с Жулдыз, радостный Еркебулан обратился к своей матери - Кырмызы:

- Мама, я хотел тебя познакомить с одной девушкой, - сказал он.

Лицо матери засияло от радости.

- Познакомь, мой хороший, - сказала она и с улыбкой посмотрела на сына, - кто она? Невеста твоя?

Да, мама...

- Поздравляю, мой хороший. - Мать была обрадована этой вестью. И все же ей захотелось сейчас же узнать кто эта девушка. - Из каких краев твоя невеста... Наша, алма-тинская? Родители у нее есть? Как ее имя?

- Имя ее - Жулдыз... Отца звать Каражан. Родителей у нее нет. Отец ее умер в прошлом году. А мать, когда она еще была очень маленькой... Сама она в этом году приехала из-под Новосибирска и поступила в Политехнический институт...

Мать неизвестно почему обеспокоено вскинула голову.

- Как ты сказал имя ее отца?

- Каражан...

- Говоришь из-под Новосибирска приехала?

- Да. А зачем ты об этом спросила?

- Да так просто...

И тут же ей вспомнилось то, почти забытое уже происшествие. "Каражан... Новосибирск... Да, ведь был слух, что Каражан кинулся в бега в сторону Новосибирска".

Кырмызы долго молчала, не в силах сказать что-либо. Еркебулан хотя и был удивлен поведением матери, все же спросил:

- Так что, мама, привести ее домой?

Вдруг охваченная тем самым давним горем мать вместо ответа спросила:

- А она красивая, эта твоя девушка?

- Красивая, красивая! - сказал в ответ сын и затем, словно гордясь, посмотрел на висевшую на стене увеличенную

фотографию матери, снятую в пору ее молодости. - Я только теперь заметил, кажется, она даже похожа на тебя, мама, или как...

Жулдыз, хотя Кырмызы не была ей родной матерью, имела с ней некоторое сходство, особенно глаза ее, как и глаза Кырмызы, хранили в себе какую-то печаль, грусть...

- Пригласи, мой жеребеночек, - шепотом произнесла мать.

- Пригласи, поскорее пригласи.

Еркебулан не придал значения изменившемуся настроению матери, ее "поскорее позови" внутренне обрадовало его. Какая мать не бывает довольна, когда сын заявляет о том, что намерен жениться. Вот и Еркебулан объяснил этим внезапное изменение в настроении матери.

Когда Кырмызы увидела только что входившую в пору расцвета своей юной красоты Жулдыз, ей показалось, что она встретила с собственной юностью. И обликом похожа на нее, и фигурой. И характер как у нее в молодости... кажется ровный и мягкий. Даже ее улыбка, смех, манера держать себя, казалось, знакомы Кырмызы. Нет, все же это не она. Тогда на кого же она похожа? Кого же все-таки напоминает ей Жулдыз? Кто так был похож на нее? А какой была та давняя подруга Базаргуль?.. Наливая чай сидевшим рядом Еркебулану и Жулдыз, она то и дело исподтишка разглядывала ее. Ведь материнское сердце чувствительно, Кырмызы вдруг овладело такое радостное чувство, словно нашлось утерянное ею, ожило умершее. Как же так? - сказала она сама себе. - То ли это сердце мое радуется тому, что единственный сын мой нашел себе достойную пару? Или же...или... В душу вдруг ворвалась буря. И все же. Уняв охватившее ее волнение, она, словно в ожидании ответа на обуревающие ее мысли, решила выяснить кое-что у девушки.

- Милая, где живут твои родители? - спросила она, как бы питая какие-то надежды.

- Отец умер в прошлом году. В окрестности Новосибирска

он прибыл в свое время из Казахстана. Перед смертью он сказал, что родители мои живут где-то здесь, в этих краях.

Внезапно Кырмызы чуть было не спросила: “Как имя твоей матери?” Однако, увидев какими глазами сын смотрит на рядом сидящую девушку, не спросила. Вполне ведь возможно, что она услышит от Жулдыз собственное имя. Нет, Кырмызы тревожилась зря. Перед смертью отец, хотя и назвал имя матери, но назвать имя настоящего, по его мнению, отца, Асыгата, у него не хватило сил. Агонизируя, Каражан даже имя Кырмызы назвал по частям. Кырмызы решила подойти к девушке с другой стороны.

- Милая, ты оказалась привлекательной, как тюльпан весной, ты в отца уродилась или же в мать? - спросила она, заставив себя улыбнуться.

- Почему вы об этом спрашиваете? - насторожилась вдруг девушка.

- Так просто... Ведь казахи говорят, что “сын да не уродится в отца, дочь да не уродится в мать”. Глядя на тебя, я подумала, какой красивый человек был ее отец...

- Ошибаетесь, если так думаете, - улыбнулась девушка, - отец мой не был красив. Мало того, он вообще был невидным из себя, коренастым, массивным, как обрубок дерева. Он мне всегда говорил, что я уродилась в мать... Еще он говорил, что именно из-за этой схожести он любит меня...

Но девушка опять же не назвала имя матери. Кырмызы больше ни о чем не спросила. Она лишь время от времени поглядывала на левую, ниже локтя, руку девушки. У девочки, которую она решила сделать своей дочерью и которую, однако она потеряла спустя неделю, на руке, на том месте, где у этой девушки посверкивает золотой браслет часов, была родинка величиной с пуговицу. И хотя прошло с той поры немало лет, она не забывала ту потерявшуюся бесследно малышку и родинку на ее руке. Да и как она могла забыть, если до сих пор перед ней стоял образ на редкость миловидного ребенка... Мало того,

то горе вошло в ее сердце неизбывной печалью, своего рода недугом. Сейчас вот она вновь вспомнила то родимое пятно. В какой-то момент она было уже намеревалась под предлогом “Милая, какие у тебя красивые часики, сними-ка, дай посмотреть” посмотреть на ее руку. Если обнаружится родинка, тогда конечно... Нет, нет, на это она не решилась. Однако, какое-то овладевшее ею, похожее на беспокойство, сожаление, радость чувства вызвали сильную головную боль и она, сказав “пейте чай сами, у меня, кажется, опять разыгралась мигрень, голова лопается от боли”, поднялась с места, чтобы уйти в свою комнату. Опечаленно глядя на девушку, уже уходя, сказала:

- Милая, ты приходи к нам еще.

Когда, выйдя из дома, девушка и джигит прошли два-три квартала и свернули на засаженную заново молодыми елочками и зеленевшую изумрудной травкой улицу Чайковского, Жулдыз, у которой необъяснимая радость сменялась столь же необъяснимой грустью, вдруг спросила у Еркебулана:

- Как, ты говорил, имя твоей мамы?

- Кырмызы...

Конечно, твердо уверенный в том, что Жулдыз родная дочь Кырмызы, Каражан перед смертью назвал Жулдыз только имя Кырмызы. Если бы он знал, что Жулдыз не родная ей... Что подделаешь, вот это и есть подтверждение поговорки “не знающий ступает по огню”.

Жулдыз внезапно остановилась, а затем, словно заставляя себя силой переставлять ноги, пошла дальше. “Да, да, Кырмызы”. Еркебулан недавно, когда знакомил с матерью, назвал ее имя. Однако, взволнованная встречей с матерью любимого человека, она не расслышала его как следует. А сейчас?.. Нет, нет, каким бы слабым голосом не прошептал отец “Кырмызы”, она ясно его расслышала. К тому же, впервые услышав имя матери, она навсегда сохранила его в своем сердце. Хотя она и не видела никогда свою мать, но иногда представляла в своем воображении ее образ, то он, неизвестно

почему, представлялся ей именно таким, как у матери Еркебулана. Казалось, ее представления воплотились сегодня в реальность. Ко всему прочему эту мать зовут тоже Кырмызы. Но недавно в доме, показывая на висевший на стене портрет уехавшего в Целинный край отца, Еркебулан сказал “Это мой отец. Я первенец у отца с матерью и единственный к тому же, кроме меня у них детей не было”. Как же так? Разве Каражан не сказал перед смертью Жулдыз: “Ты единственная дочка Кырмызы... Если она родила еще кого после тебя, это ее дело. Когда я выкрал тебя у нее, она уже около двух лет была замужем”? А Еркебулан всего на год-два старше меня. Нет, нет, мать Еркебулана не моя мать. Просто случайное совпадение имен. Разве мало на свете людей с одинаковыми именами, у которых, мало того, даже внешнее сходство имеется?.. Что ж, если так...”

Любовь к ставшему нерасторжимо родным джигиту пересилила любовь к матери, которую она не знала с раннего детства, не сосала ее грудь, не испытала ее неги и ласки. Теперь она от всего сердца желала, чтобы Кырмызы оказалась посторонней женщиной. Однако, засевшая в сердце Жулдыз какая-то ноющая боль не дает ей покоя. “Это твоя мать! Твоя мать! Что ты будешь делать, если это действительно твоя мать?” Не находящая ответа на этот вопрос Жулдыз, душа которой мечется, сгорая меж двух огней, продолжала молча идти и через некоторое время, сказав: “Завтра мне надо рано вставать на лекцию, сегодня очень устала”, лишь вежливо попрощалась с Еркебуланом и ушла.

Они обычно целовались на прощание, Еркебулан, удивленный быстрой сменой настроения, лишь посмотрел ей вслед.

В эту минуту он не знал какой мучительный огонь сжигает сейчас Жулдыз и его мать Кырмызы. Но ему показалось, что и его радостное настроение омрачается какой-то необъяснимой печалью. Нет, не печалью, Еркебулан почувствовал, что к нему

приближается какая-то неожиданная опасность. И это чувство раньше времени обеспокоило Еркебулана.

Как ласточка, предчувствующая бурю, хотя вокруг тихо, сердце Еркебулана забилося в тревоге.

В это время принявшие участие в конкурсе “дворца инвалидов” архитекторы вовсю работали над своими проектами. Чувствовавший в те дни необыкновенный душевный подъем Еркебулан тоже исполнил свой проект с большим вдохновением. Будущему “Дому ветеранов” он определил место у подножия гор в юго-западной части Алма-Аты. У Еркебулана не вызывало никаких сомнений то, что Алма-Ата в перспективе будет расширяться в северо-западном направлении. А место, где должен быть построен дворец, располагалось несколько выше города. Поэтому снизу, из города, дворец должен был видеться его жителям торжественно-величественным. К тому же Еркебулан сумел найти геометрические формы дворца, подобные формам Исаакиевского собора в Ленинграде. Если смотреть с близкого расстояния, он не так уж объемист, не очень высок, однако за счет особенностей геометрического расчета, он по мере удаления от него увеличивался в размерах, становился выше. Архитектор сумел использовать особенности места, на котором должен был располагаться дворец. Опять же из-за того, что были найдены самые оптимальные геометрические формы, уже в самом проекте дворец выглядел каким-то необыкновенным, торжественно-величественным. Со всех сторон его окружали густой зеленый лес насаждений. А из самой середины этого леса, рассекая его, к расположенному на возвышении дворцу ведут беломраморные ступени. На площади, где кончаются ступени, стоит, напоминая собой белоснежную юрту, удивительный дворец. Еще одним замечательным свойством здания было то, что хотя оно издали и казалось похожим на юрту, на самом деле имело трапециевидную форму. Своей вытянутой задней частью оно

простиралось к юго-востоку, в сторону гор, а более короткой передней частью смотрело строго на северо-запад. Одна боковая сторона трапеции выходила на юго-запад, другая на север. Хотя юго-западная, северо-западная и северная стороны дворца соединялись ломаной линией, издали он с передней и угловых сторон казался округлым, словно юрта. К тому же крыша его не нависала козырьком, как у дворца имени Ленина, а была увенчана в средней части куполом. А купол тот был огорожен по трапеции узорчатой светлой металлической решеткой. Между куполом и металлическим ограждением широкое пространство. Это место предназначено для того, чтобы посетители дворца смотрели отсюда сверху на город, прогуливались, отдыхали. Ну, а если войдем внутрь построенного таким образом дворца, то увидим, что не осталось неиспользованным ни одного квадратного метра, вся площадь без остатка употреблена в дело. Даже подкупольное пространство превращено в биллиардную комнату. Во дворце помимо залов для слушания концертов, постановки спектаклей и демонстрации кинофильмов есть просторное фойе, бар, ресторан, танцевальная площадка, есть кабинеты и аудитории для некоторых ремесел и проведения музыкальных лекториев. Все согласовано, все правильно рассчитано. Каждый квадратный метр дворца рассчитан с экономической точки зрения и рационально использован. От того, что окна пробиты по всему периметру здания, от восхода и до захода солнца внутренность дворца залита ярким светом. Несмотря на многочисленность, все, без исключения, комнаты просторные, с высокими потолками, к тому же Еркебулан только ему известными способами добился того, чтобы залы не только выглядели нарядно-торжественными, но и имели отличную акустику, спроектировал их так, что каждое, даже шепотом произнесенное со сцены слово хорошо было слыσιμο в самых последних рядах.

Короче говоря, этот проект Еркебулана удовлетворял всех, кто бы его ни рассматривал, вызывал чувство благодарности к

автору, радовал оригинальностью замысла. Оставалось лишь дать ответ на вопрос, какими должны быть используемые материалы. Если проект будет одобрен и принят, предстояло дать расчет общего технического обеспечения, индивидуальные чертежи некоторых составляющих конструкций, составить смету расходов, перечень и стоимость используемых материалов, определить сроки строительства и провести некоторые другие работы. По условиям договора все такого рода работы, сопутствующие завоевавшему приз проекту, должны выполнять сами принявшие участие в конкурсе молодые архитекторы. Работу, обычно выполняемую целым специализированным проектным институтом, взяли на себя сделать безвозмездно участники конкурса. Конкурсанты намеревались просить выделения государственных средств лишь на само строительство дворца.

Еркебулан, проводив Жулдыз, пошел домой, чтобы еще раз просмотреть некоторые стороны проекта. Солнце уже зашло. Уже свернув с улицы Чайковского он увидел свет в окне своей комнаты... “Отец приехал что ли, или мама ищет что-то в моей комнате?” - подумал он и убыстрил шаг. Обычно в его комнату никто не входил. Если отец, или мать входили, то лишь затем, чтобы позвать его к столу или же спросить о чем-либо. Еркебулан был безраздельным хозяином своей комнаты.

Поддержание в порядке и чистоте находившиеся в его комнате одежду, постель, чертежный и рабочий столы, книги и различные бумаги было его обязанностью. Даже подметал и делал в ней уборку он сам. С тех пор как начала болеть мать он с детских лет привык к этим работам.

Открыв своим ключом входную дверь, он скинул в коридоре обувь и, надев домашние тапочки, вошел в комнату матери. Мать все еще лежала на диване.

- Мама, голова сильно болит? - спросил Еркебулан, подойдя к матери. - Дать тебе лекарства?

- Нет, мой милый, - сказала мать, - сейчас мне лучше, боль уже проходит. Иди в свою комнату. Там тебя дожидается Кайназар.

Кырмызы, считая Кайназара закадычным другом своего сына, любила его больше, чем других его товарищей, считала близким человеком. По этой же причине когда бы не пришел Кайназар, она впускала его в комнату сына. Другим товарищам сына она не представляла такой привилегии. “И в этот раз мама верна своей привычке” - внутренне сказал себе Еркебулан. Еркебулан тоже обрадовался приходу Кайназара. С того времени как они приняли участие в конкурсе, кроме как на работе, они не встречались часто. Каждый из них возился над своим проектом и даже на то, чтобы сходить вместе в кино, или там театр, у них не хватало времени. К тому же у Кайназара были кое-какие причины, не позволяющие частых визитов к Еркебулану. Если не учитывать того, что он рано обзавелся семьей, то ведь и он еще очень молод, и у него ведь есть не дающее покоя ожидание любви. Поэтому-то, увидев Жулдыз, он с первого взгляда проникся к ней чувством. Из-за того, что у него были ребенок, жена чувство это было несколько иного рода. Пожалуй здесь правильнее будет сказать, что он не так проникся чувством, как желанием, вожделением. Желание, увлечение часто заводит человека далеко. И все же, поняв, что сердце девушки полностью и бесповоротно отдано товарищу, он нашел в себе силы попытаться подавить свое чувство. Нет, называемое желанием чувство похоже на норовистого коня, его нелегко обуздать. И Кайназар не смог полностью подавить свое чувство к девушке, однако поняв, что увлечение его в данном случае по меньшей мере неуместно и чревато неприятностями, сам себе приказал унять свое чувство. Если у увлечения не прочные ножны и не пользоваться им с осторожностью, то оно подобно острому кинжалу, может поранить неосторожного. По этой же причине Кайназар считал, что чем меньше он будет видеть Жулдыз, тем быстрее уймется в его сердце огонь. Конечно, не видеть

Жулдыз, значит не видеть и Еркебулана. А такого вечера, чтобы Еркебулан и Жулдыз не встречались, не гуляли вместе, нет. Одна из причин, не позволяющей Кайназару часто встречаться с товарищем, заключалась в этом. Конечно, Жулдыз догадывалась немного о испытываемых к ней Кайназаром горячих чувствах, однако Еркебулан не подозревал ни о чем. Оказывается он сильно соскучился по другу, подкрался сзади к рассматривающему разложенные на столе и на полу чертежи Кайназару и обнял его.

Тот испуганно вздрогнул.

- Фу ты, перепугал то как!

Еркебулан, не разжимая объятий, приподнял, крутанул два-три раза вокруг себя друга и поставил на ноги.

- Совсем не видно тебя стало, - сказал Еркебулан.

- Дела! - озабоченно произнес Кайназар. Хотя губы скривились в деланной улыбке, глаза не улыбались.

- Что-то ты вялый уж очень, не болит ли у тебя что-нибудь? - пристально вглядываясь в лицо друга, спросил Еркебулан.

- Это правда, болен я...

- Где у тебя болит?

- Сердце...

- Сердце? - рассмеялся Еркебулан. - Тогда непонятно. "Любовь - это горе. Завладеет она рассудком. Оставит тебя этот недуг. Если полюбит и она тебя", - прочитал Еркебулан строки стихов одного не очень известного поэта. - Я бы мог и тебе сказать, как этот поэт, что если у тебя болит сердце, это - печальный результат любви, но ведь у тебя есть любимейшая жена...

Кайназар махнул рукой.

- Откуда взяться для нас любви? Не подобает покрывать паршивого верблюда ковровой попоной. Давай-ка лучше поговорим об этом вот твоим проекте.

Еркебулан, как бы говоря "Как хочешь", сидел некоторое время молча, задумавшись о чем-то своем. Только затем, словно очнувшись, посмотрел на свои бумаги.

- Ну и как ты его находишь?

- Хорошо, ничего не скажешь, - сказал Кайназар, - ты, как всегда, вновь, кажется, собираешься оставить нас с носом. В общем, там, где взялся за дело ты, нам приходится туговато...

Еркебулан удивленно посмотрел на товарища. Сказанное Кайназаром ему послышалось как “пока ты есть, нам тесно на земле”. Прежде его товарищ не говорил такого. А в этот раз...

- Зачем ты так говоришь? - сказал Еркебулан, чуть нахмурившись. - Или я встал на чьем-нибудь пути, или причинил кому-нибудь зло? Мы все решили принять участие в конкурсе. Я тоже намерен участвовать. Мы ведь еще не видели всех работ. Вероятно немало будет таких, которые превзошли мою. Возможно твой проект будет лучше моего. Зачем ты раньше времени сердисься?

Кайназар теперь понял, как действительно глубоко задела Еркебулана ненароком вылетевшие из его уст слова. Зная, что Жулдыз недосыгаема для него, Кайназар, увидев на ватмане проект “Дворца ветеранов”, уяснил, что Еркебулан и в этот раз обошел его. То, что он, чего не коснись, во всех отношениях уступает своему товарищу, причиняло ему душевную боль. “Эх, почему такая мысль не пришла мне?” - подумал он, обижаясь сам на себя. “Тогда что это? Творческая зависть, ревность? Или сожаление по поводу того, что товарищ превосходит его во всем? Такие чувства могут родиться у кого угодно. Особенно у людей творчества. Лишь бы это чувство униженного собственного таланта не превратилось в завистливость. Если дойдет до того, что из этого чувства родится плохой замысел, то, конечно, это не приведет к хорошему. А творческая зависть, если человек по-настоящему одарен, его эта, в общем-то здоровая зависть, толкает на создание вещи, подобной предмету его зависти. Человек горит в огне этой зависти, однако испытывает от этого удовольствие и удовлетворенность, стремится вперед, и отдает все, чтобы обрести душевное равновесие.

Кайназар и сам не заметил как вырвались из его уст эти слова. Если где-то в глубине сердца лежит, свернувшись в клубок, змея зависти и ревности и поднимает при этих словах свою голову, тогда надо побыстрее от нее избавиться. В противном случае эта змея с каждым днем будет расти и увеличиваться в размерах и в один прекрасный день ужалит его самого. Казахи не зря говорят: у зависти короткий век.

Кайназару теперь хотелось поскорее избавиться от своих слов.

- Да ладно тебе, не привязывайся к словам, - сказал он. - Если я говорю, что там, где ты, нам приходится туго, то тем самым я подчеркиваю, что одаренностью своей ты превосходишь нас. И на самом деле, это мы дураки, что вздумали соперничать с тобой. Ни у кого нет проекта, который бы был лучше твоего. Считай, что первый приз твой!. Затем он вдруг поднялся с места. - Ладно о проектах поговорим потом. А сейчас собирайся, пойдем в кафе, с одной стороны заранее обмоем этот твой удачный проект, а с другой... Он помедлил немного и заговорил вновь. - Пойдем, у меня сегодня так муторно на душе... выпьем по рюмке, другой, поднимем настроение.

Еркебулан, которого все еще не покинуло неясное беспокойство, порожденное разговором матери и Жулдыз, был не против того, чтобы пойти в кафе и немного рассеяться.

Друзья направились в сторону кафе "Акку"...

Это посещение кафе Кайназаром и Еркебуланом было началом трагедии Еркебулана.

Назавтра, когда Еркебулан ушел на работу, к ним в дом пришла Жулдыз. Всего за одну ночь глаза ее потускнели, лицо осунулось. Видно, что она не спала всю ночь. Кырмызы была в доме одна. Она тоже за всю ночь так и не сомкнула век. Прибираясь в доме, она как раз, вновь отдавшись своим мыслям, стояла, опершись о косяк двери. "Если Жулдыз та самая моя крошка, то как она вчера не догадалась об этом? Ведь она должна была догадаться?" Именно в этот момент зазвонил дверной

звонок. Материнское сердце безошибочно определило кто пришел. “Это она! Она!” Она до того была уверена в том, что это пришла именно Жулдыз, что даже забыла спросить, как обычно, “кто это?” Кырмызы дрожащими руками отодвинула засов и , чуть отступив:

- Войдите, - сказала она.

Дверь открылась. В светлом коридоре, не в силах переступить порог, стоит Жулдыз. Неродная мать и дочь смотрят друг на друга. Кырмызы только теперь поняла: “Смотри-ка ты, ведь она вылитая Базаргуль. Лишь брови и лоб такие же как у попавшего под поезд отца!” На Кырмызы внезапно навалилась слабость. Больше она не могла терпеть.

- Ой, родная моя, есть ты у меня, оказывается! - вскрикнула она и, раскрыв объятия, всхлипывая, пошла навстречу.

У Жулдыз брызнули из глаз слезы.

- Мама! - успела лишь она выкрикнуть.

Расставшиеся много лет назад Кырмызы и Жулдыз обливаясь слезами, обнимали, целовали друг друга.

И все же, видимо, решив рассеять всякие сомнения, Кырмызы посмотрела на руку дочери, на которой сегодня не было часов, и увидела родимое пятно величиной с двухкопеечную монету. Теперь уже слезы из ее глаз потекли пуще прежнего. Как то, маленькое тогда дитя, прижимала она к груди уже превратившуюся в девушку Жулдыз. Еще и еще прижимала. Осыпала поцелуями. Радость ее была безмерна, но что поделаешь, о том, что Жулдыз ей не родная дочь и то, что Еркебулана родила тоже не она, она не могла сказать. Решила сказать позже. Особенно не поворачивался у нее язык сказать, что с малолетства возвращенный ею единственный сын “не мой ребенок”. Ей жалко было и Асыгата, и себя, и Еркебулана. Однако, по тому как Кырмызы обронила “от твоего горя меня избавил лишь мой Еркебулан”, Жулдыз твердо уверовала, что Еркебулан приходится ей родным братом. И в этот радостный, но вместе с тем горестный момент она не думала ничего

уточнять. Ей казалось, что все и так, само по себе, понятно. Жулдыз, взволнованная своим открытием, закрыв лицо руками, словно ее жег невыносимый стыд, выскочила из дома.

Жалко, конечно, но они после этого не поговорили, не выяснили всю правду. А то, что эти невыясненные, неясные обстоятельства их происхождения приведут к тяжелым последствиям, они оба не знали.

Радость того, что нашла родную мать, и вместе с тем сожаление по сжигающей сердце огнем своей любви, совесть, муки ни на минуту не давали покоя Жулдыз, и за всю ночь она так и не сомкнула век. На другой день где-то около полудня она пришла с чемоданом на вокзал. Незадолго до отхода поезда она позвонила из автомата на квартиру Еркебулана.

Трубку взяла Кырмызы.

- Мама, это вы? - спросила Жулдыз.

Кырмызы сразу узнала голос Жулдыз. Ее сердце согрело это слово "мама".

- Да, милая моя, это я.

- Мама, простите меня, но хорошенько выслушайте меня, - давась слезами, с трудом произнесла Жулдыз. - Мама я вновь потеряла найденную было радость. Через неделю мы с Еркебуланом должны были пожениться. А теперь вот, не находя себе места от позора, уезжаю в далекие края, чтобы самой искупить свою вину. Мой поезд вот-вот отойдет, - и она, вдруг заплакала навзрыд. - Прощайте! Прощайте! Прощайте! - и она повесила телефонную трубку.

"Жулдыз! Моя Жулдыз! Подожди же немного. Послушай меня!" - кричала мать в трубку, из которой неслись уже короткие гудки, желая продолжить разговор с дочерью, и, поняв, что та уже повесила трубку, тут же вызвала такси.. Она сердцем почувствовала, что снова ее постигнет какая-то беда. На такси она быстро доехала до Второй Алма-Аты, затем до Первой Алма-Аты. Ни там, ни тут не нашла Жулдыз. Не в силах узнать на каком из отъезжающих в течении часа на запад и восток, на

север и юг поезде уехала Жулдыз, она, вконец измучившись, через два часа вернулась домой. Не решаясь кому-либо рассказать о своей горе, она упала на диван и заголосила.

В тот день Еркебулан пошел в общежитие Жулдыз, но не нашел там любимой девушки. Лишь тогда, когда он, не зная что и предполагать, возвращался домой, он встретил жившую вместе с Жулдыз в общежитии русскую девушку и от нее услышал первую в его жизни невыносимо горькую весть.

- Она уехала насовсем из Алма-Аты, - сказала девушка. - Он только вчера вернулся из армии.

- Куда уехала? - все еще не вникнув в суть этой вести, спросил Еркебулан.

- Не знаю, - сказала девушка.

Еркебулан не знал, что девушка передает лишь то, что поручила ей сказать Жулдыз. Подавленный, ничего не видя вокруг, словно внезапно ослепнув, он вернулся домой. С этого дня Еркебулан начал пить.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Многие качества человека связаны с его характером. Если человек очень талантлив, или же в совершенстве владеет каким-либо из искусств и вместе с тем завистлив в отношении других, злопамятен, мстителен, то это уже большое несчастье. У такого человека бывают моменты, когда все хорошее, что он делает для народа, пересиливают отрицательные черты его характера.

Каким бы мягким по характеру, добродушным и щедрым ни был Еркебулан, все же у него имелся один недостаток. Однако этот недостаток нельзя считать слишком уж большим злом. И все же будет правильным его учитывать. Недостаток Еркебулана состоял в том, что если он отдавался чему-либо, то отдавался всецело, душой и телом, не зная в этом предела. Конечно все было бы хорошо, если бы этот его недостаток проявлялся в таких как творческие искания и других подобных

делах. Это мы отнесли бы к одной, даже главной, из его добродетелей. А если это касается пристрастия к вину, или же к карточной игре и другим подобным порокам, то это будет выглядеть отрицательным качеством. Для таких, как Еркебулан увлекающихся людей, по-русски говоря “увлекающихся натур”, отдаваться ненужным увлечениям, не остановиться вовремя - настоящая трагедия.

Одной из причин, доведших Еркебулана до столь печального положения, явился этот его недостаток. Если поначалу его заставила пить непереносимая печаль из-за Жулдыз, то через некоторое время он вовсе втянулся в пьянство. Оказали ему “помощь” в этом и друзья-товарищи. Особенно Кайназар, знавший этот недостаток характера Еркебулана, не сказал ему “остановись, перестань пить”. Словно задавшись целью сделать из Еркебулана алкоголика, он познакомил его с отпетыми пьяницами из числа молодых. Принятый в их общество, Еркебулан теперь забыл и про свой проект, и даже не упоминал в разговоре имени Жулдыз. Через месяц-другой он дошел до такого состояния, когда все его мысли и помыслы были заняты лишь одним: “где бы мне сегодня раздобыть выпить”. Теперь для него лучшим другом был тот, кто подносил ему выпивку. Конечно, среди этих друзей, как и всегда среди его друзей, особое место занимал Кайназар. Он никогда не оставлял Еркебулана без своего внимания. Он знал, когда у того особенно сильно болит голова и что надо сделать, чтобы прогнать эту боль. Кайназар не знал только одно: “Где Жулдыз? Что произошло между ней и Еркебуланом?” Лишь это. А Еркебулан, даже будучи пьяным не открывал то, что у них произошло с Жулдыз. Будь то Кайназар, или другие его друзья, он не говоря уже о случайных знакомых, не упоминал перед ними даже имени Жулдыз. Казалось, он не то чтобы любил, а даже не знал ее. А если по правде, то, как бы не пил, он ни на секунду, ни на минуту не забывал Жулдыз. Любовь к Жулдыз превратилась для него в неизлечимый недуг. Мало того, иногда, размякнув от выпитого, он вызывал в своем воображении образ Жулдыз. В такие

минуты он начинал вполголоса разговаривать с ней, высказывать все, что у него на душе. Теперь он пил, чтобы предаться этим своим сладким мечтам, чтобы поговорить, раскрыться перед Жулдыз. И чем больше он пил, тем чаще перед его взором возникала Жулдыз. Таким образом, погружившийся всецело в свои думы, мечты Еркебулан теперь под влиянием постоянного пьянства начал проявлять признаки помешательства, объектом которого была Жулдыз.

То, что Еркебулан с каждым днем приближается к пропасти, видели и друзья его, и Кайназар. Однако никто из них не сказал ему: “Ты опускаешься все ниже, перестань пить”. Никто из них не стал между водкой и Еркебуланом, не попытался его отстоять.

Особенно непонятным было поведение Кайназара. И прежде, во время учебы в Москве, Еркебулан иногда выпивал. Выпивки продолжались иногда до недели. Еркебулан не мог сразу побороть свой подверженный всякого рода увлечениям характер, привычку следовать примеру других. В таких случаях Кайназар грозился: “Брось это, иначе напишу твоему отцу”. Опасаясь, что это отразится на предстоящей сессии или того, что Кайназар сообщит родителям, Еркебулан немедленно прекращал выпивки. Кайназар был как бы барометром поступков Еркебулана. Если тот ругался, или устраивал скандал, то Еркебулан сразу понимал, что начинает неправильно себя вести. И такое понимание не было связано лишь увлечением спиртным. Иногда Еркебулан увлекался катанием на коньках (конечно, при этом он не забывал о занятиях), иногда становился страстным любителем кино. Во всех подобных случаях в нужный момент вмешивался Кайназар. Заставлял прекратить, взяться за ум.

А в этот раз Кайназар ничего подобного не предпринимал. Мало того, когда у Еркебулана не на что было выпить, давал ему деньги, словно желая, чтобы тот вконец спился, потворствуя в его падении.

Как же так? Почему самый близкий друг не говорит “прекрати”, не отстаивает его? Или, может быть, он затаил месть

на Еркебулана? Или же проникнут завистью к Еркебулану? Может быть ревнует к чему-нибудь, к кому-нибудь? Возможно он и в самом деле хочет, чтобы Еркебулан спился, вконец опустил, опозорился и поэтому не говорит ему “брось пить”? Почему?

Что ни говори, а поступки его непонятны.

Поступки, которых не ждешь не только от друга, но даже и от врага. Ну, а если вернуться к Кырмызы, то она уже вконец извелась. Поначалу у ней не вызывало сколько-нибудь серьезного беспокойства поведение сына, который до последних двух месяцев не пил, не позволял себе таких поступков. “Здоровый, крепкий молодой человек, наверное выпивает, чтобы несколько заглушить горечь того, что от него ушла девушка. Еще опомнится, перестанет” - думала она. Бедная мать не знала только насколько сильно любил Жулдыз ее сын. Никогда прежде до того как он привел и познакомил Жулдыз, да и потом, Еркебулан не говорил, что у него есть девушка, с которой он дружит и на которой хочет жениться. Да и после он не проявлял открыто свою большую любовь к ней. Как бы хорошо не были ей известны еще с его малолетства все хорошие черты характера Еркебулана, она, однако, знала, что он способен, храня в себе некоторые свои тайны, внутренне подспудно возгораться и в какой-то момент, подобно тому как вспыхивает огнем дымящее влажное дерево, заняться пламенем. Поэтому, веря известной русской поговорке: “Нет горя без конца, нет радости без предела”, думала, что он возьмет себя в руки и сумеет избавиться от своего недуга. Однако, видя как сын все больше втягивается в пьянство, она вдруг стала сильно опасаться за него. Ведь в таких случаях горе бедной матери измеряется слезами. Мать плача, умоляла сына не пить. Еркебулан из жалости к ней, говоря “Теперь брошу пить”, давал ей обещания. Но стоило пойти куда-нибудь, как он снова напивался и возвращался домой пьяным. Еркебулан, приходя домой пьяным, не пел песен, не шумел, не устраивал скандалов, как другие. Мрачный, со сведенными бровями,

разговаривая сам с собой, он до рассвета ходил из конца в конец своей комнаты. О чем он говорит? Этого мать не знала. Еркебулан, который и днем, и ночью бормотал и думал о Жулдыз, в последнее время стал возвращаться домой только под утро. Всю ночь не смыкавшая век в ожидании сына, умолявшая судьбу, чтобы никто не причинил ему вреда, то ложившаяся, то вскакивавшая при каждом стуке мать, радовалась, когда тот возвращался живым-здоровым, и бежала скорее на кухню греть чайник. Торопилась вновь вскипятить уже не раз остывший чай. Только тогда, когда чай был готов, она спрашивала: “Где ты был всю ночь? Засиделся у кого-нибудь из товарищей?” “Нет, ходил по улицам”, - говорил в ответ сын. Первое время, удивленная таким ответом Еркебулана, она выговаривала ему: “Милый ж ты мой, зачем тебе столько времени одному проводить на улице? А если кто-нибудь причинит тебе вред... Чего тебе стоит хотя бы позвонить? В городе чего много, так это телефонов-автоматов. Ведь я тебя жду тут сама не своя от беспокойства”. На это сын коротко говорил: “У меня не было двух копеек”. Иногда мать клала в карман сына двухкопеечные монеты. Еркебулан все равно не звонил. Он даже и не думал выполнять просьбу ожидавшей его матери. “Как же так? - мучилась мать. - Неужели мой Еркебулан болен? Или он такой эгоист, что кроме своего горя ни о чем и ни о ком больше не думает?” Теперь она еще больше была испугана поведением сына. Пребывавшая в таком страхе мать после того как сын ушел из дома, когда у нее был сердечный приступ, несмотря на то, что она просила его не уходить, боясь за жизнь Еркебулана, вынуждена была написать уехавшему, получив трехмесячную творческую командировку, к Черному морю мужу об опасном положении, в котором оказался их сын. Асыгат, получив письмо жены, на другой же день, бросив все свои дела, взял билет на самолет, чтобы вернуться в Алма-Ату. Испуганный полученным сообщением, он торопился скорей добраться до дому. Перед отлетом с Кавказа он отбил

специально для сына телеграмму, указав номер рейса самолета. Желание поскорее увидеть своего единственного, не позволило ему приехать молча, без уведомления. Когда, сойдя с самолета и высадившись из доставившего пассажиров к входу в здание аэропорта автобуса, он увидел встречавшего его Еркебулана, сердце его наполнилось радостью. Сын, как прежде, обнял его при встрече. Это был тот же, прежний, Еркебулан. Лишь в глазах его, казалось таилась печаль. И еще, когда сын поцеловал отца в щеку, от него немного пахнуло водкой. На вопрос отца как поживают родные и близкие, как здоровье матери, сын коротко ответил “Хорошо. Все живы-здоровы”. Привезя отца домой, он, сказав, что хочет прогуляться, ушел из дома. Прежде, когда отец возвращался из такой долгой поездки, он не то, чтобы уйти из дома, а даже на шаг не отходил от него.

“Что ты видел, чем занимался?” - надоедал он.

Когда сын вышел, Кырмызы начала говорить:

- Вот так каждый день, - сказала она, утирая слезы и разливая чай, - теперь он придет лишь с рассветом. По его словам, он всю ночь бродит по улицам.

- Один? Может быть у него есть девушка?

- Нет, девушки у него нет..

Затем Кырмызы, начав с того как нашла их Жулдыз, рассказала полностью обо всех событиях, происшедших за время его отсутствия.

Асыгат был сильно взволнован не только тем, что его Еркебулан попал в такое положение, но и тем, что нашла пропавшая в младенчестве дочь, тем, что она, не оставив адреса, уехала неизвестно куда, потерявшись вновь. Согнувшись, словно его внезапно придавил тяжелый груз, он долго сидел неподвижно.

- Как ты все это перенесла, вытерпела? - сказал он в какой-то момент, проникнувшись сочувствием к жене.

- Что поделаешь, если так уж получилось? - тяжело вздохнула жена. После этого Асыгат еще долго сидел молча.

В конце концов, подведя итог своим размышлениям, он пришел к выводу, что пьянство сына и то, что он всецело ушел в свои думы, связаны с Жулдыз. Поэтому-то, когда по поводу недуга Еркебулана состоялся консилиум и специалист по подобного рода расстройствам женщина-врач заявила: “болезнь вашего сына - депрессия и если вы не поместите его на лечение в психиатрическую больницу, дело может обернуться бедой, горем для вас. Сын ваш неспроста говорит “умру”, как бы вам потом не пожалеть”, он, хотя и согласился поместить сына в больницу, все же не верил, что сын страдает такой болезнью. “Если бы эта болезнь имела место, то до сего времени, до его двадцатипятилетия она бы дала о себе знать, нет, нет, все от Жулдыз, все от водки” - сказал он сам себе. “Теперь необходимо быстро разыскать Жулдыз. Тогда с молодую не питавший пристрастия к вину сын быстро излечится. Ничего не поделаешь, будет правильно раскрыть Жулдыз, что Еркебулан не приходится ей родным, единоутробным братом. Однако, где ее будешь искать? Откуда узнаешь куда и в какой город она уехала? Она не преступник, чтобы поднять на ноги представляющие закон органы для ее розыска. Все же человек ведь не иголка, его можно найти. Чем быстрее разыщется Жулдыз, тем быстрее излечится Еркебулан”. Пришедший к такому решению отец, намерен был с завтрашнего дня начать розыск Жулдыз. Однако, где ее искать? Каким образом искать? - Это было ему неизвестно. Ну, по правде говоря, лишь один человек слышал о том, где сейчас находится Жулдыз. Это был Кайназар. Месяц назад он слышал от одного ездившего в командировку в далекий сибирский город Бийск товарища-строителя, что там в конструкторском бюро работает чертежницей одна красивая девушка-казашка. Подробно расспросив, Кайназар понял, что девушка эта - Жулдыз. Однако, он не сообщил этого Еркебулану. Почему?

Или от того, что Еркебулан не сказал ему, своему товарищу, о причине разрыва с Жулдыз и от того, что обстоятельства этого

разрыва были непонятны ему, он нарочно молчит об этом? Но ведь он знал как любит Жулдыз его товарищ. Может быть поэтому, не желая напоминать Еркебулану о Жулдыз, он не стал прикасаться к больному месту того? Вроде бы и так. Потому что, разве не знает он как самоотверженно любил Еркебулан Жулдыз, хотя и тщательно скрывал это, и то, как тяжело переживает он потерю любимой девушки? Знает. Хорошо знает. Почему же тогда вместо того, чтобы удержать товарища, он помогает ему стать пьяницей? Как можно расценить это? Или, может быть, понимая тяжкое горе товарища, он хочет, чтобы тот облегчил его выпивкой? Может быть он считает спиртное снадобьем, призванным помочь товарищу забыть Жулдыз? Предположим, что так. Однако почему он не пожалеет тяжело переживающую то, что сын дошел до такого состояния и заболевшую от этого мать Еркебулана? Почему он забывает, что Кыргызы относится к нему как к еще одному своему сыну, считая самым близким другом сына? Либо он думает, что происходящее с Еркебуланом не по-настоящему мучительно для Кыргызы? Этого не может быть. Верно, Кайназар на два года старше Еркебулана. К тому же, он помнил, как, кажется, в год, когда они должны были пойти в школу, в общем, когда они были еще маленькими, один игравший вместе с ними мальчишка-задира дразнил Еркебулана, говоря “приемыш”, “пасынок”. Однако, сколько уже прошло лет с тех пор? Даже если он и приемыш, разве не настало время стать отцу и матери родным? Настало ведь. К тому же, ведь ни от самого Еркебулана, ни от его родителей он не видел и не слышал ничего такого, что могло бы служить подтверждением слов того мальчишки-задиры. Будучи свидетелем отношений между собой этих троих людей, их взаимной привязанности и любви, никто бы не поверил, что Еркебулан не родной им сын. Ну, а если станешь утверждать, что Асыгат и Кыргызы вовсе не родные отец и мать Еркебулана, то насмешишь этим людей. И он с малолетства

был свидетелем того, как Асыгат и Кырмызы растили и холили своего “единственного” Еркебулана. Знал. Он завидовал даже Еркебулану и говорил себе, почему родители других не бывают такими, когда его самого иногда ругали собственные родители. Почему же, зная обо всем этом, он ничем не помог переживающей горе матери друга? Как же так? Почему?

Конечно, даже в день приезда отца с Черного моря Еркебулан, уйдя с вечера, вернулся лишь под утро. На другой день тоже. Не поговорил даже как следует с отцом. Отец, прежде чем пойти к врачам, хотел было расспросить товарищей сына, но оказалось, что самый близкий друг сына Кайназар уехал в командировку в Бийск.

Вот при таких обстоятельствах Еркебулан в конце концов попал в психиатрическую больницу. Не смыкавший всю ночь глаз Асыгат, счел неуместным ни свет, ни заря идти в больницу. Когда по его предположению персонал больницы приступил к работе, он позвонил к лечащему врачу, которому вчера перепоручил сына, спросив разрешения посетить его.

- Сын ваш сейчас спит, - сказал врач. - Посредством сильнодействующих препаратов мы дня три-четыре будем держать его в этом режиме. Режим этот предусматривает долгий и крепкий сон. Тело, мозг, нервная система должны отдохнуть. Тем самым мы должны создать условия для лечения. Пока что нет необходимости для вас посещать больницу. Не волнуйтесь, ведь сын ваш у нас и мы хорошо будем за ним смотреть. Ну, а если вам захочется в ближайшее время увидаться с ним, позвоните через три дня. Возможно мы и разрешим беседу.

А через три дня с нетерпением ждавшему, когда наступит вторая половина дня, чтобы позвонить в больницу Асыгату еще до полудня позвонил сам лечащий врач. Поздоровавшись:

- Ваш сын не приходил домой? - спросил он.

- Нет, - растерявшись вдруг сказал Асыгат, - а разве он не в больнице?

- Оказывается, утром, спросив у вахтерши разрешения сходить в ближайший киоск за газетами, он вышел из больницы, и до сих пор его нет. На завтрак он тоже не пришел. Время приема лекарств тоже истекает.

У Асыгата заколотилось сердце.

- Как же так, а... Что же могло случиться с ним?

Ведь в таких случаях всегда в первую очередь на ум человеку приходит плохое. Отец, который, несмотря на нежелание сына, все же по настоянию врачей положил чуть ли не насильно его в больницу, теперь был страшно обеспокоен: как бы тот из-за обиды на родителей не сделал с собой чего-нибудь.

- Значит, говорите, он не приходил домой? - нарушил его мысли врач. - Тогда... мы бы сами организовали поиски, вы не знаете, где он бывает, проводит время?

- Нет...

Асыгат и на самом деле не знал, где бывает сын, где ходит по ночам. После возвращения с Кавказа, став свидетелем того как сын возвращается каждый день под утро, он даже думал проследить за тем, где тот бывает. Но в первый же вечер, исходив множество улиц и нигде не обнаружив сына, он ни с чем усталый вернулся домой. На другой день Еркебулан, уйдя в обед из дома, не приходил до рассвета. Теперь он корил себя за то, что в те дни не проявил смекалки и настойчивости и не узнал где бывает сын.

Врач, кажется, теперь понял, что поставил в трудное положение уважаемого всеми, пользующегося широкой известностью человека.

- Вы не беспокойтесь, - сказал он, - сейчас мы разошлем повсюду санитаров и конечно же найдем его. Куда он денется в больничной одежде, ходит где-нибудь поблизости. - И, словно сам же отказываясь от самим же высказанной надежды продолжал. - А если он вдруг придет домой, не выпускайте ни под каким предлогом, звоните нам.

- Хорошо. Хорошо, - сказал Асыгат. - Вы уж там поищите его...

Заметив как муж озабоченно и взволнованно говорит о чем-то по телефону, Кырмызы, туго повязавшая полотенцем болевшую голову, вышла из своей комнаты.

- Что случилось? - спросила она обеспокоено.

- Да так, просто... У человека и так не все в ладу, а тут еще Союз писателей на какую-то встречу приглашает...

- А... а... Нашли время приглашать.

Асыгат посмотрел на жену. От переживаний большие бархатистые черные ее глаза потускнели, светлое лицо поблекло, как выцветшая на солнце ткань. Про себя он сказал: "если она будет продолжать так изводить себя переживаниями, то быстро растает, как горящая свеча". Ему стало очень жалко жену. В какой-то момент он хотел было сообщить ей о том, что Еркебулан ушел из больницы, но тут же сдержался. "Хватит и моего беспокойства. Пусть хоть эта бедняжка не знает об этом. Если узнает, то у ней случится разрыв сердца". Асыгат начал торопливо одеваться.

- Ты куда? - Разве не подошло время, когда ты собирался позвонить в больницу? - спросила Кырмызы, глядя на то, как одевающийся обычно размеренно-спокойно муж, в этот раз хватается то за пиджак, то за рубашку, одевая их попеременно, и будто чувствуя, что он отчего-то растерян.

Да, да, надо позвонить, - сказал Асыгат и посмотрел на жену, - нет, нет, к чему обязательно звонить по телефону? Лучше я сам схожу. Возможно, удастся поговорить с Еркебуланом.

- Тогда и мне надо пойти.

- Нет, оставайся дома. Может кто-нибудь позвонит... - Однако он не мог сказать: "Если вдруг придет Еркебулан, позвони в больницу". Казалось, он был уверен в том, что сын не придет домой.

- Хорошо, - сказала жена, иди тогда сам. Если удастся поговорить с Еркебуланом, передай от меня привет, пусть поскорее выздоравливает и возвращается домой.

Торопливо одевшись, Асыгат вышел из дома. Он сразу же поехал в больницу. Еркебулан, оказывается, еще не пришел. Опасения его усилились. Подбадриваемый словами врача: “В больничной одежде он навряд ли уйдет далеко”, Асыгат обошел все расположенные в районе больницы магазины, бары, кафе, столовые, в которых могли торговать водкой и пивом. Еркебулана нигде он не встретил. “Ему дали лекарство и он спит сейчас. Я жду, когда он проснется. Никто меня не спрашивал? - позвонил он домой. “Нет, - сказала жена, что говорят врачи, его состояние не вызывает опасений?” “Все хорошо. Врачи говорят, выздоровеет. Болезнь его, похоже, - от его все еще детской впечатлительности”.

Успокаивая так жену, но не успокоенный сам, отец все время мерил шагами улицы между больницей и домом. Перед рассветом следующего дня Еркебулан сам пришел в больницу. Живым-здоровым. Однако на нем не было лица, словно ночью с ним произошло нечто тяжкое. Сказав что-то лечащему врачу, он лег в постель... Искавший в течение шестнадцати часов вместе с персоналом больницы сына отец был вконец изнурен. Все ж сын нашелся, он был рад этому. Просивший судьбу, чтобы сын нашелся, когда он исчез, он теперь благодарил ее. По возвращении домой на немой вопрос ночь напролет ждавшей неизвестно где ходившего мужа он сказал в ответ: “сын не отпуская, засиделся за разговором”.

Кайназар вместе со своим подотделом уже долгое время был занят разработкой проекта одного нового промкомбината в Целинограде. Узнав, что в Бийске уже построен подобный комбинат, он, специально взяв командировку с целью посмотреть его, прибыл в этот далекий город. А настоящей его целью было не так ознакомление с новой стройкой, как встреча с Жулдыз.

На другой же день после приезда он узнал, где работает и где проживает Жулдыз. Оказывается, местом ее жительства было общежитие для девушек. Судя по этому, похоже, что она

не вышла замуж и слова ее подруги, “она уехала с парнем, которого прежде любила”, не подтверждались.

И все же, не удовлетворенный своими предположениями Кайназар, не в силах дожидаться завтрашнего дня, вечером, когда зажглись уже повсюду огни, пришел в указанное сотрудниками строительного треста общежитие. Сидевшая у входа сухопарая женщина-вахтер остановила его:

- Каражанова, говорите? Да, такая девушка есть. На третьем этаже, в шестой комнате живет, - сказала она, посмотрев на страницу с литером “К”, лежавшей перед ней на столе книги.

- Тогда дайте мне пропуск в ее комнату, - сказал Кайназар. Вахтерша удивленно посмотрела на него.

- Вы разве не знаете, что это общежитие для девушек, молодой человек? После восьми вечера в этот дом не разрешается входить ни одному из мужского племени. - Затем, бросив насмешливый взгляд на слишком легкую для наступавших уже сибирских холодов одежду Кайназара, она спросила:

- А кто ты такой есть? Или ты одетая по-мужски женщина? Не сразу понимавший шутку Кайназар растерялся.

- Нет, я мужчина.

- Что ж, вполне возможно. Вот только нос у тебя сильно вытянулся и посинел от холода. - Женщина вновь рассмеялась.

- А кем ты приходишься нашей красавице?

Кайназар соврал.

- Я ее брат.

- Так оно и есть, - сказала женщина. - Я и сама подумала, что ты не парень нашей красавицы. Такому ангелочку подходит только такой орел-парень, как Гагарин.

Кайназара задели слова женщины. В какой-то момент он хотел было даже ответить ей резкостью, но не нашелся и лишь сказал:

- Не всем же быть Гагариными?

Женщина вновь рассмеялась.

- Откуда всем под подряд стать Гагариным. - Затем,

улыбаясь, продолжала. - Ты уж не сердись. Я ведь просто так, в шутку говорю... - сказала она. За день наскучаешься тут... Ладно, брат так брат, будь по-твоему. Однако, откуда ты приехал?

- Издалека. Из Алма-Аты.

- Из Алма-Аты... А-а, земляк почти мне, из одних краев. Я сама из Ташкента. Сейчас я вызову тебе сестру твою. - Она, подняв трубку телефона, позвонила кому-то. - Дежурная? Настя, на твоём этаже, в шестой комнате живет ведь красивая казашка, звать ее Жанна? Так ты передай ей, чтоб спустилась вниз. Брат к ней пришел. - Женщина чему-то засмеялась.

- Да, брат, все ведь так говорят.

По тому как вахтерша назвала имя - Жанна Кайназар опасливо подумал “уж не другая ли это девушка?” И тут же увидел спускающуюся с верхнего этажа Жулдыз. Она так торопилась, что не успела даже вдеть руку во второй рукав кофты. Когда дежурная по этажу сказала ей: “Жанночка, тебя внизу дожидается брат. Быстренько спустись вниз”, она поначалу не поняла и несколько мгновений сидела в недоумении. “Брат? Какой брат?” У нее всего лишь один брат есть. Вдруг до нее дошло, что это может быть он, Еркебулан, и она вскочила с места. Оказывается, она так соскучилась по нему, что даже забыла посмотреть в зеркало, привести себя в порядок и, подхватив висевшую на вешалке кофту и одевая ее на ходу, побежала вниз, выстукивая каблуками сапожек по бетону лестницы. В эту минуту она даже не вспомнила кем ей приходится Еркебулан. Любимый? Брат? Она забыла обо всем. Сердце заколотилось от радости: “Еркебулан мой приехал!” Однако, уже спускаясь со второго этажа, она увидела, что ее ждал не Еркебулан, а Кайназар и остановилась, как вкопанная. Только что бешено колотившееся от радости сердце враз улеглось, словно его сбрызнули водой. И все же она сумела прогнать возникшее на миг разочарование. “Чем провинился передо мной приехавший из такой дали ради меня Кайназар?” Кайназар вдруг показался ей птицей, прилетевшей

сообщить, что наступило лето. “Как-никак, а передаст ведь какую-нибудь весть от Еркебулана”, - сказала она сама себе и вновь торопливо побежала вниз.

- Это вы, Кайназар-агай? - сказала она, обнимая его со слезами на глазах, - откуда вы здесь? Как вы нашли меня?

В знак своей радости поцеловала его в лицо. Кайназар весь растаял, расплылся от удовольствия. Этот поцелуй, означавший всего лишь приветствие младшей по возрасту сестры, подействовал на него не меньше, чем поцелуй любимой.

- Кто ищет, тот всегда найдет. Я специально приехал, чтобы разыскать тебя, - сказал Кайназар.

Они сели на стоявший справа от вахтерши мягкий диван и долго разговаривали. Кайназар рассказал от кого узнал, что Жулдыз здесь, и по какому делу сюда приехал. При этом намекнул, что работа была всего лишь поводом, а на самом деле он приехал, чтобы повидать Жулдыз. А что касается Жулдыз, то она захлеб спрашивает об Алма-Ате, о людях, с которыми успела познакомиться за недолгий срок своего пребывания в ней. По всему и по всем она, оказывается, успела соскучиться. Кайназар, не скрывая, рассказал все, что знал. Через некоторое время Жулдыз спросила:

- Вы перед отъездом были в доме у Кырмызы-апай? Как она поживает, как ее здоровье?

Кайназар лишь в этот раз ответил как-то без энтузиазма.

- Я был у них перед отъездом. Кырмызы-апай как и прежде - день здорова, день больна...

- Асыгат-коке еще не возвратился в Алма-Ату? - спросила еще Жулдыз.

Кайназар был несколько удивлен тем, что Жулдыз назвала отца Еркебулана “коке”. “Она ведь не должна была видеть Асыгата. Да и не могла она его видеть. Если мне не изменяет память, ведь он до сентября еще уехал на Черное море? Да, верно. Судя по ее “коке” неужели между ней и

Еркебуланом есть какая-то близость? Тогда почему она уехала в Бийск?

Все же Кайназар дал правильный ответ.

- Когда я уезжал, Асыгат-агай все еще находился на Черном море. В день отъезда я видел Еркебулана, он сказал, что отец его придет через день-два.

Жулдыз умолкла. Как бы думая о чем-то, она долго безмолвствовала. Спустя какое-то время:

- Что подельывает Еркебулан-агай? - спросила она. Голос ее в этот раз прозвучал приглушенно, словно ей сдавило горло. Это заметил и Кайназар. "Разве легко спрашивать о любимом человеке? - сказал он про себя. - Наверное от этого". Однако он вновь удивился: "Почему она назвала Еркебулана "агай"? С каких это пор девушка стала называть любимого джигита "агай"?"

Именно в этот момент таившаяся в нем змея ревности подняла голову. Все же Кайназар заговорил, сдерживая себя.

- Еркебулан жив-здоров, весел, жизнерадостен. Вот только пить стал много, - сказал он.

Жулдыз резко спросила:

- Почему?

Кайназар, преодолевая себя ответил:

- Об этом, наверное, ты знаешь лучше, чем я?

Девушка промолчала. Лишь чуть спустя вместо ответа она спросила:

- Вы когда уезжаете?

- Послезавтра, - сказал Кайназар, - завтра закончу свои дела здесь.

- Тогда, если у вас нет других ко мне дел, поговорим завтра. Я сильно соскучилась по Алма-Ате... У меня еще есть много о чем спросить. Сегодня уже поздно. Мне завтра рано вставать.

Условившись встретиться завтра вечером, Кайназар вернулся в гостиницу. А Жулдыз, улегшись в постель, долго не могла уснуть. Она поняла, что Кайназар не знал причины ее разрыва с Еркебуланом. Конечно, завтра он спросит почему

произошел этот разрыв. Надо ли раскрывать ему причину? Или не надо? Пожалуй, верным будет не раскрывать. Однако, горечь в груди жжет ведь и если не выложишь ее перед кем-нибудь наружу, она не будет давать покоя... К тому же, она сегодня ходила к врачу... В последнюю неделю ее стала беспокоить тошнота, иногда ее рвало... Она не понимала, что это еще за напасть такая свалилась на ее голову. Не предполагала, что этот недуг берет начало от той единственной, проведенной вместе с Еркебуланом в постели, ночи за два дня до встречи с матерью. Но врач напрямую сказал ей, что у нее уже двухмесячный срок беременности. Что же предпринять? С кем посоветуешься, кто примет близко к сердцу ее беду? Конечно, Кайназар не может быть советчиком в этом ее недуге, потому что Жулдыз еще раньше догадалась о его в отношении ее намерениях. Тогда перед кем ей раскрыть свое горе (сказать, что это радость, у Жулдыз, конечно, не повернется язык)? У кого попросит она совета? Как и где устроит она свою дальнейшую жизнь.

Отдавшись этим своим тяжким думам, Жулдыз лишь под утро крепко уснула.

Назавтра они вновь встретились вечером. Бийск - промышленный город. Большинство его населения рабочие. Когда Жулдыз и Кайназар вышли из общежития, вечер был теплым и безветренным. Они хотели поговорить, гуляя по улицам, но сразу же вслед за наступлением ночи поднялся ветер, закружил снежинки, резко похолодало. Сибирский осенний морозец пробирал до костей легко одетого Кайназара. Используя это как повод, он предложил Жулдыз:

- Такой мороз и поговорить нам не даст, - сказал он. - Не найдется ли поблизости ресторан или кафе, там бы за столиком и в тепле поговорили бы, а?

Девушка ведь всегда остается девушкой, при любых обстоятельствах не должна забывать о своем внешнем виде! В короткой шубке и валенках на ногах, не одетая специально для

посещения многолюдных мест Жулдыз сочла неудобным заходить в таком виде в ресторан. К тому же она не знала есть здесь поблизости ресторан, или нет.

- А вы уже продрогли, - сказала она, отворачивая лицо от встречного ветра и чуть улыбаясь глядя на Кайназара. Тогда пойдемте, по-моему, вон там находится кафе. Если там не много народу

Место, куда они зашли, днем было столовой, а вечером молодежным кафе. Зал его широкий, светлый. Когда они вошли, оно только что открылось как вечернее кафе. Столики занимали первые посетители. Жулдыз, оказалось, зря переживала, на ней был белый свитер, голубая плиссированная юбка. Свои длинные волосы она собрала в узел на затылке. Разве что валенки на ногах портили немного общую гармонию, а в остальном все было хорошо. Конечно, на этом блестящем паркете, когда начнутся танцы, неудобно будет показаться на людях в валенках.

Пользуясь тем, что людей пока что было мало, они сели за стоявший в полумраке столик в углу зала, подальше от любопытных взоров. После того как они устроились поудобней Кайназар протянул Жулдыз меню:

- Выбери сама, - сказал он. - Что будем есть, что будем пить?

- Я только что поужинала, - сказала Жулдыз без всякого стеснения. - Ты сам возьми себе чего-нибудь поесть. А мне конфеты, кофе, двести граммов мороженого и рюмку коньяка...

Кайназар был внутренне поражен тем, как привычно запросто Жулдыз произнесла "коньяк".

Уловившая это Жулдыз усмехнулась.

- Коньяк я еще никогда не пробовала, - сказала она. - Говорят, однако, что он поднимает настроение. Ну, а сегодня... что-то настроение у меня неважное.

- Почему?

Жулдыз не стала скрывать.

- Я так скучала все это время по Алма-Ате, я была рада, увидев вас, - сказала она опечаленно. - А вы собираетесь завтра уезжать. И вместе с собой вы увозите бывшую со вчерашнего дня рядом со мной Алма-Ату...

У Кайназара стало тепло на сердце.

- Тогда... Тогда я не стану увозить твою Алма-Ату. Я и сам тут останусь.

- Нет, - сказала девушка. - Тогда и вы будете скучать по далекой своей Алма-Ате. Хватит и одного моего горя. Я не хочу быть причиной ваших неприятностей.

Кайназар хорошо понял содержащийся в словах девушки намек. Неизвестно отчего возникшая было в нем надежда, угасла.

В этот момент к ним подошла официантка.

- Что будете заказывать? - спросила она.

Кайназар тоже успел уже поужинать, попросил то же, что и Жулдыз.

Официантка ушла.

Если уж вы так любите Алма-Ату, почему же ее покинули? - сказал Кайназар. Он хотел было спросить "Что этому способствовало?", но сдержался. Подумал, что сама скажет.

- Разве я одну только Алма-Ату покинула? - грустно сказала девушка, - если уж по правде, то ведь я не насовсем ее покинула, - девушка, словно сама себя, утешала этими словами. - Оказывается, невозможно насовсем покинуть такой город...

Кайназар помолчал немного.

- Еркебулан об этом знает? Если знает, то почему он так распустился?

- Как это "распустился"?

- Разве пьянство не распушенность?

- Возможно и не из-за меня, возможно у него другое, тяжело его задевшее, горе?

- Какое еще там горе?

"Разве любовь к своей сестре легкое горе?" - едва не сказала Жулдыз и замолчала. Сказать такое у нее не повернулся язык. В

этот момент официантка принесла их заказ. Жулдыз разлила из маленького графинчика коньяк в тоже маленькие, как наперсточки, рюмки:

- За то, что встретились во здравии, - произнесла она, чуть приподняв свою рюмку и, поднеся ее к губам, помедлила. А затем неторопливо выпила до дна.

“Похоже, что она привыкла пить коньяк”, - отметил про себя Кайназар и тоже поднес рюмку ко рту. Нет, Жулдыз пила коньяк без отвращения не потому, что привыкла его пить, - нутро ее жгла огнем горечь. Она лишь хотела подавить ее. Чтобы унять причиняющую страдания душевную боль человек даже яд может выпить. Поэтому-то она и не подала виду Кайназару, хотя коньяк огнем обжег ее горло и гортань. Она терпела и наблюдала его реакцию.

Скоро выпитый ею впервые коньяк начал оказывать свое воздействие. Девушке казалось, что по ее телу растекается, разливается какой-то сладкий яд. Она вновь разлила в рюмки остатки коньяка. Только теперь она отхлебнула пару глотков из стоявшего перед ней стакана кофе.

- Ну, а эту рюмку, Жулдыз, давай выпьем за то, чтобы ты вновь благополучно вернулась в Алма-Ату, - сказал Кайназар.

- Нет, выпьем не просто за то, чтобы я благополучно вернулась, а за то, чтобы мы вернулись вдвоем! - сказала Жулдыз и опять первой выпила свой коньяк.

Кайназар по-своему воспринял ее слова. Он подумал, что она хочет выйти здесь замуж и уже вдвоем вернуться в Алма-Ату. Теперь он был убежден в том, что между ней и Еркебуланом пролегла пропасть.

Вторая рюмка подействовала на Жулдыз совсем иначе, чем первая. Опалая сердце, навалилась огромной массой печаль, глаза ее затуманились.

- Чем измеряется жизнь? - спросила она, язык ее чуть заплетался, - горем своим, или же радостью? Тысяча дней радости пролетают, как один день. А один день горя

бесконечен, как вечность. Судя по этому, жизнь, видимо, измеряется горем.

- Но ведь бывает и так, что тысячедневное горе перебарывает однодневная радость, - сказал Кайназар, угадав мысли девушки.

Однако Жулдыз перевела разговор на другое.

- В Алма-Ате я прожила всего-навсего четыре месяца, - сказала она и голос ее теперь был ровным как всегда, - но мне кажется, что вся моя жизнь прошла в том городе, нет, кажется, вся моя радость осталась в том городе. Вот поэтому-то изо дня в день я провожу в тоске по нему.

- Если уж ты так тоскуешь по нему, поехали, вместе уедем в Алма-Ату, - сказал Кайназар.

Жулдыз ничего не сказала в ответ. Кайназар в надежде, что, выпив еще коньяку, она пустится на откровения, позвал официантку.

- Принесите нам еще двести граммов коньяку! - сказал он.

- Нет, нельзя, - сказала официантка. - Больше ста граммов на человека нам запретили отпускать.

- Я не буду пить, - сказала и Жулдыз, - у меня уже кружится голова от выпитого. Лучше съедим мороженого...

Теперь они начали есть мороженое. То ли на нее подействовал выпитый коньяк, то ли ей хотелось высказать дружественно настроенному к ней человеку точившее сердце свое горе и облегчить душу, она вдруг сказала:

- Нет, сейчас я не могу поехать с вами. В Алма-Ату я поеду, когда благополучно разрешусь.

Кайназар не понял ее.

- Что значит "когда разрешусь"? - спросил он испуганно.

- Я беременна, - ожесточаясь, сказала Жулдыз, - к чему скрывать от человека то, что не скроешь от бога? Ко всему прочему оказалось, что Кырмызы-апай - моя мать, у которой меня похитили в младенчестве. - Жулдыз вдруг заплакала навзрыд - теперь я оказалась нечестивкой, вступившей в связь со своим же родным братом.

Кайназар теперь понял все. Еще маленьким он слышал от своих родителей: “Асыгат и Кырмызы во время поездки в аул потеряли свою годовалую дочь. Неизвестно, то ли волки ее съели, то ли похитил кто”. В тот же самый момент ему вспомнились давние слова: “Еркебулан не родной сын Асыгату и Кырмызы, они привезли его, когда ездили в отпуск на родину”.

Словно от всего сердца сочувствуя этой плачущей в этом зале, где играет оркестр и танцует молодежь, девушке, Кайназар некоторое время сидел молча. Затем, погладив дрожащей рукой волосы девушки, “Перестань, Жулдыз, перестань, не плачь! Не плачь! - сказал он. - Кто не ошибается в молодости, еще все образуется и позабудется...”

Однако, как бы ему не было жалко девушку, он все же не сказал ей слов правды: “он тебе не родной брат”, таких необходимых в ее теперешнем положении слов. Если бы сказал он, как быстро бы исчезло это жгучее чувство вины. И горе ее унялось бы так же скоро. Однако Кайназар не произнес их. Почему не сказал? Или он только для виду сочувствовал Жулдыз? Может быть он хочет, чтобы девушку, на которую он потерял всякие виды, продолжало точить, разъедать изнутри разъедавшее ее горе, подобно тому как копоть и горький дым разъедают изнутри юрту? Или он решил сохранить это в себе, потому что не уверен в достоверности тех слухов? Хорошо, пусть будет даже так, но если он на самом деле сочувствует девушке, почему бы ему не сказать несколько ничего не стоящих теплых слов: “Не знаю, правда это, или нет, но я вот такое слышал”. Ведь это, даже пусть и не убедит и не облегчит страданий не знающей как быть, бьющейся, как рыба об лед, девушки, но заронит надежду в ее душе. Однако Кайназар не сделал этого. Почему?

На другой день Кайназар уехал. Жулдыз, договорившись поддерживать с ним связь посредством писем, плача, осталась тут.

Исчезновение Еркебулана из психиатрической больницы послужило уроком для персонала. Теперь его не выпускали

никуда, давали необходимые лекарства, проводили полный курс лечения так, как если бы он был больным с сильным расстройством психики. Без спиртного у Еркебулана наладился сон и, постепенно приходя в себя, он начал поправляться с каждым днем.

Это обстоятельство еще больше укрепило уверенность Асыгата в том, что болезнь сына вызвана Жулдыз и водкой. Он рассказал Кырмызы о том, как выздоравливает их Еркебулан.

- Любовь и водка, - явления, похожие на припадочную болезнь ведь, - сказал Асыгат, объявив жене о том, что у их сына уже наметилось улучшение. - Сегодня его лечат, не позволяя ни с кем общаться, и он поправляется, но разве можно быть уверенным, что завтра, вновь обретя свободу действий, он опять не начнет прежний образ жизни? После того, как его поразили этот недуг, легко ли будет ему излечиться от него? Особенно трудно будет ему преодолеть печаль разлуки с Жулдыз. Ведь любовь их - это тоже болезнь, исцеление которой наступит лишь тогда, когда они вновь обретут друг друга. К тому же, если он уверовал, что Жулдыз приходится ему родной сестрой, то придется совсем туго. Как бы угрызения совести за свою прежнюю страсть, сожаление и все другое сопутствующее, в общем итоге не привели его к настоящему сумасшествию. Разве не мы сами воспитали его щепетильным в вопросах чести и совести... По-моему, надо рассказать ему всю правду, он ведь умный, наш мальчик, поймет... Как бы то ни было, будет правильным, если он будет знать, что Жулдыз не сестра ему.

Кырмызы опять прослезилась.

- Ох, как же нам быть... Ведь, если Еркебулан узнает, что он не наш ребенок, то ему совсем станет плохо... Как бы, услышав, что мы его до сих пор обманывали, он не отдалился совсем от нас, - сказала Кырмызы, не в силах сказать "Еркебулан - ты не мой сын". Несмотря на это, способная терпеть давящее многотонной тяжестью горе мать позволила рассудку превозмочь сердечный порыв. - Что поделаешь, надо

рассказать, нет, нет, обязательно надо сказать. Это отъезд Жулдыз послужил началом всех бед. Пусть хотя бы узнает причину ее отъезда.

- Правильно, - сказал Асыгат. - Как бы ни было тяжело это для нас, но кроме правды другого пути нет.

Спустя неделю, с условием продолжить лечение амбулаторно, Еркебулан выписался из психиатрической больницы.

В тот же день отец наедине рассказал сыну обо всем, что произошло в его младенчестве. Асыгату не легко было сказать всю правду. У него было такое ощущение, будто сердце его, разрывалось на мелкие части. Однако, ничего не поделаешь, долг отца - долг чести. А честь и честность никогда не знают лжи. Еркебулан, не проронив ни звука, не поднимая склоненной головы, слушал отца. Лишь, услышав о том, как потерялась маленькая Жулдыз, он поднял на отца глаза.

- Я и сам подозревал такое, - сказал он, преодолевая себя. - Так оно и оказалось. А то бы ведь Жулдыз не бросила меня, - сказал он и, закрыв ладонями лицо, повалился на диван. - Как после этого я смогу смотреть людям в глаза! - И он зарыдал.

- Потерпи немного, не плачь! - сказал отец, положив руки на сотрясавшиеся плечи сына. - За вами нет никакой вины, чтобы считать себя обесчещенными. - После этого он еще раз пояснил, что Еркебулан не их сын и рассказал как разыгрались те давние события. Одно плохо, - сказал в конце своего рассказа Асыгат, - обо всем этом не узнала Жулдыз, мать не успела ей сказать.

Теперь для Еркебулана все прояснилось. Однако, ему казалось, что настоящие муки начнутся теперь. С одной стороны то, что родные родители оказались вовсе не родными, возможность их потерять; с другой стороны, необходимость найти хотя и уехавшую далеко, вдруг вновь ставшую близкой свою любовь - и он принужден был чувствовать себя вынутым из жаркого горна куском железа, помещенным между молотом и наковальней. Выдержит ли он наносимые

и снизу, и сверху удары? Если сумеет выдержать, то какой облик он примет? Особенно больно ему было от того, что родные отец и мать оказались не родными. Теперь он начал припоминать некоторые события, свидетелями которых он был, будучи маленьким, разговоры, коснувшиеся его слуха. Тогда, видя возле себя от всего сердца любящих его, нежных и ласковых к нему родителей, он воспринимал услышанное как дурной сон. А теперь вот то, что он считал сном, оказалось явью. Еркебулан все еще продолжал лежать в той же позе - ничком.

Лишь через два дня взгляд его упал на сваленные в углу чертежи “Дворца ветеранов”, о которых он не вспоминал вот уже четыре месяца. В тот же день Еркебулан сказал сам себе: “Где же сейчас Жулдыз?”

А Кайназар, знающий где находится Жулдыз, давно уже вернулся из Бийска. Однако он не пришел как прежде в дом Еркебулана, не разыскал, как товарища. К тому же не сказал, где находится Жулдыз. А встретившись с Еркебуланом на работе лишь холодно здоровается. Видя от него такое отношение, Еркебулан тоже не искал близости с ним.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Как-то раз вконец измученный каждодневными ночными бдениями отец в ожидании не появлявшегося до утра сына, увидев, когда тот пришел под утро, его страшное своей испитостью и изнуренностью лицо, вдруг схватился за сердце, постоял немного, покачиваясь, и свалился мешком на диван. У него хватило лишь сил на то, чтобы произнести “Кырмызы”.

Услышавшая свое имя Кырмызы, выбежав из своей комнаты, сразу же поняла, что произошло.

- Ох, бедняга несносный, ты, оказывается, теперь решил убить отца и на этом успокоиться, - проговорила она гневно, дрожащими руками капая в пиалу сердечные капли для мужа.

Это были первые суровые слова, которые мать высказала своему Еркебулану. Однако, сколько в них было укора и даже презрения. Слова эти пронизали сына насквозь, огнем обожгли его с головы до ног.

- Прости, мама... - произнес сын и слезы брызнули из его глаз.

На самом деле Еркебулан больше жизни любил отца и мать. Особенно сильна была его любовь к отцу. Когда машина “скорой помощи” увезла Асыгата в больницу и его положили в отделение реанимации, он дни и ночи проводил возле отца.

Спустя неделю, в тот день, когда Асыгат пришел в себя, он сказал отцу:

- Отец, теперь я и в рот не возьму водки, - только ты скорей выздоравливай.

Через месяц Асыгат выписался из больницы. А Еркебулан не мог забыть Жулдыз. Тоска по ней залегла в нем змеей, отравляя душу и сердце. Иногда, когда эта тоска-змея поднимала свою голову, Еркебулан не находил себе места, сердце жгло горечью и он действительно едва не сходил с ума. И все же, несмотря на это, рассудив, что если вновь возьмется за старое, или с ним случится что-нибудь плохое, то отец уже не вынесет это горе, и он своими руками убьет его, он, как бы трудно ему не было, держался, верный своему обещанию не брал в рот ни капли спиртного. Это была порожденная любовью к родителям стойкость. Эта стойкость напомнила ему, что кроме горя и тоски есть другая жизнь, есть работа. Постепенно он начал заглядывать в давно заброшенные бумаги с проектами. Человеку искусства творческие поиски, замыслы всегда давали пищу для души. Это пища всегда способствовала избавлению таких людей от горя, тоски, печали. Однако творческие искания, замыслы не могли полностью и бесповоротно завладеть Еркебуланом, так как слишком сильна была горечь разлуки с Жулдыз. И молодой архитектор не мог избавиться от своего горя. Поддержкой ему служила лишь надежда, что он все-таки найдет утерянную им

Жулдыз. Теперь он старался облегчить свое горе работой, полной отдачей работе над тем порожденным его фантазией прекрасным проектом.

В первую очередь он засел за чертежи своего незаконченного “Дворца ветеранов”. Только сейчас он вспомнил, что наступил последний обусловленный с товарищами-коллегами срок конкурса.

И еще, в один из этих дней к Еркебулану пришел давно уже не появлявшийся в их доме Кайназар. Еркебулан и в этот раз по-детски обрадовался, увидев старого товарища.

- Здравствуй, Кайнаш. - Он всегда называл своего товарища этим сокращенным именем. - Что-то тебя совсем не видно стало, куда ты запропастился? В последнее время тебя и в институте не видно.

- Да так, ходим... - сказал Кайназар прохладным тоном.

Еркебулан заметил, что товарищ его хмур, осунулся. “Какой-то недуг гложет его” - подумал Еркебулан.

- И в больницу ко мне не приходил, - продолжал он и с беспокойством посмотрел на товарища. - Или болен что ли?

- Нет...

- Почему тогда не показался ни разу? - Я так тебя ждал, когда лежал в больнице...

Кайназар с той же ноткой неприязни ответил:

- Разве это то место, куда должен ходить человек? Я и близко пройти от него боюсь...

У Еркебулана, как всегда, резко упало настроение. “Да, да, действительно, дом умалишенных - не место, где достойно появляться человеку, но ведь там лежал я, твой закадычный друг”. В какой-то момент он даже хотел обидеться на Кайназара. Однако не стал, сдержался.” Зачем мне обижаться на человека, сказавшего такое? Высказывай свою обиду тому, кто оценит твою обиду...”

И все-таки:

- Разве по своей охоте попадает человек в такое место? -

грустно сказал он. - Что поделаешь, если уж так получилось...

Кайназар, кажется, только сейчас понял, что перегнул палку. Он постарался смягчить жесткость своих слов.

- Ты, кажется, обиделся за то, что я не приходил, сказал он, изобразив на лице подобие улыбки. - Не обижайся. Когда ты попал в больницу, меня не было в городе... А после возвращения из командировки навалившееся на меня горе было столь тяжким, что было, как говорится, "не до жиру, быть бы живу" и мне так и не удалось сходить к тебе.

Всегда разделявший горести товарищей Еркебулан испугался.

- Что же такое случилось?! - спросил он, преисполненный сочувствия к Кайназару. - Какое горе? Кто-нибудь из близких скончался? Или...

- Да... Умер один близкий мне человек.

- Кто он?

Кайназар грустно ответил:

- Ты его не знаешь... Мой самый близкий родственник. - Конечно, никто из близких Кайназара не умер, он сказал это, чтобы оправдать свое состояние. - Собирайся, пойдём в ресторан. Сегодня мне так тяжело, даже не знаю куда себя девать.

Обычно Еркебулан готов был исполнить любую прихоть товарища, кем бы он ни был, но в этот раз он, как бы говоря "не могу", покачал головой.

- Горе не зальешь спиртным, - сказал он, - я в этом убедился. Я не могу пойти в ресторан.

- Почему?!

- Я обещал отцу больше не пить.

- А... а! Ну, тогда я пошел! Ничего не поделаешь, пойду один.

- Не ходи! - сказал Еркебулан. - Давай лучше погуляем по улицам, побеседуем...

- Нет, сегодня я должен выпить.

- Не пей! - сказал Еркебулан. - По собственному опыту знаю, выпивка до добра не доведет.

- Ладно, я не тот, кто ждет хорошего от этой жизни, - сказал Кайназар, подходя к двери. - Ну, пока. - Уже выходя, он обернулся. - Кстати, завтра в два часа жюри конкурса будет рассматривать наши проекты. Приходи вовремя. - И Кайназар вышел.

Еркебулан задумался. “Эх, не обидел ли я товарища, не последовав его приглашению? Может быть, мне необходимо было быть рядом с ним в тяжкий для него момент”. Теперь он собрался догнать Кайназара. “Что со мной сделается, если пить не буду, а только посижу с ним?” Однако Еркебулан не стал догонять товарища. Он не мог нарушить данное родителям обещание. Да и выходить ему не хотелось. “Даже если и не буду пить, но задержусь, бедняги опять ударятся в панику”.

Кайназар, конечно, не пошел в ресторан. Приглашая Еркебулан, он хотел напоить его. Кайназар пошел прямо домой. И в этот раз он ни словом не обмолвился о Жулдыз. Словно на белом свете даже нет такого человека. Говоря по правде, в последнее время похоже было, что Кайназар стал по-настоящему проникаться чувством к Жулдыз. Было ли это настоящей любовью он и сам не знает. Но в сердце его уже зародилась большая ревность. То, что в разговоре с Еркебуланом он не упомянул имя Жулдыз, было признаком этого. Ревновать к кому бы то ни было девушку, которая никогда не будет принадлежать ему, - это ведь тоже одно из проявлений бедности души. А Кайназар не знает, не чувствует за собой этой бедности. Он думал, если он сумеет защитить ее перед другими, значит девушка будет к нему благосклонна. И если она не будет к нему благосклонна, то он намерен был мешать ей проявлять благосклонность к другим. Теперь он всецело заразился подленькой мыслишкой: если не моя, значит и ничья.

На другой день состоялось жюри конкурса. Большинство членов жюри нашло, что первый приз должен быть присужден проекту Еркебулана. Однако Еркебулан предложил присудить его проекту Кайназара. Проект товарища и по внешнему виду, и

по экономической обоснованности не был лучше проекта Еркебулана. Правда, нельзя сказать, чтобы он был плох. На первый взгляд он был хорош. На представлявший собой квадрат первый этаж был установлен такой же квадратный второй этаж. Лишь размерами он уступал первому этажу. Точно так же над вторым этажом возвышался третий, над третьим четвертый и завершавшийся шестым этажом дворец при взгляде издали выглядел неким подобием египетской пирамиды и чем выше поднималось это здание, тем более оно суживалось, напоминая собой конус. Этот конус венчал шпиль-игла, на которой была установлена рубиново красная звезда с электрической подсветкой. Воздвигнутый на высоком месте этот дворец и издалека, и вблизи должен быть хорошо виден и особо торжественно смотреться. Если он будет построен то, безусловно, он так и будет выглядеть. Нет, когда Еркебулан предложил отдать первый приз этому проекту, он имел в виду не его неповторимость и не красоту, а за качества, которыми он превзошел его проект. Всем известно, что Алма-Ата расположена на сейсмически опасной местности. Это обстоятельство известно было и Еркебулану. Но, несмотря на это, уделив большое внимание внешнему виду дворца, а также внутренней целесообразности, он не продумал глубоко его антисейсмические характеристики. Кайназар с первого взгляда заметил этот изъян проекта Еркебулана. Однако он не указал товарищу на это, не надоумил его. А в проекте Кайназара эти сейсмические особенности местности, на которой стоит Алма-Ата, были всесторонне учтены. У сооружаемого монолитом первого этажа выступающие по сторонам для симметрии конструкции сохраняли ту же высоту как и на других этажах. А нижняя часть, напоминая айсберг в океане, на две трети все тем же монолитом уходила под землю. Словно этого было мало, по четырем углам этого монолита были выкопаны глубокие колодцы, которые, заполненные бетоном, посредством арматуры и того же бетона скреплены с монолитным полом

здания, составляли одно целое. Эта погруженная под землю часть первого этажа предназначалась для размещения компрессорной станции, холодильных агрегатов, продовольственных складов и многих других необходимых служб. Если когда-либо произойдет землетрясение, то насколько сохранят дворец от разрушения предложенные Кайназаром меры безопасности, неизвестно ни членам жюри, ни Еркебулану. Еркебулан, принимая во внимание эти новшества, предложил вручить первый приз Кайназару. Конечно, и Кайназар не преминул похвалить работу Еркебулана. Он сказал, что за не имевшее место в городе Алма-Ате ни прежде, ни теперь смелое конструктивное решение, архитектурные особенности, приковывающую взор красоту, первый приз должен быть вручен Еркебулану, но эти слова он не говорил от чистого сердца, как Еркебулан, а лишь с видом человека, не желающего выходить за рамки товарищеской вежливости.

Короче говоря, первый приз был вручен Кайназару. Его товарищи аплодисментами встретили это решение. Что касается Еркебулана, то он радовался, будто это он первый приз получил. Довольный своей победой Кайназар пригласил всех в ресторан обмыть премию. Не пошел один лишь Еркебулан. Попрощавшись с коллегами, он пошел домой. Вернувшись, он опять углубился в свои книги, бумаги. И в самом деле, проект Кайназара заставил его задуматься. Этот проект раскрыл один его, Еркебулана, недостаток, которому он до сих пор не придавал большого значения. Правда, Еркебулан хорошо знал, что некоторые крупные здания в Алма-Ате строятся по японскому методу, применяемому в антисейсмических целях. Ему было известно и то, что с этой точки зрения двадцатидвухэтажная гостиница “Казахстан” является первым, столь высоким зданием не только в республике, но во всем Советском Союзе. Еще до строительства этой гостиницы Еркебулан ознакомился с ее проектом. Такой растущий из года в год прекрасный город

как Алма-Ата, конечно нельзя оставлять игрушкой слепой необузданной стихии. В скором времени население города перевалит за миллион. Ну, а если судить по нынешним темпам роста республики, то ничего не будет удивительного в том, что через какие-то пятьдесят лет число жителей города превысит два миллиона. Два миллиона человек - это целая Грузия. Значит, разве можно судьбы стольких людей ставить в зависимость от прихотей стихии? Конечно, нельзя! Нельзя!

Тогда почему он не продумал это в своем проекте?

Думал. Однако получилось, что недостаточно думал.

Нет, впредь все сооружаемые по проектам Еркебулана объекты должны быть безопасны в случае землетрясения. Особенно жилые дома и требующие много народных средств театры, дворцы культуры, центральные учреждения.

Еркебулан противопоставит этой опасности свои методы, найдет свой путь. Будет тщательно учитывать тектонику местности, на которой раскинулась и раскинется Алма-Ата, ее особенности. И для этого он изучает природу сейсмичности этой местности, знакомится с последними научными исследованиями, штудирует их. Занятому этой работой Еркебулану вдруг вспомнилась Жулдыз. "Где она сейчас? Когда я ее увижу? Или так и не удастся никогда увидеть ее? Нет, нет, во что бы то ни стало надо найти ее! Даже если придется искать тысячу лет, надо терпеть и надеяться!" Опять кольнуло в сердце болью. И тут же перед его взором возникла картина из одной из первых их встреч.

Опять была прохладная осенняя ночь. И свет медленно ползущего по небу месяца тоже был неяркий. И звезд было не густо. Видимо, завтра не будет слишком жарко. Они, взявшись за руки, шли по асфальтовой аллее Соснового парка, около Дома пионеров. Словно из желания заслонить их от стороннего глаза, уже редкие в это время суток электрические фонари светили тоже тускло. Вдруг Жулдыз остановилась.

- Мне очень нравится вот эта скульптура, - сказала она, показывая на установленную на бугорке посреди небольшой поляны, окруженной тянущимися к небу соснами, отлитую из бронзы скульптуру сидящего на стригунке Тазша-балы. - Посмотри-ка, какое счастливое выражение лица!

И на самом деле, вид сидевшего на стригунке, выставив вперед босую левую ногу, в большой, как казан, шапке, с улыбкой смотревшего на мир Тазша-балы, был комичен, добродушен и радостен. Это не переживший разного рода притеснения от мачехи, побывавший много раз в опасных переделках Тазша-бала, а смотревший на мир со всей щедростью своей прекрасной души Тазша-бала.

- Ты знаешь чья это скульптура? - спросил Еркебулан.

- Нет...

- Это скульптура Тазша-балы из казахских сказок...

- Тазша-бала? А чем он прославился?

Еркебулан рассказал ей одну из сказок о Тазша-бале.

Не слышавшей прежде этой сказки Жулдыз особенно интересным показалось то место в ней, где мачеха посылает Тазша-балу к Мыстан-кемпир на верную смерть, наказав "добудь и принеси мне золотую бабку-биту".

- Как, как сказала Мыстан-кемпир? Перескажи-ка опять это место.

- Мыстан-кемпир, перед которой лежала золотая бабка-бита, говорит: "Свет мой, я, если встану, то сесть не могу, а если сяду, то встать не могу, спустишь и возьми сам золотую биту". Тазша-бала говорит ей слова, которым научил его паршивый стригунок: "Ой, бабушка, смотри, волк бежит". Когда старуха резко обернулась паршивый стригунок в мгновение ока стал выше типчака, ниже полыни, и Тазша-бала схватил проворно золотую биту и они вскачь кинулись прочь. Только что говорившая "если сяду, то не могу подняться, если встану не могу сесть" Мыстан-кемпир тут же погналась за ними. Паршивый стригунок не дает себя догнать. Мыстан-кемпир

вырывает один свой зуб-резец и кидает его вслед им. Паршивый стригунок уже на трех ногах не дает себя догнать. Мыстанкемпир кидает еще один зуб. Паршивый стригунок и на двух ногах не дает себя догнать. В конце концов Тазша-бала, сев на голову лишившегося всех четырех ног паршивого стригунка, уходит от погони и приносит своей мачехе золотую бабку-биту. Замыслившая во что бы то ни стало загубить Тазшу мачеха теперь решила сделать это руками Жезтырнака... Вот это и есть изготовленный скульптором образ, прошедшего через многочисленные и разного рода трудности, Тазша-балы в бронзе...

- Как точно схватил образ Тазша-балы скульптор, - сказала Жулдыз и тихонько вздохнула. - Эх, если бы и мы, какие бы опасности, трудности не встретились в жизни, смогли бы пройти по ней, как этот Тазша-бала, не унывая и смеясь!

- Нисколючко не сомневайся в этом! - сказал тогда Еркебулан. - Мы с тобой пройдем по жизни любя друг друга, как сейчас вот, и такими же радостными, как сегодня. Ну, а если вдруг когда-нибудь на нашем пути встретятся трудности, огорчения, мы и тогда не станем унывать и найдем в себе силы преодолеть их И свидетельством тому является наша взаимная любовь. А настоящая любовь дает человеку крылья, открывает путь для преодоления любых трудностей.

И вот теперь, говоривший это Еркебулан, согнулся, как медный лист, под тяжестью первой же встреченной трудности, растерялся. Мало того, даже едва не дошел до сумасшествия.

Вот этот ночной разговор и вспомнился ему. Сердце Еркебулана взволновалось сильнее прежнего. Вдруг ему захотелось увидеть скульптуру Тазша-балы, около которой в ту прохладную ночь стояла его любимая. Ему казалось, что если он сейчас придет к этой скульптуре, то с другой стороны подойдет к ней Жулдыз. Было где-то около одиннадцати ночи. В окно были видны поздние прохожие. Еркебулан быстро оделся и вышел на улицу. Неторопливо направился к

Сосновому парку, где находилась скульптура сидевшего на своем паршивом коньке Тазша-балы. Чтобы дойти до него надо пройти по улице Чайковского и свернуть направо по улице Дзержинского. Сразу же за улицей Калинина зеленеет соснами парк.

Вскоре Еркебулан перешел улицу Калинина и остановился на перекрестке с улицей Дзержинского. На другой стороне улицы, на автобусной остановке перед уйгурским театром он увидел трех-четыре галдящих что-то людей, окруживших одного парня. Он присмотрелся и ему показалось, что стоявший в окружении парень похож на Кайназара. Кайназар жил напротив стадиона имени Ленина. Возвращаясь домой из оперы, театра юного зрителя, или от Еркебулана, он всегда садился на автобус на этой остановке. “Кайназар что ли? Или кто-нибудь похожий на него? Нет, нет, это он. Наверное, возвращается из ресторана, в который недавно отправился. Кто это возле него? Почему они его окружили? Побаловаться решили что ли?” Задержавшись немного, пережидая проходивший тяжелый грузовик, Еркебулан, словно предчувствуя какую-то беду, сразу же бегом направился к этой группе людей. И тут же раздался страшный в этой тихой ночи крик Кайназара.

- Помогите! Помогите! Убивают!

Подбежав к остановке, Еркебулан увидел упавшего навзничь на землю Кайназара. Четверо парней, окружив его и не обращая ни на что внимания, бьют его ногами.

- Падло, еще огрызается! - произнес здоровенный рыжий парень, почувствовав, что сзади кто-то подошел, и отступая от Кайназара.

- Еркебулан тут же вступился за Кайназара.

- Зачем вы так? - сказал он и сильно оттолкнул все еще продолжавшего пинать Кайназара плотного парня-казаха. - Убьете ведь.

- С малолетства занимавшийся каратэ Еркебулан не был

слабаком. Парень, которого он оттолкнул, попятился и уперся спиной в ствол большого дуба.

В этот момент стоявший справа рыжий своим огромным, как палица, кулаком вознамерился ударить Еркебулана в скулу. Однако, кулак не достиг цели. Применив необходимый в такой момент прием каратэ, Еркебулан нанес молниеносный удар по бицепсу руки рыжего. Поддерживая левой рукой повисшую плетью после удара Еркебулана руку, рыжий прислонился к ближнему дереву. Теперь Еркебулан, уже и не разберешь сейчас как, легко заставил согнуться от боли и третьего, подскочившего к нему парня. Четвертый хулиган, видя в какое положение попали его дружки и, видимо, не решаясь приблизиться к Еркебулану, поднял с земли увесистый камень и изо всей силы бросил его. Камень ударил Еркебулана в бедро. Еркебулан, покачнувшись, осел на землю. И тут подал голос первый, упавший, ударившись спиной о дуб, парень.

- Не трогайте! - рявкнул он на товарищей, - я с ним сам разделаюсь! - Вдруг в его руке блеснул кинжал с обоюдоострым лезвием.

Хулиган с занесенным для удара кинжалом приблизился к сидевшему на земле с вытянутыми вперед ногами Еркебулану. В каратэ есть один хороший прием. Сидящий вот так, с вытянутыми вперед ногами, человек, резко приподнимает вытянутые ноги и столь же резко и изо всех сил ударяет ими в землю. В тот же миг человек подскакивает, как ударившийся о землю мяч, становясь на ноги, и правой ногой наносит молниеносный удар в живот намеревающемуся навалиться на него, или ударить кинжалом, человеку. Как бы ни был крепок этот человек, он падает навзничь, схватившись за живот. Прием этот применяется не с целью убить нападающего, а лишь с целью самозащиты. Удар в живот обычно не смертелен для человека. Но он долго после удара не может пошевелиться. Обездвиженный ударом камня в бедро Еркебулан, увидев приближающегося к нему, посверкивая кинжалом, разъяренного

парня, понял, что действовать надо быстро. Если не действовать быстро и не обезопасить того, несомненно, он его убьет! Как бы то ни было, надо быстро, быстро действовать!” Ради Жулдыз, ради родителей, ради неисполненной еще мечты он должен быстро действовать и эта уверенность придала ему сил. Еркебулан молнией взметнулся над землей и нанес ногой удар в живот приблизившемуся парню. Тот, не успев даже замахнуться кинжалом, повалился на спину и сильно ударился затылком о случившийся тут камень.

Первое, что увидел Еркебулан, когда его противник упал навзничь, - это рассыпавшиеся по асфальту густые черные волосы смуглого парня и его закрывшиеся глаза. Нет, не все волосы, особенно бросилась ему в глаза белоснежная прядь волос прямо надо лбом лежащего парня. В тот же миг в туманящемся сознании Еркебулана молнией сверкнула одна картина из недавнего прошлого.

- Эй, уж не тот ли это парень?

...Да, тот день был самым тяжелым днем в его жизни. В тот самый день, когда Еркебулан ушел из психбольницы, он выпил в доме одного своего товарища. Он вышел из него, когда семья товарища уже начала готовиться ко сну. Не зная куда пойти, он долго стоял, прислонившись к толстому стволу дуба на углу темной улицы. Он не был настолько пьян, чтобы упасть наземь и уснуть. Вдруг ему вспомнилась ожидающая его психбольница. Он весь содрогнулся, и душой, и телом. Только теперь он заметил, что стоит на ближайшей к психбольнице улице. Словно испугавшись, что его сейчас схватят и водворят в больницу, он кинулся бежать с того места. Куда надо бежать он и сам не знает, бежит куда глаза глядят. Внезапно он сердцем, а не разумом понял в какое положение попал. Он зарыдал во весь голос. Тогда-то он и собрался уже по-настоящему повеситься. Нет рядом с ним беззаветно любимой им Жулдыз, лишь психбольница ждет его. А родители, от которых он ждал сочувствия, сами сдали его в психбольницу, - зачем ему тогда

дальнейшая жизнь? Никакой в ней надобности нет. Оказывается, жизнь - это всего лишь сожаления и муки. Разве это жизнь, когда безнадежно тоскуешь по любимой, умоляешь каждого дать выпить? Нет, это не жизнь, а самые что ни на есть - позор, унижения и муки. А как ему избавиться от этих мучений? Как бы ты не бродил вот так, как сейчас, как бы ты не плакал от жалости к самому себе и сожалений, ты не избавишься от них. Есть только один путь к избавлению: это - смерть! Умерший человек не испытывает ни позора, ни унижения, ни мучений. Умрешь и душа твоя навеки успокоится. К такому итогу вдруг пришел Еркебулан. И тут же он решил умереть именно в эту ночь, даже именно сейчас. Удивительно, но у него и в мыслях не возникло сожаления, что после него останутся и любимая Жулдыз, и родители, и работа и он лишится всего этого.

Обозленный на весь мир, судьбу, на самого себя, Жулдыз, родителей, Еркебулан решил, умерев, отомстить им всем. Теперь он стал искать способа лишиться себя жизни. Трамвай, автобусы уже не ходили. Оглядел дома вокруг себя. Если подняться на верхний этаж одного из них и выпрыгнуть из окна подъезда, все закончится в одну секунду. А если ты еще спрыгнешь к тому же с седьмого этажа... Да, да, и от горя, и от мук, и от позора и унижения, от всего ты избавишься, когда твоя голова коснется каменной твердости асфальта. Все произойдет во мгновение ока. Есть ли радость, большая чем эта? Однако он не увидел поблизости такого высокого здания. В этот момент Еркебулану припомнилась “качалка” - детские качели, которую он видел среди деревьев за одним из домов, возвышавшемся на той же улице, на которой он стоял. Перед тем, как попасть в психбольницу, он с одним “коллегой” пил вино на скамейке возле самой этой “качалки”. Место уединенное, никого поблизости нет. Веревка с одной стороны сиденья качелей была оборвана и сиденье висело на другой веревке. Эта оборванная веревка как раз подходит для того, чтобы, сделав петлю, повеситься. Если, подтащив под качели стоящую рядом скамейку и, сунув голову

в петлю, отбросить ее ногой, то быстро, самое большее через минуту, все закончится. Как бы ты не вырывался, не сможешь избавиться от врезанной в шею петли...

Словно боясь лишиться чего-то, если быстро не умрет, он торопливо направился к тому темному углу. В тот самый момент раздался чей-то отчаянный хриплый крик. И тут же он увидел разбегающихся из того места, куда он шел, двух-трех человек. От угла, неярко освещенного электрическим светильником, прямо мимо него пробежал один из разбежавшихся. Не желая быть узнанным, он закрыл лицо руками. Глаз Еркебулана успел лишь отметить, что в передней части густых и пышных, как шапка, волос белоснежную прядь. На некоторое время установилась тишина, а затем послышались обеспокоенные голоса.

Когда Еркебулан дошел до нужного ему места, то убедился, что крик раздался именно отсюда. Возле качелей уже собралось пять-шесть человек из ближних домов. Беспкойные голоса принадлежали, оказалось, им. Кто-то зажег спичку. Еркебулану показалось, что на веревке, на которой он задумал повеситься, висит чье-то тело. И тут кто-то включил электрический фонарик и повел лучом в сторону висящего предмета. Сначала показалась нижняя часть тела одетого в хорошо отутюженные брюки и обутого в светлые ботинки человека. Теперь луч фонарика постепенно поднимался вверх и осветил такой же, как и брюки, голубой пиджак и ослепительно белую рубашку с открытым воротом. Вдруг пятно света остановилось на лице висящего трупа. Повешенный оказался юношей с прямым носом, продолговатым лицом и черными бровями. Язык вывалился изо рта. Узел веревочной петли, видимо, пришелся на висок - голова юноши склонилась набок.

Собравшиеся переговаривались: “Бедненький, еще совсем молоденький!”, “За что же они убили его, бедного!”, “Бедняга, и чего это он допоздна ходил по улице?”, “Это дело рук затаивших на него злобу людей”, “Да его же дружки-товарищи”,

“Конечно, убили из мести”. “Если это грабители, почему они не забрали часы, костюм?” В это время возле трупа собралось уже немало людей.

Увиденная картина заставила Еркебулана содрогнуться всей душой. Ему стало жалко юношу. “Наверное, шел откуда-то, а враги выследили и, дождавшись тут, поймали”. Больше он не мог смотреть и, резко повернувшись, пошел прочь. В этот самый момент он увидел мчавшуюся на место происшествия милицейскую машину.

В ту ночь Еркебулан до рассвета бродил по улицам. Образ убитого парня все время стоял перед его взором. В какой-то момент он даже сам себя посчитал чуть ли не самым главным виновником его гибели. “Ведь если бы на полчаса раньше на той веревке повесился я, кто его знает, может быть тот паренек и остался бы жив. Даже если бы эти подонки и убили его, то уж не этим способом”. Ему казалось, что парню легче было бы умереть по-другому. И в самом деле ему было очень жалко этого паренька. “Если бедняга такой же единственный у родителей, как и я, то что же им предстоит испытать завтра, когда они услышат о его страшной смерти?” Внезапно Еркебулан остановился. “А почему я не подумал о своих родителях? Они ведь слезами изойдут по мне”. Это был первый случай после того как Еркебулан пристрастился к спиртному, когда он подумал о родителях. Чем больше он думал, тем сильнее в нем становилось чувство вины перед ними. “Я горюю из-за разлуки с Жулдыз... А они ведь, переживая из-за меня, слезами обливаются. Как же это я, зная, что бедняги души во мне не чают, не подумал о них? Почему я уродился таким жестокосердым? Не лучше было бы мне самому держать ответ за собственное горе, самому терпеть собственную муку? В чем они провинились, чтобы горевать и мучиться из-за моего горя? Разве не настоящий это с моей стороны эгоизм?”

Хотя Еркебулан на некоторое время и задумался над этим, опять победили болезнь, безвыходность, опять ему захотелось

умереть, опять перед его взором возник убитый юноша, опять проникся к нему жалостью... “Какая за беднягой может быть вина, чтобы так жестоко обойтись с ним - повесить. Ведь он еще очень молод. Еще и не успел, наверное, провиниться. Повесить такого молодого - какая же это жестокость, зверство! Эх, если бы поймать убийц этого паренька и самих повесить так же!” Вдруг перед его взором возник пробежавший, закрыл руками лицо, крепкий парень с белой прядью волос у лба. Еркебулан остановился резко. “Ведь теперь милиция будет искать убийц этого паренька. Люди расскажут об услышанном ими крике и обо всем, чему стали свидетелями. Что касается меня, то я собираюсь промолчать. Почему? Может быть, одним из убийц является тот самый человек с белой прядью в волосах? Даже если он острижется наголо, все равно такого человека опознает не один, так другой”.

Еркебулан счел своим долгом сделать все, чтобы преступники были пойманы. Решил пойти утром в милицию и рассказать обо всем. Однако, он только сейчас почувствовал невероятную усталость. Только теперь он подумал о том, что персонал психбольницы и его родители, наверное, с ног сбились в его поисках. Решив, будь что будет, он резко повернул к психбольнице.

Обрадованному его приходом дежурному врачу, он всего лишь сказал:

- Успокойте ожидающего у вас моего отца и отправьте его домой. Бедняга, наверное, вконец устал...

- Хорошо, хорошо, - сказал врач.

Еркебулан начал было ему рассказывать о том, чему был свидетелем, но врач, сказав про себя “обычный бред сумасшедшего”, успокоил его: “я обо всем завтра утром заявлю в милицию, а ты теперь постарайся забыть все это”. Затем, чтобы Еркебулан успокоился, он сделал ему, чуть превысив дозу, укол и уложил в постель.

После этого Еркебулан спал целые сутки. Врачи разбудили его лишь для принятия пищи. Проглотив в полусне то, что ему

дали, он вновь провалился в сон. Через сутки ему опять ввели успокоительный препарат. Еркебулан вновь уснул. Решивший, что, рассказав врачу о человеке с белой прядью волос надо лбом, он исполнил свой долг, Еркебулан под влиянием сильных лекарств вскоре начисто забыл обо всем увиденном в ту злополучную ночь. Еще раньше, когда спустя три-четыре дня он спросил у дежурного врача “Вы заявили в милицию?”, тот опять же не придавал значения его словам, отмахнулся “заявил, заявил”, чтобы Еркебулан отстал от него.

И вот перед ним лежит парень с белой прядью волос, такой же какую он тогда видел.

Еркебулан лишь успел подумать: “уж не он ли это?” Он не понимал еще, что повешенный убийцами паренек своей смертью спас его самого от гибели. Такая мысль ни прежде, ни теперь не возникала в его голове. В это время подоспел уже патруль расположенного на противоположной стороне улицы Комитета государственной безопасности. Он задержал всех участников драки. Лежавшего без сознания на земле парня, вызвав “скорую помощь”, отправили в больницу. А остальных, посадив в прибывшую закрытую машину милиции, препроводили в КПЗ. Среди них не было лишь Кайназара. В самый разгар драки, воспользовавшись возникшей сумятицей, он под прикрытием деревьев, хромя и падая, сбежал с места драки.

Вот так Еркебулан впервые попал под стражу. Ударившийся при падении затылком о камень смуглый парень, не приходя в сознание, скончался под утро. А Кайназар, весь в синяках и кровоподтеках, все же сумел добраться до своего дома. Он не только не попытался узнать, что случилось с кинувшемся его защищать Еркебуланом, но и не позвонил даже не понимавшим куда на ночь глядя ушел их сын и всю ночь не смыкавшим глаз в беспокойстве родителям его. Сказав испугавшейся его вида жене “хулиганы избили”, он, смазав кровоподтеки йодом и наложив на опухшие места в качестве компресса мокрое полотенце, лег в постель.

У каждого поколения бывает созвучная ему, продиктованная той эпохой, идея. Вместе с ней формируются связанные с жизненными обстоятельствами нравы, ставятся цели на будущее. Эта социальная центральная движущая сила общества в дни Великого Октября и гражданской войны выдвинула, ставшего в семнадцать лет командиром полка Аркадия Гайдара, породила беззаветно преданных делу революции Павлов Корчагиных. А в горячие по накалу борьбы годы первых пятилеток выдвинула на трудовом фронте миллионы ударников, победителей социалистического соревнования. Они воздвигли Магнитку, проложили Турксиб, повели по полям первые харьковские и челябинские тракторы. Великая Отечественная война также дала тысячи таких, как Александр Матросов, Султан Байгамбетов, Зоя Космодемьянская, Алия Молдагулова, героев, грудью защищавших честь своей Родины. В наши дни такие качества, как героизм, любовь к Отчизне, стали единственной нормой для молодежи. Сразу же после окончания войны та же молодежь приняла участие в восстановлении разрушенного хозяйства, в подъеме целины, в строительстве заводов в Тольятти, космодрома Байконур. Двадцати одного года от роду первый космонавт Юрий Гагарин, оставив теперь землю, сделал первый шаг в покорении Вселенной.

А молодежь восьмидесятых годов вышла на освоение обширного региона, протянувшегося от места впадения реки Амур в Тихий океан до озера Байкал, строя Байкало-Амурскую магистраль. Она, несмотря на сорокаградусные морозы, пробивается через тайгу и горы, прокладывая БАМ. Она с энтузиазмом приступила к исследованию громадного пространства в Западной Сибири, от Сургута до Тюмени, погребенного под вековой тайгой и залитого непроходимыми болотами, все дальше раздвигая границы гигантского нефтяного поля, ставя на службу народу залегающее на тысячеметровых глубинах “черное золото”.

Молодежь нашей эпохи всегда была активным строителем своего будущего, первопроходцем, неутомимым каменщиком, воздвигающем стены своего общества.

Однако среди этой молодежи встречалось немало не принимающих активного участия в общественных делах молодых людей, сидящих на шее родителей, выбирающих где полегче и обходящих трудности, бесполезно тратящих свою молодость. Есть два вида таких молодых людей. Одни из них - бесполезные для общества, однако приносящие много вреда своим образом жизни, молодые люди. Они любят джинсы в обтяжку, кожаные куртки. Отпустив волосы до плеч, они только и умеют, что торчать в дискотеках, упиваться иностранными фильмами, гоняться за заграничными тряпками. Вместо того, чтобы читать книги, они дни и ночи напролет крутят магнитофонные кассеты или грампластинки с записями известных западных ансамблей - "Бонни М", "АББА", "Смоуки" и других, или же, взяв в руки гитары, несмотря на отсутствие голоса, горланят песни известных приверженцев ПОП-музыки, таких как Джо Дассен, Дин Рид и других, или подражают испанскому певцу Рафаэлю, собираясь по ночам группами и не давая покоя людям. Их девушки подобны им самим - в джинсах в обтяжку, в майках с какой-нибудь "АББА" на груди. Все их интересы сосредоточены на музыке Запада, забывшего Моцарта и Бетховена Запада, на ПОП-музыке. В общем и целом они - нахлебники родителей, пустые, никчемные люди.

А второй вид - вредные и для общества, и для родителей, и для самих себя молодые люди. Эти тоже не работают и не утруждают себя учебой. Все заработанное, приобретенное родителями они тратят на спиртное. Устраивают драку, если не дают. Объединившись по двое-трое, они способны даже, чтобы удовлетворить потребность в спиртном, пойти на грабеж людей, воровать в магазинах. Такие люди не умеют вести себя и на улице. За хулиганские проявления они частенько попадают в милицию. Особенно опасны те из них, у кого родители

уважаемые в обществе люди, или занимают высокие должности. Такие, подобно рыбе-осетру, не способному остановиться, пока не ударится головой об обрыв, не прекращают свои попойки и антиобщественные действия пока над их головой не грянет беда. Причиной тому, что считающие их кровь от крови, плоть от плоти своими отпрысками и прощающие им с детства всякого рода прегрешения родители, пускают в ход все свое влияние, служебное положение, чтобы вызволить их, если они за драку, пьянство или еще за какие-либо другие нарушения попадают в милицию. Такие родители оберегают своих недорослей не от проявления хулиганства, а от справедливого возмездия за эти проявления. Видя такую заботу о себе, такой ребенок, полагая, что так будет всегда, из года в год все больше втягивается в пьянство, в антиобщественные действия. Видя, что болезнь родного дитяти все более усиливается, родители теперь пытаются давать добрые советы, ругать, но не понимают, что время для этого уже упущено, а болезнь запущена. И все же, как никак, а родное ведь дитя, родители все еще согревают его, извлекают из сетей, в которые он попал. Однако дитя уже не знает удержу. Оно уже втянулось и в пьянство, и в хулиганство, а бывает, даже в воровство и грабежи. Теперь его уже не проймешь добрыми советами и пожеланиями, он теперь не образумится. Он теперь не знает удержу пока не нарвется на беду. А увидевшие до какого состояния дошел их отпрыск родители только теперь вспоминают мудрые слова казахов “ребенка надо воспитывать сызмала” и приходят в отчаяние.

Убитый Еркебуланом не с целью убийства, а при необходимой обороне смуглый парень был сыном известного, занимающего высокую должность человека. Мать его тоже была научным работником. В молодости, благодаря занимаемому положению, они проводили все свободное время в гостях и театрах и им некогда было заниматься воспитанием сына. Сын рос сам по себе, без присмотра. Если он в десять лет пил оставшееся после приходивших в их дом гостей

шампанское, родителей это лишь забавляло. Если сын, рассердившись, кидал и бил о дверь стакан или пиалу, это их умиляло. Ни в чем не перечили сыну. Отец сказал, что ни в чем не знающий отказа, растущий баловнем и озорником, ребенок в свое время станет самоуверенным, ни перед чем и не перед кем не отступающим джигитом. И мать тоже ни в чем не отказывала единственному сыну. Он что хотел, то и делал. Как говорится “В наши дни отец, чтобы сын поступил в институт, сдает за него экзамены”, и отец смуглого парня, пользуясь своим служебным положением, устроил недоучку-сына в институт. В первую же сессию сын не сдал ни одного экзамена и его должны были отчислить. Родители срочно приняли меры и, достав у знакомого врача справку о мнимой болезни сына, сделали так, что он получил на год академический отпуск. Родители, словно их сын утомился от учебы, сказали: “Пока что отдохни, на работу потом устроим, ну, а если ты совсем не хочешь работать, тебе хватит заработанного нами, сам знай, как хочешь, так и поступай”. Все беды берут начало именно с этого времени. Ничем весь день не занятый юноша, вначале пил из интереса и от скуки, а затем втянулся в каждодневные попойки, ставшие болезненной привычкой. Вскоре он нашел компанию таких же, как и он, скучающих от безделья парней и теперь они стали пить вместе водку и вино. Этот образ жизни привел их поначалу к дракам между собой, а затем и к задиранию других, приведя в конце концов к хулиганству и другим безнравственным противоправным поступкам. Видя, что поведение сына становится совсем уж нетерпимым, родители только теперь попытались образумить его. Они то умоляли, то ругали его, но сын ни на что не обращал внимания и с каждым днем поступки и поведение его становились все наглее и развязнее. За драки на улице он уже два-три раза на большие сроки попадал под стражу. А родители из боязни, что это может отразиться на их репутации, старались поскорее выволить

сына из мест, куда его помещали после задержания. В конце концов их заботами сын превратился в своенравного, дерзкого джигита, пьяницу и хулигана. Теперь он и вовсе перестал считаться с родителями. Он дошел до того, что если отец не давал денег на выпивку, то отбирал их силой. Со временем он стал так поступать вместе с товарищами и в отношении других, незнакомых людей. Своим пьянством, хулиганскими поступками он довел родителей до отчаяния, втоптал в грязь их авторитет и репутацию их и они вконец устали от него, хотя он и был их единственным сыном.

Вот и сегодня, забрав лежащие на столе золотые часы отца и продав их кому-то дешевле их цены, он вместе с такими же, как сам, бездельниками, с которыми завел с недавнего времени компанию, затеял пьянку. Смуглый джигит - Нугыман прежде не держал при себе кинжала, ножа, или там кастета. На его несчастье сегодня один пьяница предложил ему по дешевке острый кавказский кинжал в ножнах. Рукоять кинжала была красиво отделана серебром и, вероятно, соблазнившись этим, Нугыман купил его. Завернув в газету, положил в портфель-дипломат, рассчитывая спрятать его в доме подальше от людских глаз. Выйдя из ресторана "Алма-Ата", их компания по улице Джамбула вышла на улицу Дзержинского. С остановки около Уйгурского театра они собирались разъехаться по домам. Двое из них должны были ехать на автобусе тридцать пятого маршрута в первый микрорайон. Нугыман собирался ехать к себе домой. Дом его находился на Октябрьской улице, около бани. Еще один его товарищ жил по соседству с ним, на той же улице. Автобус задерживался и порядком хмельные парни, развеселившись, отпускали всякого рода скабрёзности по адресу проходивших мимо них женщин. В это время к остановке подошел вышедший только что с данного им банкета Кайназар. Не находивший к кому привязаться и от этого наполнявшийся злобой пьяный Нугыман, пристально глядя на Кайназара, заговорил:

- Эй, курить есть? - сказал он.

- Кайназару не понравилось его “Эй”.

- Нет! - резко ответил он, внезапно рассердившись.

Теперь уже Нугыману не понравился тон Кайназара.

- Почему нет? Или ты некурящий?

Кайназар, видимо поняв, что он один, а их четверо, решил чуть сбавить тон.

- Да, некурящий я.

- Почему не куришь? Или считаешь себя лучше и умнее других? - Нугыман приблизился к Кайназару. - Раз не куришь, на, кури! - и, вытащив из кармана мятую пачку “Казбека”, сунул в лицо архитектору. - На, кури, кури!

Кайназар ведь тоже вышел из ресторана. Ему не понравилось, что пьяные, моложе его по возрасту, парни не считают его за человека, тычут в лицо “Казбеком” и он, разозлившись вдруг, отбросил руку Нугымана. Пачка “Казбека” вылетела из руки того и упала неподалеку.

Теперь к Кайназару приблизился рыжий здоровяк.

- Подними папиросы! - сказал он тоном приказа.

Проклятый автобус не показывался. Делать было нечего и Кайназар склонился к лежащей на земле пачке “Казбека”. И прямо в этот момент, как бы решив поиздеваться, третий пьяный парень пнул Кайназара сзади. Упавший на четвереньки и еле поднявшийся Кайназар сказал пнувшему парню:

- Ты что хулиганишь?

Это было все, что он сказал. Но до предела разогретым водкой, искавшим случая подраться, избить кого-нибудь, парням достаточно было и этого.

- Он еще огрызается! - сказал рыжий и с силой ударил Кайназара. Архитектор упал, как подкошенный. Это будто послужило сигналом и хулиганы дружно взяли его в пинки. Кайназар два-три раза крикнул: “Помогите! Помогите!” и, закрыв голову и лицо руками, старался избежать ударов. В этот-то момент и подоспел Еркебулан.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Впоследствии на суде Кайназар отвечал так:

- Я не видел и то, как прибежал ко мне на помощь Еркебулан, и то, как на него накинулись хулиганы, и то, как, защищаясь, он ударил ногой одного из них, даже то, как развивалась и чем завершилась драка я не видел, ничего, ничего я не видел, я тогда потерял сознание.

Председатель суда - молодая русская женщина с худощавым лицом спросила:

- Если вы потеряли сознание и лежали в бесчувствии, то как вы могли исчезнуть с места драки? Когда, задержав этих хулиганов и подозреваемого в совершении преступления Еркебулана Асыгатова и посадив их в машину, милицейский наряд хотел забрать вас с собой в качестве свидетеля, вас ведь не смогли найти. Не так ли, товарищ сержант милиции? - сказала она, глядя на смуглого, в милицейской форме молодого человека, участвующего в суде в качестве свидетеля.

- Именно так, - сказал сержант милиции, вскочив с места. - Когда мы, посадив участников драки в машину, стали искать этого гражданина, то не нашли его. Он, оказывается, успел каким-то образом уйти.

- Вы слышите, свидетель? - сказала председатель суда, - как вы смогли сбежать, находясь в бессознательном состоянии?

Кайназар вместо того, чтобы отвечать на вопрос председателя суда, сам задал вопрос сержанту милиции.

- Когда же вы это умудрились искать меня? - как бы недоуменно спросил он. - Разве вы не задерживали участников драки? А кто вам подсказал в этой сумятице, что есть человек из-за которого разгорелась драка и что он лежит где-то рядом? Или вы сами рассудили и пришли к выводу, что должен быть человек, явившийся причиной драки?

- И в самом деле, откуда вы узнали, что кроме участников

драки, должен быть еще и такой человек? - спросила председатель суда, опять посмотрев на сержанта.

Сержант милиции растерялся. “Да, ведь его не было среди дерущихся, как же я узнал?.. А... А, только сейчас вспомнил...

- Когда “Скорая помощь” уже увозила того упавшего, а позже скончавшегося парня, этот гражданин - он указал на Еркебулана - сказал, что там лежит сильно пострадавший его товарищ и просил его тоже увезти в “скорой”. Поэтому-то мы и стали его искать, а его там не оказалось.

- Понятно, - сказала председатель и затем посмотрела на Кайназара. - Таким образом, если вы лежали без сознания, то как же вы сбежали? - повторила она прежний вопрос. - Поясните нам это, гражданин свидетель. - В этот раз голос женщины прозвучал как у рассерженного чем-то человека.

То, что в руке у смуглого парня появился вдруг кинжал, лежавший на земле Кайназар увидел еще раньше, чем Еркебулан. В тот момент, боясь, что его убьют, он, спасая свою жизнь, пятась на четвереньках, добрался до деревьев и укрылся под их сенью. Затем, несмотря на боль во всем теле, перебегая от дерева к дереву, кинулся бежать по Сосновому парку. Обступившие Еркебулана хулиганы не обратили на него внимания.

Однако, Кайназар, рассудив, что его побег с места происшествия в то время, как его товарищ находился в смертельной опасности, будет расценен как предательство и трусость, не решился говорить о виденном. Конечно, нашедший в себе силы для побега человек, мог бы ведь употребить эти силы для того, чтобы оказать помощь, содействие товарищу. “Опять же, подумал он, возникнет следующий вопрос: почему, видя все это, ты не защитил товарища, не помог ему?” Больше всего он опасался этого вопроса. А разоблачить самого себя у него не хватило сил и духу. Поэтому-то он и избегал таких слов как “видел”, “знаю”. Больше всего думая о собственном благополучии он посчитал наиболее удобной и приемлемой для

себя формулу: “сказать “знаю” - значит много сказать, сказать “не знаю” - значит ограничиться этим”.

- Не знаю, ничего я не знаю, - сказал он, - не знаю и то, как спасся от них бегством, только тогда, когда пробежал две-три улицы от парка, я понял, что иду один.

- А как вы узнали, что пробежали две-три улицы? - спросила опять председатель суда.

- Этого я тоже не знаю, - сказал Кайназар, - это я сейчас прикидываю.

- Ради вас ваш товарищ идет на драку с группой хулиганов, а вы... - председатель суда, не завершив мысль, прервала себя. - Ладно, садитесь, - сказала она. - Очень уж вы испугались, оказывается.

Слушавший, что говорит Кайназар, Еркебулан был удивлен. “Надо же, оказывается бывают такие трусы, которые не видят то, что происходит рядом. Ведь Кайназар не был таким, - вдруг ему вспомнились один-два смелых поступка товарища, например, такие, как его прыжок в воду с высокого обрыва или умение перебежать пути перед мчащимся во весь опор поездом - это он видел собственными глазами. - Как же это он так? Или, или он не хочет поддержать меня? Ведь для этого, кажется, не было причин...”

Хотя Кайназар утверждал, что ничего не видел, один из троих хулиганов, которых должны были судить вместе с Еркебуланом, самый младший из них, худощавый с заострившимися чертами лица паренек, один из тех двоих, которые собирались тогда ехать в микрорайон, сказал правду. Он, ничего не скрывая рассказал о том, как они в тот день пили до опьянения на деньги Нугымана, о том, как Нугыман купил у одного пьяницы подешевле кинжал, о том, как во время драки извлек из поставленного на землю дипломата кинжал и кинулся с ним на Еркебулана, о том, как он испугался при этом, и о том, как Еркебулан приемом каратэ - ударом ноги в живот уложил Нугымана навзничь на землю, короче говоря, рассказал обо всем, что видел в тот момент.

- Если бы подсудимый Еркебулан Асыгатов ударом ноги в живот не сбил с ног вашего товарища, то что бы ему сделал этот ваш, впоследствии скончавшийся, товарищ? - спросила председатель.

- Убил бы, - сказал подсудимый с бледным лицом, - слов нет, убил бы. Мне ведь известен характер Нугымана, в злобе он никого не щадил. Еще раньше он и меня пару раз ударил своим дипломатом.

Не в силах противостоять сильным своей настойчивостью вопросам судьбы и второй из собиравшихся ехать в микрорайон подтвердил правдивость сказанного товарищем.

Рыжий здоровяк, который в той драке так и не смог отомстить Еркебулану и до сих пор жалел об этом, хотя и подтвердил факт покупки Нугыманом кинжала, однако заявил, что не видел как его товарищ кинулся с тем кинжалом на Еркебулана.

- Тогда откуда взялся этот кинжал на месте драки? - спросил судебный заседатель, пожилой рабочий. - Может быть его кто-нибудь подбросил туда?

- Не знаю, - сказал рыжий. Затем он зло посмотрел на задержавшего его, не дав возможности убежать, сержанта милиции, - может быть, чтобы обелить совершившего убийство, этот сержант...

- Гражданин сержант! - поправила его председатель суда.

- Да, может быть гражданин сержант открыл дипломат Нугымана и специально подбросил кинжал, откуда мне знать...

- Хорошо, садитесь, - сказала, чуть хмурясь, председатель суда. - Понятно.

Перед вынесением приговора суд зачитал заключение судебно-медицинской экспертизы, вынесенного с привлечением спортивных специалистов-экспертов. В заключении констатировалось, что примененный в отношении нападавшего с кинжалом в руке Нугымана прием каратэ был применен в порядке самообороны и что этот прием в обычных условиях

не вызывает гибели человека. Было установлено, что Нугыман, упав после проведенного Еркебуланом приема на землю, ударился затылком об оказавшийся тут же камень, в результате чего наступила смерть. Суд, опираясь на показания обвиняемого и показания противоположной стороны и заключение экспертизы, а также учитывая личность пострадавшего, учтя, что смерть Нугымана наступила в результате оборонительных действий Еркебулана и что при самозащите Еркебуланом не был применен особый, ведущий к смерти прием и им не были превышены пределы необходимой обороны, квалифицировал происшествие как неосторожное убийство. По статье девяносто первой Уголовного кодекса Казахской ССР суд приговорил Еркебулана к двум годам лишения свободы. Хотя в этой статье срок наказания определен до трех лет, суд принял во внимание то, что Еркебулан не был ранее судим, положительные характеристики, данные институтом, где он работал, руководством заочной аспирантуры. Однако суд не принял во внимание высказанное в заключительном слове предложение и прокурора и защитника “надо судить по этой статье, однако мера наказания должна быть условной”. Не воспитав правильно сына, начисто забыв о собственной вине, всецело поглощенные лишь своим горем родители Нугымана, занимавший высокое положение отец и известная уже в научных кругах мать, требовали тяжкой кары для убившего их сына джигита, даже смертной казни. И это их требование не было игнорировано судом. При таких обстоятельствах, в результате которых родители Нугымана переживали тяжелое горе, суд решил, что два года тюремного заключения еще не самое строгое наказание. Жаль, что вынесший такой приговор суд, учтя требования убитых горем родителей пострадавшего, не подумал о тоже переживающих тяжелое горе родителях Еркебулана. Не принял во внимание то, что они учили сына держать в чистоте свою совесть и честь, воспитывали его в

любви к Родине, народу, товарищам, их чистые, ничем не запятнанные помыслы. Два года тюремного заключения - были тяжелым наказанием не только для убившего человека, однако убившего неосторожно, при самозащите, Еркебулана, но и для оберегавших, как зрачок глаз своих, от всяких случайностей своего единственного Асыгата и Кырмызы и других подобных им честных людей. Вот поэтому-то эти два года, которые суд счел справедливой мерой наказания, показались родителям Еркебулана ничем не меньше двухсот лет.

Лишь Кайназар, выслушав приговор суда, надолго умолк, как бы перебирая в уме открывающиеся перед ним перспективы. Ему было безразлично, справедлив или несправедлив приговор. Лишь через некоторое время он тяжело вздохнул: "Да, за два года всякое может случиться, кто-то будет, кого-то не станет..." - сказал он сам себе.

В какое положение попал, Еркебулан понял в тот день, когда его перевели в большую тюрьму. В камере, куда его ввели, находился разного рода народ. В соответствии со статьей его поместили в камеру, в которой содержались осужденные за убийство, кражу, хулиганство, словом всякие отбросы общества. Вся его недолгая жизнь прошла среди вежливых, образованных, честных людей, среди молодежи с чистыми помыслами и, увидев здесь людей с вороватыми глазами, пристально разглядывавших его, Еркебулан испугался. Если бы прежде, когда он, веселый, свободно разгуливал с товарищами по зеленым улицам Алма-Аты, кто-нибудь сказал ему, что в одной камере может быть собрано столько людей с преступными наклонностями, он бы не поверил. А сегодня? Но разве все они такие? Может быть, среди них есть и те, кто, как и он, пытаясь дать отпор злу, обрел несчастье?

Особенно тяжелое впечатление произвело то, что на другой день его наголо обрили, лишив густых черных волос и уже подросших усов, и сфотографировали.

Повесив ему на шею деревянную дощечку с несколькими цифрами, его сфотографировали в разных позах и эта процедура навсегда врезалась в его память.

В тот момент он понял, что теперь он заключенный под таким-то номером. В случае побега правоохранительные органы будут искать его по этой фотографии.

Еркебулан не знал, верить или не верить ему тому, что он неожиданно попал в такое положение. Однако, ничего не поделаешь, надо верить. И эта тесная, набитая людьми камера, и вон тот бритоголовый уголовник, который смотрит на него, - все это правда, наяву.

А что скажет Жулдыз, если услышит? Как он теперь посмотрит в глаза родителям? Он знал о том, что отец пришел на суд. Хотя и не видел его воочию, но сердцем чувствовал где тот сидит и в каком состоянии находится. Однако повернуться и посмотреть на отца у него не хватило духа. И в то, что придет мать, он тоже верил. Знал, что она не усидит дома, придет, чтобы увидеть единственного сына. Еркебулану было известно и то, что увидеть хоть раз сына - самая большая ее мечта. И все же он не хотел видеть мать в нынешнем своем положении. Как он посмеет посмотреть ей в глаза? Все же судьба смилостивилась над ним - мать не пришла, тяжело заболела. Какое облегчение, какое счастье для него то, что мать не пришла.

Он в тот день не разговаривал ни с кем, молчаливый, словно мир навсегда пропал для него, и мрачный, взобрался на свои нары и лег, отвернувшись.

Начал вспоминать с начала до конца все, что с ним случилось.

Из головы не выходил Кайназар, образ его все время стоял перед глазами. Особенно вспоминалось позавчерашнее выступление того перед судом.

Вдруг Еркебулану вспомнился один происшедший двумя годами раньше разговор.

Это было в год окончания института. Они встретились на Тверском бульваре в Москве. Перед этим они все лето провели в составе строительного отряда на целине. В тот день их обоих за хорошую работу наградили грамотами Центрального Комитета Ленинского комсомола.

Они уселись рядом - на скамейку на Тверском бульваре. У обоих было приподнятое настроение. Особенно Еркебулан был рад полученной грамоте. Ведь большое дело - правильно оценить труд. Еркебулан так и понимал это. К тому же, сегодня, желая порадовать родителей, он написал им письмо, рассказав в нем о награждении. Написал он и о том, что Кайназар тоже получил грамоту.

Разговор между ними шел о том, что любая исполненная работа, несмотря на масштабы, должна быть оценена. Вдруг Кайназар возразил:

- В целом, заключение преступника в тюрьму, а так же награждение за трудовое отличие орденом, медалью или там грамотой - пережиток буржуазных институтов, - сказал он.

- Неверно, - возразил ему Еркебулан, - наказание преступника практикуется издревле. Даже у таких, как казахи, кочевых древних народов существовали такие, предназначенные для содержания преступников с целью наказания места, как зинданы. Это были первые прообразы тюрем. Ну, а преподношение почетного оружия за боевые подвиги или наделение скотом и имуществом за какие-либо другие отличия - это тоже идущий из древности обычай. К примеру, в древней Греции первенствовавшим на олимпиаде надевали на шею лавровый венок. Это тоже дальний предок нынешних орденов и медалей. Буржуазные институты своими орденами, тюрьмами лишь придали новый облик этим старым традициям.

- К тому же какой облик! - воскликнул Кайназар. - Ты говоришь, в старые времена существовали зинданы... Хорошо, предположим, что в зиндан посадят одного человека, десять

человек, пусть даже сто человек. Ты и сам знаешь, что до сих пор археологи не раскопали ни одного, рассчитанного на тысячи заключенных, зиндана. А если взять буржуазные тюрьмы и лагеря, то в них содержатся не сотни, а тысячи заключенных. Опять же, если в древности в одних соревнованиях, или в одном сражении за первенство, или за отвагу лавровый венок возлагали на двух-трех отличившихся, то буржуазный институт награждения завел обычай награждать орденами, медалями тысячи, даже десятки и сотни тысяч человек. Отличиться перед другими, превзойти их в чем-либо - это слабость человеческая. И об этом хорошо знала буржуазия. Если ты будешь преданно на меня работать, храбро сражаться, получишь от меня ордена, медали, - сказала она. И знавший об этом солдат, не щадя живота своего, старался показать свою отвагу в бою.

На это Еркебулан вновь возразил:

- Нет, солдат воевал не ради орденов и медалей. Он воевал за свою землю, воду и жизнь. Если он проявит отвагу, героизм на войне, значит его желания и желания пославших его воевать людей совпадают. Например, до Октябрьской революции период, когда русские солдаты получили наибольшее количество орденов и медалей, особенно медалей, приходится на время командования русскими войсками Суворова. Суворов сумел и словом, и делом внушить неграмотному русскому мужику-солдату, что Родина, называемая Россией - это дорогое понятие. По этой причине русские солдаты показали миру множество примеров героизма.

Как раз в это время мимо них прошел ветеран Отечественной войны, вся грудь которого была увешена орденами и медалями.

- Почему, ты думаешь, этому человеку дали столько орденов и медалей? - спросил Кайназар.

- За проявленный героизм на войне.

- Иначе говоря, за убийство себе подобных, не так ли?

Еркебулан не на шутку рассердился тогда. Он испытывал особое уважение к ветеранам Великой Отечественной войны. Особенно сильны были его симпатия и любовь к проявившим героизм, прославленным в народе сынам и дочерям своей Родины. И этот прошедший мимо них человек, судя по его наградам, безусловно, один из таких ветеранов. А Кайназар...

- Ты о чем говоришь?! - сказал он с обидой на товарища. - Если он убивал, то убивал не людей, а фашистов. Убивал топтавших нашу землю, уничтожавших наш народ врагов...

Кайназар перебил тогда Еркебулана.

- Откуда ты знаешь, что все убитые этим ветераном люди были фашистами, нашими врагами? - сказал он. - А что, если вместе с этими людьми он убил хотя бы одного честного, бывшего за нас, человека? Разве ты не знаешь, что убить одного невинного более тяжкий проступок, чем убить сотню виновных?

Когда сейчас Еркебулану вспомнились эти слова товарища, он нахмурился. "Ведь только вчера Кайназар говорил так. Убить одного невинного более тяжкая вина, чем убить тысячу виновных", - сказал он. Выходит тогда, осудить невинного на два года - легкий проступок, меньшая вина? Да, Кайназар, видимо, счел мои действия преступными. Похоже, поэтому он не захотел вступить за меня". Он вновь начал припоминать тот разговор на бульваре.

- Что ты хочешь этим сказать? Ведь война есть война и как там разберешься кто из противостоящих тебе врагов виновен, а кто не виновен? - сказал тогда Еркебулан, с укором посмотрев на товарища.

- Вот, вот, твои рассуждения теперь только начали сближаться с моими, - говорил Кайназар. - Конечно, все противостоящие тебе - враги, и, слов нет, ты не станешь разбираться у кого что на душе и уме. Поэтому ты обязан убивать всякого, кто занимает противоположные позиции. Потому как, если не убьешь его ты, он тебя убьет. Вот в чем существо вопроса.

В тот день к ним подошел еще один их товарищ и их спор не завершился. Сейчас Еркебулан был занят обдумыванием концовки того спора. В целом, проявление мужества, отваги, героизма - не порождено лишь защитой собственной жизни или интересов, хотя конечно, нельзя сбрасывать со счетов и эту причину, героизм зарождается в основе своей, все равно, на войне или в труде, из любви к Родине, к труду, из желания сохранить в чистоте свои совесть и честь. Это было ясно для Еркебулана. Он знал и то, что не все бесстрашные, мужественно исполненные дела можно отнести к числу героических. Твой мужественный поступок должен быть поступком, положительно воспринимаемым людьми, во имя их блага. Вот сам он не испугался, один схватился с целой группой хулиганов. А что из этого вышло? Погиб чей-то единственный сын, пусть и хулиган. Сам он осужден. Что дало ему его смелость и мужество? Нет, нет, он защитил товарища. Он не оробел перед тем, что их было много. Если бы он не вступился, то, кто его знает, ходил бы или нет сейчас по земле Кайназар? Да, это так. Ведь было очевидно, что пьяные подонки не пощадили бы его. Суд в своем приговоре нашел, что все его действия были продиктованы защитой самого себя. Неужели это и в самом деле так? Разве не с целью защиты товарища он ввязался в драку? Ведь это так. Разве он думал в тот момент, что эта шпана накинется на него? Нет, конечно. Все беды начались с исполненного тогда товарищеского долга. И такой товарищ.... Ладно! Перед ним моя совесть чиста! А на счет своей совести Кайназар пусть задумается сам!

Еркебулан вновь задумался. “А если бы вместо Кайназара они пинали кого-нибудь другого, вступился бы он тогда? Может быть, считая, что до незнакомого человека ему нет дела, он пошел бы своей дорогой? Нет, конечно. Он все равно вступился бы. Все равно, не сказал бы, что их много, не проявил трусость.

А Кайназару, хотя он это и не говорит открыто, и враг, и друг, все одно - человек. Он говорит: “человека нельзя убивать.”

Это пацифизм. А у него тогда что? Разве он не сказал только что: “Кем бы он ни был, я люблю его как Человека”? Или он хочет, как и Кайназар, сказать: “и враг, и друг - одинаково люди. Человека нельзя убивать”? Нет, нет, это совсем не так. Вдруг ему вспомнился повешенный той ночью на качелях парень. Разве, жалея того парня, Еркебулан не сказал тогда: “Эх, поймать бы убийц этого парня, и самих так же вот повесить!” Сказал. А сейчас что? Нет, нет, есть Человек и есть Враг Человека, и те убившие того парня выродки - Враги того самого Человека. Если ты не убьешь своего врага, он сам тебя убьет. Если ты не защитишь Родину, то Враг этот, если сильнее тебя, будет попирать ногами твою Родину. В таких случаях не должно быть места пощаде. Это не пацифизм”. Мысли Еркебулана опять свернули в другое русло. “Хорошо, ты человек, придерживающийся этого принципа. Поэтому-то ты из-за товарища ввязался в драку. Кончилось тем, что когда опасность стала грозить тебе, ты ради собственного спасения убил человека. Так что же, выходит, твое мужество порождено желанием спасти свою жизнь? Нет, нет, совсем даже не так. Я убил его не ради собственного спасения. Всего лишь не хотел умирать, защищал свою жизнь. А его смерть - случайная смерть. Даже если я способствовал тому, что он ударился затылком о камень, все равно я не виноват. И способствовал я этому не из желания убить его, я просто защищал свою жизнь. Поэтому приговор суда, в котором говорится, что смерть Нугымана явилась следствием неосторожных действий с моей стороны, для меня тяжек. Тяжек! Однако каким бы тяжким он ни был, он справедлив. Если мне дали два года, то дали их за сам факт смертельного исхода. Хотя я и не совершил злодеяния, срок мне дали за то, что способствовал, пусть и не преднамеренно, этой смерти. Теперь уж ничего не поделаешь, надо нести на плечах этот груз, надо отвечать за содеянное!

Однако эти два года в наш быстрый век слишком долгий срок. Многие за это время изменятся...” Внезапно Еркебулан

побледнел, как полотно. “Неужто изменится и любовь Жулдыз ко мне? Нет, нет, этого не может быть”. Еркебулану не пришло при этом в голову, что он потерял Жулдыз. Он рассуждал, будто его любимая сидела с ним рядом. Воображение вернуло его в прошедшие дни и напомнило один их разговор, состоявшийся шесть месяцев назад.

- Была бы эта наша любовь на всю жизнь, я хочу этого, - сказал тогда Еркебулан, целуя Жулдыз в губы.

- Нет, я хочу, чтобы она была вечной, - сказала девушка.

- А ты выдержишь весь этот срок?

- Выдержу. До самой смерти буду хранить память о тебе.

- Хранить память - это мало.

- Тогда я вечно буду твоей. Поклянусь, если ты хочешь.

- Нет, я и без этого тебе верю!

Еркебулан тяжело вздохнул: “Если ты верил в тот радостный для тебя миг, то почему не веришь словам любимой сегодня, в горестную для тебя минуту? Неужели у человека всегда так переменчиво душевное состояние?”

Через десять дней пришел отец. Щеки его ввалились, он вконец исхудал, как после тифа. Он поцеловал Еркебулана, как в детстве, в лоб и, положив ему на плечо руку, сел рядом.

- Как мама, отец? - спросил Еркебулан, не поднимая головы.

- Сейчас ей лучше, - сказал Асыгат. - Сегодня она собралась было пойти со мной к тебе, да вот неожиданно прорвало трубу и она осталась ждать ремонтников.

Конечно, Еркебулан сразу же понял, что отец не хочет огорчать сына и выдумал все это. Если бы мать могла ходить, она бы не смогла оставаться дома. В то время как Еркебулан томится в тюрьме, не только прорыв трубы, но и пожар в доме, не смогли бы удержать ее дома и она птицей прилетела бы к сыну. Однако, Еркебулан ничего не сказал отцу.

- Не к спеху, придет в следующий раз, - сказал Еркебулан.

- Он тяжело вздохнул. - Разве тюрьма место для свидания матери с сыном? Знаю, вам нелегко приходится от всего этого.

Однако, ничего уже не поделаешь, придется вам терпеть. - Затем, понизив голос, заговорил шепотом. - Если можете, постарайтесь простить меня, я не предполагал, что так огорчу вас.

- О нас не беспокойся, - сказал отец бодрым, приподнятым голосом. И все же Еркебулан уловил в его голосе нотки усталости, безнадежности. - Только вот ты сам будь стоек. Всякое может быть в жизни настоящего мужчины, все это бытие, пролетит как один день и скоро забудется. - Еркебулан понял и то, что этот приподнятый тон отца предназначен для придания ему бодрости, энергии и он только кивал в ответ: "Конечно, все это так, правильно говорите, верно говорите". Он тоже учитывал настроение отца. А Асыгат между тем продолжал:

- Кстати, я тоже написал в вышестоящие судебные инстанции.

- О чем?

- В заявлении я перечислил свои заслуги, написал о том, что ты честный молодой человек с чистыми помыслами, что прежде ты не был судим, что попал в такое положение, защищая товарища, просил принять все это во внимание, оправдать тебя или заменить приговор суда на условную меру наказания.

- Эх, не знаю, согласится ли на это суд, - сказал Еркебулан нахмурившись, - ведь отец умершего парня занимает, говорят, высокую должность и, по словам адвоката, предъявляет к суду претензии за то, что мне мало дали...

Отец спокойным тоном сказал в ответ:

- Да, это так. Можно тоже понять горе и гнев этого человека. Ведь он потерял единственного сына. Однако не могу понять зачем он упорно стоит на своем, зная, что ты сделал это не преднамеренно, а защищаясь от кинжала его же сына, будто сын его воскреснет, если суд добавит тебе сроку. Человек и в горе должен быть справедлив. Почему он хочет вместо одного сына сделать жертвой другого, чужого сына? Разве это облегчит

определенные судом низшей инстанции были заменены тем же сроком условного наказания. Сразу же после выхода из тюрьмы Еркебулан решил встретиться с товарищем и потребовать от него объяснений. Однако, Кайназара в это время в Алма-Ате не было. Он вновь уехал в командировку в Бийск.

В день приезда Кайназара в Бийск здесь стоял крепкий мороз. Назавтра потянул с Тихого океана теплый ветер и погода сразу же изменилась. К полудню совсем развиднелось и показалось даже солнце. Сегодня было воскресенье, день отдыха. Кайназар пришел в знакомое уже ему общежитие, надеясь увидеть Жулдыз. Жулдыз, как и в прошлый раз, сбежала по ступенькам и, радостно улыбаясь встретила гостя. На ней было просторного покроя платье-халат с широкими рукавами, волосы были собраны на затылке в узел. Обежав взглядом фигуру торопливо приближавшейся к нему Жулдыз, Кайназар подумал: “Полнеть начала она что ли?” У Жулдыз в это время уже начал проявляться живот. Тонкая прежде талия ее начала округляться и она, не желая показывать это, надела прямого покроя халат. И все же от радости большие черные глаза ее светятся улыбкой, щеки разругнулись.

После того как были исчерпаны неизменные в таких случаях “Когда приехал?”, “Как поживают тамошние друзья и знакомые?”, “Как там Алма-Ата?”, “Теплая ли нынче зима?” Жулдыз сказала:

- Сейчас, вы подождите меня здесь, я оденусь и выйду, - и она пошла наверх.

Глядя на поднимающуюся по лестнице Жулдыз, Кайназар понял, что фигура девушки много изменилась в сравнении с прежней. Настроение стало падать. После того как Жулдыз, одевшись, спустилась вниз, взгляд его упал на высыпавшие на ее носу веснушки и мысли его совсем смешались. Прежде этих веснушек не было. Только теперь до сознания Кайназара дошло, что Жулдыз действительно беременна. И тут же холодок пробежал по его телу, в сердце вселилась обеспокоенность. Ведь

ревность довольно таки необузданное чувство и если она завладела всем твоим существом, трудно укротить ее! Кайназар тоже не был в силах справиться с ней. Все, на что он был способен, так это коротко отвечать “да, это так, правильно” на вопросы Жулдыз, а в основном он шагал молча. И все же первые неистовые волны ревности постепенно начали утихомириваться. Теперь на Кайназара навалились разъедающие душу подозрения. Неужели подтверждается слух о том, что она, бросив учебу, уехала с приехавшим после службы в армии парнем, которого прежде любила? Или... Или... и ему вспомнились слова одного медика: “если единоутробные брат и сестра вступают в связь, то от них не бывает потомства”. “Нет, нет, ведь они не родные брат и сестра”

После суда над Еркебуланом Асыгат разыскал Кайназара. Перед тем как подать заявление в Верховный суд, он насколько верил Еркебулану, настолько же не верил заявлению Кайназара на суде, когда тот сказал “я ничего не знаю”. Поэтому он решил еще раз прояснить для себя обстоятельства происшедшего.

- Кайназар, свет мой, ты и Еркебулан с малолетства росли вместе, - сказал он, вызвав Кайназара из его рабочей комнаты и прохаживаясь с ним по аллее перед проектным институтом. - Когда мы привезли Еркебулана из аула, куда ездили отдыхать, ты должен был поступать в первый класс. Со дня приезда Еркебулана из аула вы стали неразлучными друзьями. Я ни разу не видел, чтобы вы хоть раз подрались или там поругались. И в детские годы ты был ему защитой. Помню, как-то соседский мальчишка-задира стал дразнить Еркебулана “приемыш, приемаш”, так ты, ударив того задиру своим кулачком, расквасил ему нос.

Кайназар насторожился.

- Приемыш? Почему приемаш?

Асыгат с удивлением посмотрел на него.

- Ты разве забыл, что Еркебулан наш приемный сын?

Однако, хоть и не родной, но для нас он родней и ближе всякого родного сына. Ты и это знаешь. Мы привезли Еркебулана из аула в тот год, когда потерялась наша Жулдыз. - Асыгат рассказал Кайназару обо всем, что тогда произошло. Затем он вновь обратился к Кайназару: - Так вот, с тем Еркебуланом вы с малолетства вместе росли. Кажется, и он не обидел тебя ни чем. Знаю я, что он ради тебя готов душу заложить. И вот этот твой друг попал в такое положение. На суде ты вместо того, чтобы защищать его, заявил "я ничего не знаю". Возможно, у тебя была какая - то причина говорить так перед судом. А мне, я надеюсь, отцу твоего закадычного друга, ты скажешь правду. Я нигде не использую сказанное тобой. Но я собираюсь подать завтра заявление, у меня должна быть чистая совесть. Если за моим сыном есть хоть малейшая вина, то я не могу писать такое заявление. Да и права на это не имею. Если ты видел, скажи правду. Это мне необходимо.

- Значит, вы не верите словам Еркебулана? - сказал Кайназар.

- Почему не верю? Верю, Поэтому - то я и собираюсь подавать заявление. А услышанная от тебя правда была бы для меня духовной поддержкой. И еще более убедила бы меня в невинности моего сына.

Кайназар надолго умолк. Затем сказал:

- Пишите свое заявление. Еркебулан невиновен. Вот что я знаю: когда хулиганы набросились на меня, его со мной не было. Он услышал мой голос и прибежал. В эту беду Еркебулан попал, защищая меня. Я перед ним в неоплатном долгу. Жив буду, оправдаю этот долг. - Затем Кайназар тяжело вздохнул. - Как Еркебулан убил того парня, как я ушел с того места, - я ничего не помню. Я и сам не понимаю, то ли в тот момент мозг у меня ничего не воспринимал, не сработал, то ли еще что со мной сделалось.

Асыгат поверил тогда Кайназару. "Возможно, нечто подобное и случилось с ним. А то что бы стоило ему рассказать об увиденном", - подумал он.

А сейчас Кайназар, всеми чувствами, душой, сердцем, которого всецело завладела ревность, вспомнил не вторую половину сказанного Асыгатом, а первую. Ему захотелось узнать от кого забеременела Жулдыз. Неизвестно почему, но он желал, чтобы забеременела она не от Еркебулана, а от кого-то другого. Будто от этого ему было бы легче. Почему так? Этого он и сам не понимал. “Да, да, ясно, что Еркебулан и Жулдыз не родные брат и сестра. Но если между ними действительно была близость и если любовь Жулдыз к Еркебулану действительно имеет место, то почему тогда Жулдыз бросила неоглядно учебу и уехала из Алма-Аты? Теперь надо, раскрыть правду, разрешить эту загадку”. Думавшему об этом Кайназару, как раз в этот момент Жулдыз задала вопрос:

- Что поделявает Асыгат-агай и Кырмызы-апай? - сказала она.

- Надеюсь, их обходят стороной болезни и хвори?

- Живы - здоровы, - сказал Кайназар. - Однако горе из-за хоть не родного, но ставшего родным, Еркебулана.....

Запомнившая сказанное Кайназаром в прошлый раз “Еркебулан пьет без меры”, Жулдыз насторожилась, услышав эти не понятные слова.

- Почему вы говорите “хоть не родной, но ставший родным?” - резко обернувшись, спросила она.

- Разве ты не знаешь?

- Чего это я не знала?

- То, что Еркебулан им не родной сын? И что родная их дочь - это ты.....

- Убей меня, если я что-нибудь понимаю. - Эти слова она произнесла имея в виду не себя, а Еркебулана.

Кайназар пересказал ей все, что он услышал от Асыгата. Жулдыз слушала молча. Закончив свой рассказ, он, как бы говоря “почему ты умолкла?”, посмотрел на Жулдыз. Увидел девушку, по щекам которой струились слезы и лицо которой начала уже озарять радостная улыбка.

- Все, что ты рассказал, правда? - спросила вдруг осипшим голосом девушка.

- Правда. Правда, - сказал Кайназар, не смея дать другой ответ на полный надежды вопрос девушки.

- О, боже, бывает, оказывается и такая радостная весть! - вскрикнула вдруг она радостно. - Когда ты возвращаешься?

- Завтра.

- Нет поедем сегодня! Нет, прямо сейчас поедем! В этот раз я, не отстану от тебя! Вместе с тобой поеду в Алма-Ату! Объявляю отцу, что у него есть ребенок! Обрадую! Скажу ему, что его больше жизни любит не один человек, а уже двое.

Кайназар помрачнел. Теперь он все понял, Как бы сказав: "сейчас я остужу твою радость" он, заставив себя изобразить улыбку, обратился к Жулдыз:

- Ты не торопись ехать со мной, - сказал он. - Сначала напиши заявление, уволься с работы. Получи расчет. Тебе незачем спешить к Еркебулану. Он убил человека и осужден.

- Что ты говоришь?

Только что начавшая познавать, что такое безмерная радость Жулдыз вся содрогнулась и побледнела, словно кто-то вылил на нее холодную воду.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Не зная куда уехала Жулдыз, Еркебулан после освобождения из заключения, как утомленный долгим бездействием и ослабевший от неволи человек, в течение нескольких дней, приходя в себя, ходил сам не свой. И все же, с тех пор как он узнал, что их с Жулдыз связь оказалась безвинной, не противоестественной, настроение его было очень радостным. К тому же им овладела надежда, что не сегодня, завтра он встретится с любимым человеком. В том, что увидит Жулдыз Вновь, будет с ней, Еркебулан нисколько не сомневался.

Поэтому он с нетерпением ждал каждого нового рассвета, каждого нового восхода солнца. Если пройдет эта ночь и наступит рассвет завтрашнего дня, то вместе с этим рассветом он получит весточку от Жулдыз, казалось ему все время. Увы, он не знал, что именно в эти дни Жулдыз встретила с такими же, как у него тонкими чертами лица, с такой же, как у него, чистой любовью джигита по имени Абиьлкасым. А если бы Еркебулан знал об этом, то и эта надежда, и предвкушение радостного дня встречи враз бы померкли, исчезли навсегда. Конечно, померкли бы пока он не понял, не разобрался. Таким образом Еркебулан, у которого в глубине сердца не гас этот яркий лучик надежды, сдерживая сам себя, вновь приступил к работе. Не приступить он не мог, так как, во-первых, он давно уже был оторван от любимой им архитектуры, по - настоящему соскучился по ней. Вновь вернуться к своим вычерченным в те бессонные ночи чертежам, взвесив заново на весах разума решенные всплесками его фантазии, лишь им возведенные в ранг заветной мечты, сокровенные планы, с наслаждением погрузиться в глубины мысли - это были самые что ни на есть желанные на свете, любимые часы Еркебулана. Во-вторых, как раз в это время руководство института поручило его отделу срочную работу. Их обязали разработать проект общественно-культурного центра одного из вновь строящихся районов Алма-Аты. Еркебулан счел своим долгом как можно быстрее приступить к этой работе. По этой причине, как бы ни было его сердце заполнено Жулдыз, он всецело погрузился в порученное дело.

Сын поэта, Еркебулан с детства был знаком с фольклором казахов. Он любил читать и перечитывать “Кыз-Жибек”, “Кобланды”. Он поражался фантазии пасшего все века скот, временами, взяв в руки оружие, поднимавшегося на защиту своих земель и вод, кочевавшего по беспредельной степи, где проносились в бешеном галопе табуны куланов и бродили стада степных антилоп-кииков, своего родного народа, породившего

Тайбурыла, у которого “верхняя губа подпирала небо, а нижняя губа упиралась в землю”, Тазша-балу, “Сорок небылиц” которого ничем не уступают, если не превосходят, сказочные приключения барона Мюнхгаузена. А в архитектуре он с особой любовью уделял внимание строительному искусству древнего и средневекового Востока. Такие шедевры зодчества тех времен, как знаменитые мазары “Шахи-Зинда” (“Живой царь”) в Самарканде, строительство которых началось в седьмом веке, входящие в расположенный там же ансамбль Регистан медресе Шир-Дор, Тилля-Кари, Улугбека, и медресе Мир Араб, и минарет Калян в Бухаре, мавзолеей-мечеть Ходжи Ахмеда Ясеви в Туркестане, минарет Сюимбике в Казани не один раз наполняли его душу восхищением, заставляя замирать сердце. Их красочный облик, разноцветье красок изразцов и резного орнамента, придающее им особую прелесть, волновали и его мысли, эти бессмертные творения зодчих древности придавали крылья его воображению, фантазии. Конечно, не следует думать, что он собирался переносить в новую эпоху, в социалистическую действительность строительные каноны старых времен, копировать все эти древние мечети, мазары, медресе. Те древние изящно-торжественные постройки должны, придавая новое направление его воображению, порождать новые строительные формы новой эпохи. По его замыслу, эти новые формы, будучи национальными по внешнему облику, должны заключить в себе социалистическое содержание. Вот поэтому он считал более подходящими для Алма-Аты такие здания как “Дворец молодоженов”, или здание ресторана “Аул” на Кок-Тюбе, чем некоторые слишком высокие здания вроде громоздких ресторана “Алма-Ата”, кинотеатра “Целинный”. В этих зданиях есть признаки национального, но его не удовлетворяло то, что архитекторы не подняли на более высокую ступень это свое хорошее начинание, замысел.

В общественно-культурном центре порученного ему нового района, на незастроенной, свободной до сих пор обширной

площади должен быть заложен парк, по периметру которого должны быть построены здания: на восточной стороне - Дворец культуры, на западной - кинотеатр, на южной - Дом пионеров и на северной - спортивный комплекс. В первую очередь Еркебулан вместе с подчиненными ему десятью молодыми архитекторами, строителями, скульпторами должен был определить какими должны быть: парк, широкие аллеи, цветники, несколько фонтанов. Вдоль каждой аллеи, по обе ее стороны растут соответствующие ей березы, сосны, дубы, ели. Каждая из аллей имеет свое название, вроде как: березовая аллея, сосновая аллея и так далее. Между двумя аллеями, например, березовой и сосновой, высажены уже другие деревья и кустарники - дуб, ель, сирень. Особое отличие этого парка от других парков, даже от парков в других городах - здесь должна быть установлена скульптура Ленина, но не широко распространенная известная скульптура, изображающая вождя таким, каким он был в период Октябрьской революции, а скульптура молодого, еще юного Ленина, когда закончив гимназию, он впервые включился в революционную деятельность. В руке у него книга, он в глубоком раздумье. Этот молодой образ как бы придает некую символику молодому городу. Еркебулан решил всей этой площади, окружающим ее зданиям, дворцам придать черты замечательных шедевров архитектуры прошедших веков, их торжественный облик, переосмыслив их применительно к современности, к эпохе социализма. Например, Дворец пионеров по форме и внешнему облику он намеревался проектировать наподобие старинных караван-сараяв, называемых в странах Востока "рабат", занимающих в столицах царств тех времен площадь до одного гектара, в которых останавливались на постой иноземные гости, посольства, купеческие караваны. Дворец - не двухэтажное, не трехэтажное здание, а одноэтажное, все его отдельные, утопающие в зелени части продолжают друг друга, оно с широкой крышей, залитое светом. Музыкальный зал очень

высокий, в смежных с ним помещениях несколько просторных мастерских, за ним располагается танцевальный зал, зал для репетиций певцов и музыкантов. Все они просторные, великолепно освещены. Снаружи здание украшено многокрасочным узорчатым казахским орнаментом. А изнутри интерьер его поневоле заставляет вспомнить сказки восточных народов. Портал Дворца культуры напоминает портал медресе Улугбека, здание увенчано куполом. Примененные в полной мере восточные мотивы придают ему великолепие и торжественность. Такие же национальные традиции использованы применительно и к красиво-нарядному кинотеатру и спортивному комплексу. Все это должно быть сделано с обильным применением белого мрамора, монолитного железобетона. Во Дворце культуры намечено оформить галереи живописи и скульптуры, залы с выставленными в них произведениями казахского народного ремесла: ковры, тускиизы, вырезанная из дерева посуда, изготовленные из золота, серебра, меди, бронзы перстни, браслеты, серьги, чайники, узкогорлые кувшины-кумганы и другие произведения прикладного искусства.

Хотя внешняя форма этих зданий и несла на себе отпечаток национальных традиций, с одной стороны она вовсе не олицетворяла собой старые времена, все они созвучны современным эстетическим вкусам, великолепные, полны света...

Конечно, продляя Алма-Ату в северо-западном направлении, Еркебулан не забывал, что эта местность сейсмически очень опасна.

Алма-Ата расположена у подножия гор, на склоне Илийской впадины. Именно здесь находятся неоднократно приходившие в движение глубинные разломы земной коры. В этих разломах заключена вся мощь стихии, они являются источниками землетрясений. Такое обстоятельство привлекло самое пристальное внимание ученых. Они в последнее время всесторонне и тщательно исследовали здесь строение земной

коры, физические свойства составляющих ее горных пород, наличие в них воды. То, что осадочные породы более опасны, нежели монолитные скальные породы, им было известно. И если в Ташкенте очаг землетрясения лежал прямо под городом, на глубине нескольких километров, то в Алма-Ате этот очаг располагался у подножия гор на глубине около тридцати километров. Если земная кора у подножия гор состояла из крепких, монолитных скальных пород, то по мере простираения в северном направлении крепость этих пород постепенно уменьшается и они уходят вглубь, перекрываясь нарастающим слоем осадочных пород. В связи с этим обстоятельством ученые, считая нижнюю часть Алма-Аты, ее северные окраины, наиболее сейсмически опасной, относили ее к десятибалльной зоне предполагаемых землетрясений и не рекомендовали здесь строительство многоэтажных зданий. Однако в последнее время исследователи нашли, что сейсмическая волна начавшегося в предгорьях землетрясения, достигнув северо-западных окраин города, снизит свою мощность до восьми-девяти баллов, поэтому сочли возможным строительство здесь многоэтажных зданий. Институт сейсмологии казахской Академии наук, принимая во внимание физические свойства земной коры, твердость и прочность составляющих ее пород, прогнозировали как поведут себя построенные объекты в будущих районах Алма-Аты в случае землетрясения, показали предполагаемые последствия даже для каждого квартала, для отдельных высотных зданий, составили общегородскую прогнозную карту, вошедшую в свод “Строительных пределов и правил”.

Еркебулан при работе над проектом в полной мере использовал эту карту.

Особенно полагался он на данные этой карты при проектировании “Дома пионеров” и “Спортивного комплекса”, сочтя правильным строить их не слишком высокими, однако с просторными залами.

В середине каждой из трех комнат, которые занимал Еркебулан со своими коллегами, стояли четыре обтянутых черной бумагой стола. На черной бумаге белой тушью вычерчены общий план будущего центра, неровности местности, дороги, аллеи парка. А в тех местах, где предполагается возвести будущие Дворец культуры, Дворец пионеров, кинотеатр, спортивный комплекс установлены их многократно уменьшенные копии - макеты. Дворцы с порталами, украшенными лазурно-голубыми изразцами и резным орнаментом, с золотистыми куполами; высокие, построенные из белого мрамора здания с высокими башнями, на которых установлены красные флаги или пятиконечные звезды, - весь этот общественно-культурный центр даже в уменьшенной своей копии удивительно красив, напоминая собой какой-то сказочный город. Нет, это был рожденный фантазией молодых архитекторов будущий город из сказки новой эпохи.

Если все, что показано на этом макете, будет претворено в жизнь, то, бесспорно, этот центр города будет необычайно красив. Еркебулан и его коллеги думали не только о красоте и великолепии культурного центра, они не забывали и о том, чтобы это строительство обошлось не дорого, чтобы государственные средства использовались рационально. Поэтому они в полной мере использовали особенности рельефа местности, где будет заложен новый центр. Благодаря этому, к югу от расположенного севернее большой площади спортивного комплекса был возведен на воде театр эстрады. Театр этот родился при следующих обстоятельствах. В северной части новой площади находился старый выработанный глиняный карьер площадью с небольшой пруд глубиной более двадцати метров. Для его засыпки необходимо было доставить пятьдесят кубометров грунта. На это потребовалось бы немало средств, времени, автотранспорта. Молодые архитекторы приняли другое решение. Они предложили пробурить

артезианскую скважину большого диаметра до залегающих под дном карьера на десятиметровой глубине грунтовых вод и залить карьер водой. Таким образом вместо карьера появилось небольшое озерко. Посредством отведенных от озера выложенных камнем арыков одновременно была решена проблема орошения парка и других зеленых насаждений. За счет этого водоема в парке должны были забить множество фонтанов. А на самом озере, нет, не на озере, а на трубах, из которых фонтанировала вода, устанавливалась легко собирающаяся эстрада. В праздничные или выходные дни, перекрыв вентилями фонтанирующую из труб воду, на эти трубы устанавливалась эта самая сборная эстрада. Сидящим на скамьях в тени окружавших озеро деревьев горожанам в праздничные и выходные дни артисты показывают свое искусство. Когда надобность отпадает эстраду убирают и вновь начинает бить из труб вода, пополняя озеро. Зимой же на озере устраивается каток.

В целом, не только в Алма-Ате, но и во всех крупных городах Советского Союза нет интересных аттракционов, постоянных детских городков, таких, к примеру, как чехословацкий передвижной “Луна-парк”. Еркебулан задумал поместить в этом парке и “детский городок”.

Короче говоря, молодой архитектор всей душой отдался порученной ему работе.

А по мере того, как он всецело отдавался работе, по мере того как эта работа удавалась ему, он, подобно тому древнегреческому скульптору, влюбленному в изваянную им же скульптуру женщины, от всей души и полюбил свой проект, внося в него поправки, думая над ним и не находил времени для других дел.

Хотя это творческое вдохновение и было временным, оно все же заставило на время забыть о муках любви!

Теперь он вспоминал о Жулдыз лишь в свободное от работы время или в часы, когда он, усталый, засыпал.

Правда, даже в эти мгновения воспоминаний сердце его пронизывала боль, или же, наоборот, оно наполнялось теплом.

Однако тут же ему на ум приходил какой-нибудь нерешенный, на мгновение из-за усталости забытый им, элемент проекта. Творческий поиск заставлял отойти на второй план любовные переживания, выдвигаясь на первый план.

Таким образом, борясь с двумя своими увлечениями, как бы находясь меж двух огней, Еркебулан засыпал.

Назавтра он вновь и вновь возвращался к нерешенным еще местам проекта. И на какое-то время вновь забывал о Жулдыз.

- В знаменитой поэме индусов “Рамаяна” есть жена короля по имени Сита. Это непревзойденный образ верности своему мужу, - сказал Абилькасым, шедший рядом с Жулдыз. - Враги загнали ее мужа в джунгли. В отсутствии мужа царь демонов берет в плен Ситу и пробует на ней всевозможные чары колдовства. Однако Сита не поддается его желаниям и хранит супружескую верность. Впоследствии муж освобождает ее из плена демонов. Чтобы убедить мужа в своей верности она проходит через пылающий огонь. Король и тогда не верит ей. Затем он решает прогнать ее в джунгли. Не желая, чтобы люди говорили, что рядом с королем находится запятнавшая его имя жена, Сита, не сопротивляясь приказу супруга уходит одна-одинешенька в указанное ей место. В мифологии индусов не одна Сита, множество женщин преданы душой и телом своему супругу. Например, возьмем Савитриду из их легенды. Когда уходит в иной мир ее муж, она тоже уходит вслед за ним. Находясь среди душ умерших, она, благодаря своей верной любви к мужу, вернула его с того света. В целом, в Индии в супружеских отношениях господствующее положение мужа настолько сильное, что жена никогда и ни в коей мере не должна перечить мужу. Что бы ни сказал муж, для жены это закон, даже спросить его о чем-либо при людях она не имеет права. Мало того, при посторонних она не заговаривает с

родственниками мужа, будь то мужчина или женщина, молчит при них. Заговаривает лишь с теми, кто младше ее возрастом, да и то только шепотом. А бенгальские женщины и вовсе не называют мужа по имени. Они называют его именем сына, отцом этого сына, или же величают его “мой господин”.

- Такой обычай существовал ведь и у казахов, - сказала со вздохом Жулдыз. - Я в одной книге читала, что до революции женщина-казашка обращаясь к мужу, называла его “мой господин”, или же “отец моего маленького”. Обращаясь же к старшему или младшему брату мужа, тоже не упоминала их имен, называя их соответственно - “большой ага”, “младший баловень”... Такие прозвища она давала и жене старшего брата мужа, и женам других родичей мужа, и сестрам его. - Она вновь вздохнула. - Лично я восприняла бы все это как вежливость, проявление уважения к мужу, к его родственникам. Если бы меня спросили: “Поменяла бы ты эту свою свободу, свое равноправие, лишившие тебя твоего Еркебулана, на тяжелое положение женщины в прошлые времена, но чтобы с тобой рядом был Еркебулан?”, я бы ответила: “поменяла бы”. Если бы со мной был мой Еркебулан я бы вынесла любые трудности, согласилась на все. Я его не то чтобы называть по имени, я бы рабой его стала.

Эти слова Жулдыз сказала в один из первых дней знакомства с Абилькасымом. А знакомство это произошло при следующих обстоятельствах.

К тому времени прошло уже дней пятнадцать со дня отъезда Кайназара, сказавшего: “Еркебулан убил человека и осужден”. Когда печальная Жулдыз проходила мимо остановившегося рядом троллейбуса, сзади кто-то воскликнул:

- Кап!

Такое теплое и родное казахское слово заставило Жулдыз поневоле обернуться. Троллейбус уже тронулся с места. А перед ней, хмурая брови, стоял Еркебулан. Жулдыз растерялась, не зная как быть. Она помнила сказанное Кайназаром “он осужден” и в

какое-то мгновение даже подумала: “уж не совершил ли он побег из тюрьмы, чтобы отыскать меня”. И все же:

- Еркебулан, откуда ты? - растерянно спросила Жулдыз.

- Я не Еркебулан, неужто ты так скоро меня позабыла, Шынар, ведь это я - Абиькасым, - сказал джигит.

Только тогда Жулдыз поняла, что это не Еркебулан, а совсем другой джигит. На Еркебулана он походил лишь тонкими бровями и ростом. Однако истосковавшееся сердце от неожиданности встречи приняло его за Еркебулана.

Абиькасым тоже скоро понял, что перед ним не его Шынар, а совсем посторонняя девушка. Жулдыз напоминала его Шынар лишь резким поворотом головы и засевшей в глазах печалью. Она тоже, как и эта девушка, была светлицей шатенкой, у нее тоже были большие, опущенные густыми и длинными ресницами, глаза. И он до сих пор хранил в сердце образ умершей летом этого года любимой девушки. Он все еще жил ее светлым и прекрасным образом. Поэтому он принял за Шынар вот эту девушку.

После того как оба они поняли, что ошиблись, приняв друг друга за своих любимых, они, глядя друг на друга, умолкли. Так впервые встретились студент третьего курса Бийского педагогического института Абиькасым и Жулдыз. Затем они познакомились. Встретившиеся на чужбине джигит и девушка, как встретившиеся в пустыне, скучающие по оставшемуся далеко своему озеру гуси-лебеди, засыпали друг друга расспросами. Оказалось, что им надо идти в одну сторону и они пошли вместе. Они договорились впредь встречаться. А такие частые встречи ведь иногда приводят к большой любви. Абиькасыма и Жулдыз тоже не миновала такая участь. После первой встречи они встретились еще раз. А потом еще и еще. Постепенно они раскрыли друг другу свои души. Абиькасым тоже оказался алмаатинцем. Его девушка, Шынар, с которой он встречался в том городе и которую любил, погибла летом этого года, став жертвой аварии. Жулдыз тоже не скрыла свою

печаль. Встретившиеся таким образом в далекой стороне хранившие в сердце горечь утраты джигит и девушка подружились и стали друг для друга, как брат и сестра. А приведет ли эта дружба к любви Абилькасым не знал еще... Казалось, в его душе проснулось некое радостное чувство, но сидевшая в сердце горечь и печаль по Шынар не давала развиваться этому чувству, время от времени заглушала ее. Что касается Жулдыз, то для нее было ясно и ее чувство, и ее будущее. Пусть он осужден, пусть он убил человека, но пока Еркебулан жив, есть, она не погасит огня любви к нему, - думалось ей. Ей даже не приходило в голову, что на свете есть еще что-нибудь стоящее, что могло бы представлять для нее интерес, кроме хотя бы одной-единственной встречи с Еркебуланом, встречи с ним.

И вот, принявшая такое решение, Жулдыз, во время одной из их совместных прогулок в ответ на высказывания Абилькасыма о женщинах Индии, высказала свои высокие в своей самоотверженности мысли.

- Понимаю твои устремления, - сказал Абилькасым. - Однако казахи говорят "не стоит умирать вслед за умершим".

- Нет, мой Еркебулан не умер, - сказала тогда на это Жулдыз.

- Я спрашивала у одного адвоката, оказывается, если убил непреднамеренно, то ему не дадут больше десяти лет. А что для меня десять лет? Самое большее - мне будет к тому времени двадцать восемь. Даже не десять лет, я его готова ждать до самой старости лишь бы увидеть его живым-здоровым... К тому же я не верю, что мой Еркебулан мог убить кого-то намеренно, из вражды. Этого не может быть. Наверное, это ему намеренно подстроили такое. Или он убил по неосторожности. Или, или... Тогда не он сам, наверное, водка убила того несчастного... Кайназар не сказал мне об этом. "Сегодня, чтобы поговорить с тобой... Завтра позвоню", - говорил он. Не позвонил. Уехал, видимо. Я ничего не успела выяснить. Однако, я написала одной знакомой девушке в Алма-Ату, с которой вместе жила в

общезитии, чтобы она выяснила все и сообщила мне. И от нее все еще вестей нет.

Абилькасым теперь понял как сильно Жулдыз любила своего джигита. Он от чистого сердца пожалел девушку. Опять же он понял, что к Жулдыз неприменимо казахское откровение: “если шутишь, шути со своей сверстницей, она тоже ни в чем не уступит твоей любимой”.

Абилькасым тоже воспринимал чужое горе, как свое, был жалостлив к людям, чист сердцем и душой. Теперь он думал над тем, как и чем он может помочь Жулдыз. Однако, как ни ломал голову понял, что возможностей у него для этого нет.

- Если уж ты так любишь Еркебулана, то каким образом ты оказалась здесь, почему? - спросил он при одной из их встреч.

- Чем писать, не лучше ли тебе самой вернуться в Алма-Ату? Ведь твое “буду ждать” большая поддержка для попавшего в беду джигита! Мало того, разве это не настоящая радость для него? Если тот джигит искренне любит тебя, то его, наверное, страшат не десять лет тюрьмы, а возможность навсегда потерять тебя.

Жулдыз тяжело вздохнула тогда.

- Я и сама так думаю. Как-то раз я готова была выехать в тот же день, в тот же час... Но... но... я ведь в положении. Как я беременной могу поехать в Алма-Ату, как я покажусь родителям? Как бы мне ни хотелось поехать, я все же с трудом сдержала себя. Опять же, что я могу сделать для него, если поеду? Даже встреча с ним не пройдет для меня даром. - Я побоялась, что меня ждет еще большее горе, что рожу своего ребенка недоношенным. Лучше если он родится здесь живым-здоровым, я его помещу в дом малютки, а потом уже поеду. Куда бы его не отправили, я готова всюду разыскать его. А в том, что он больше жизни своей любит меня, я нисколько не сомневаюсь. К тому же, он тоже верит, что я ни при каких обстоятельствах не брошу его. “Навеки твоя” поклялась я ему.

Джигит теперь был благодарен Жулдыз за ее решимость. Дал понять, что со своей стороны окажет какое только может содействие.

- Это ты тоже правильно решила, - сказал через какое-то время Абиькасым. - Ну, а если я могу быть тебе хоть в чем-то полезен, ты считай меня своим, поручай что хочешь, я все выполню.

На глаза Жулдыз навернулись слезы: Как хорошо, что вдалеке от ставших родными мест есть такой человек как Абиькасым, которому можно высказать все, что распирает твою душу, раскрыть ее, спросить совета! Пребывавшей в печали Жулдыз казалось, что она нашла опору в нем.

Теперь эти двое, как брат и сестра, встречались чаще прежнего. Постепенно отношения приняли такой характер, когда они перестали скрывать самое дорогое, сокровенное, хранимое в глубине их сердец. Они и в кино вместе ходят, и обедают в выходные вместе. Однако, бывает и так, что подобное частое общение, откровения, хотя они и являются признаками искренней дружбы, иногда заходят дальше предела товарищества. Ну, а чем ближе подходил срок беременности, чем больше стал проявляться, округляться живот, тем больше стала искать Жулдыз общества Абиькасыма. В последнее время Жулдыз, которой все труднее с каждым днем давалась пешая ходьба, ходила в консультацию, опираясь на его руку. Там же она узнала где находится родильный дом.

И вот однажды, когда Жулдыз, взяв Абиькасыма под руку, шла по улице, их увидел со стороны, приехавший по своим делам в Бийск Кайназар. К ним он не подошел.

Видимо, такого понятия, когда между джигитом и девушкой может иметь место дружба, достойная самой большой любви, у него и в мыслях не было. "Оказывается, она и на самом деле уехала из Алма-Аты с этим парнем. Поэтому-то и запил так внезапно Еркебулан". Кайназар в этот момент не подумал о том, что и он сам способствовал зарождению этого порока у

Еркебулана. И что удивительно, в этот раз его не кольнула в сердце ревность, как когда-то, в отношении Еркебулана. Даже на какое-то время на душе у него будто стало спокойно от того, что девушка досталась незнакомому парню, а не его товарищу. И лишь было такое чувство, словно он внутренне с издевкой посмеялся и над Еркебуланом, и над собой. “Два кобеля не поделили далекую от них суку” - вновь усмехнулся он. “Молодчина, Жулдыз!” Я-то что, у меня, оказывается, было лишь возбуждение от того, что собрался играть свадьбу товарищ. А ты, Еркебулан? Что ты скажешь на это, когда услышишь? Поживем, увидим и это...”

Словно желая побыстрее донести до освободившегося из тюрьмы и всей душой отдавшегося своей работе Еркебулана эту весть, он резко повернулся и торопливо зашагал в сторону своей гостиницы.

А жизнь шла своим чередом. Именно в это время Жулдыз получила из Алма-Аты письмо от подруги с сообщением, что полученные Еркебуланом за непреднамеренное случайное убийство два года тюремного заключения заменены условным наказанием и что он работает на прежнем месте. Жулдыз была безмерно рада. Она даже намеревалась немедленно ехать в Алма-Ату. Однако, посчитала неудобным именно сейчас в таком положении ехать в Алма-Ату. Решила написать Еркебулану письмо, сообщить в нем, что жива-здора, что ожидает, когда родится их ребенок. Конечно, Жулдыз не подозревала, что она попадет в положение Ситы - жены короля индусов. Совесть ее была чиста и она была далека от мысли, что у Еркебулана может зародиться сомнение “не от другого ли мужчины ребенок”. К тому же, верившая всем своим существом, что как бы то ни было, а Еркебулан будет ее ждать, не сочла уместным писать в первом же письме о том, в каком она очутилась положении. Затем она позвонила по телефону дававшему ей в таких случаях советы Абилькасыму. С одной стороны, ей хотелось поделиться с ним своей радостью. С

другой стороны, она сочла правильным попросить у него совета. Абиькасым обрадовался звонку Жулдыз. Уже больше недели она не звонила ему. Если Жулдыз за такой срок не давала о себе знать, он начинал беспокоиться, не находил себе места. Он тогда по-настоящему скучал по Жулдыз. Абиькасым только теперь понял, что полная уважения и доверия друг к другу дружба перешла в гораздо более дорогое, гораздо более горячее чувство, чем дружба. Каждый день, нет, даже каждый час, проведенный им без Жулдыз, был для него тоскливым, проходил медленно. Абиькасым прислушался к своему сердцу и оно дало ему знать, что давно уже бьется в унисон с сердцем Жулдыз и что ему и впредь хочется так биться. И замирающее от одной только мысли, что Жулдыз не будет, словно тогда оно не будет биться, бедное сердце.

Абиькасым решил во что бы то ни стало сегодня узнать, как относится к нему Жулдыз. Поэтому-то, когда они с Жулдыз, пройдя по улице, повернули назад, он, выбрав паузу в разговоре, как бы между прочим сказал:

- Меня сегодня пригласила в кино одна девушка.

Жулдыз встрепенулась:

- Кто она? - спросила она, резко обернувшись к джигиту.

У Абиькасыма сразу стало тепло на душе. "Конечно, так ведь оно и должно быть. Значит, я для Жулдыз не просто товарищ", - подумал Абиькасым и, уверившись в чем-то, заговорил смелее.

- Разве ты не знаешь, кто она эта моя девушка? - спросил он, радостно улыбаясь. - Или ты не хочешь пригласить меня в кино?

Жулдыз со вздохом сказала:

- Почему не хочу... Кого я еще, кроме тебя, могу пригласить? Но для молодого джигита одного кино ведь мало. Когда ты только что сказал о девушке, я от всего сердца обрадовалась, думая, что ты и на самом деле нашел себе девушку.

Только что налившееся теплом сердце Абилькасыма враз остыло.

- Я было тоже обрадовался, - сказал он, тоже со вздохом.

- Ты не обижайся, - сказала Жулдыз. - Мы были хорошими друзьями, давай останемся такими друзьями. Ведь такое тоже большая редкость в жизни. А если ты меня искренне считаешь другом, товарищем, я тоже сообщу тебе одну весть, чтобы и ты порадовался, как и я.

- Говори! Говори! - воскликнул все еще не пришедший в себя Абилькасым.

- Если сказать... Сегодня у меня день, когда мой умерший вновь воскрес, погасшее вновь возгорелось. - Затем Жулдыз, едва справляясь с разволновавшимся сердцем, пересказала содержание сегодняшнего письма.

- На самом деле хорошая весть! - сказал добродушный Абилькасым. - Поздравляю!

Однако, “сама знай, писать или не писать письмо ему”, сказал он ей. И с этого дня, не как прежде, старался реже встречаться с Жулдыз. По-видимому, он боялся, что в нем вновь восплачет пламя любви, которое он пытался было загасить. И Жулдыз не беспокоила его как раньше. Лишь в тот день, когда почувствовала приближение схваток, она позвонила ему. Абилькасым, взяв такси, тут же примчался. Сам доставил ее в родильный дом. К тому же, когда Жулдыз мучилась в схватках, он каждые три часа справлялся по телефону у дежурной о состоянии своей подруги. На другой день, когда Жулдыз благополучно разрешившись, родила сына, он, съездив в оранжерею на окраине города, первым с букетом цветов в руках пришел в роддом поздравить роженицу.

Конечно, Кайназар не преминул рассказать Еркебулану о том, что видел в Бийске беременную Жулдыз с одним молодым человеком. Ведь Кайназар не из тех, кто способен промолчать в таких случаях, он рассказал, да еще как рассказал, прямо в

то время, когда обстоятельства не благоприятствовали Еркебулану. Хотя способностями Кайназар уступал Еркебулану, он благодаря высокопоставленному дяде по матери, недавно стал первым заместителем директора этого проектного института. Несмотря на несоответствие трудов и опытности Кайназара этой должности, некоторые сидящие в вышестоящих учреждениях подхалимы, не посмевающие перечить желанию дяди Кайназара, возвели его племянника на этот пост.

Были и такие, кто пришел поздравить с таким неуместным повышением, нашлись и такие, кто внутренне был недоволен этим, не одобрял, а кое-кто напрямую, в открытую высказывал свое мнение. Особенно не понравилось это возвышение Жахану, который в таких случаях высказывался напрямую, не взирая на лица:

- Ну, поздравляю с новой должностью, начальник, - сказал он, войдя в огромный кабинет Кайназара, не сядя в стоящее перед ним мягкое кресло, оставаясь стоять на ногах. - Как нам теперь быть, считать, что ты сам заслужил это место, или, что его тебе добыл твой дядюшка?

- Зачем такие колкости? - хмурясь, обиженно сказал Кайназар. - Ты и так немало натерпелся из-за своего колкого языка, а то ведь уже давно настало время подняться тебе, не ходить до сих пор в рядовых инженерах...

- Мне и этой должности хватает. Я свой шесток знаю, - дал волю своему вспыльчивому характеру Жахан. - А ты...

Кайназар перебил его.

- Да, я! Я! Я и сам знаю, что я - это я! Так что же прикажешь мне делать? Что, пришел поругаться со мной?

- Да, пришел ругаться.

- Почему?

- Каждый должен занимать должность в меру своих способностей. Это место не про тебя и не твое.

- Чье же оно тогда?

- Не знаешь что ли чье? Это место подходит для Еркебулана.

- Судя по твоим словам, мне надо подать заявление, чтобы уйти с этого места? Однако на это место партия и правительство назначили не Еркебулана, а меня.

- Нет, тебя не партия и правительство назначили, а посадил тебя сюда твой дядя. И это не единственный случай такого возвышения, сейчас превращается в обычай, когда старший брат тянет наверх младшего, а младший старшего. Мы должны бороться с этим протекционизмом.

- Выходит, мне начинать эту борьбу? А чем ты докажешь, что я не подхожу для этого места? Высшую школу, которую закончил Еркебулан, окончил и я, такой же диплом, как у него получил и я.

- Но ты ведь не получил диплом в красной обложке, какой получил он. Если его не назначают по его способностям и знаниям на соответствующее место, то зачем ему дали красный диплом? Короче, это место не твое. Я так и напишу в вышестоящие директивные инстанции. Если они не поверят мне на слово, пусть сравнят вас обоих. Пусть проэкзаменуют, если надо. Лучше ты добровольно уступи место Еркебулану.

Знавший доподлинно, что Жахан способен и заявление написать, и на собрании выступить, и его строптивый характер, Кайназар растерялся, не зная что сказать.

И все же:

- Еркебулан! Еркебулан! Чего это ты ни с того, ни с сего начал петься о нем? - сказал он, не находя других слов.

- Я говорю не от того, что пекусь об Еркебулане! Он мне не брат и не сват. У него можно учиться, перенять многое. Ты посмотри как Еркебулан спланировал культурно-общественный центр нового района! А чему можно научиться у тебя? Всего лишь такой же специалист, как я! С той лишь разницей, что в вопросах личного роста ты проявляешь больше ловкости, хитрости и подлости, чем я! К тому же у тебя есть поддерживающий тебя под ручку человек! Это и есть твое

преимущество перед другими! А такое твое преимущество противно моему духовному уставу! Поэтому, чтобы совесть и честь мои были чисты, помня, что я твой современник, говорю это тебе лично. Если не послушаешься моего совета, пеняй на себя!

Жахан больше не сказал ничего, вышел. Глядя со стороны. Нельзя сказать, что говорящий своему начальнику такие слова человек, умен. То, что он не думает о собственном благополучии, не говоря уже о другом, казалось, по меньшей мере, неуместным. Ведь ни с того, ни с чего заявить начальнику “освободи место” - прямой повод для того, чтобы быть уволенным с работы. А если по правде, то эта прямолинейность Жахана не означает собой ни отсутствие ума, ни того, что он скандалист. Если бы все были такими правдолюбцами, без страха за последствия говорили правду! Да только что поделаешь, мало людей, похожих на Жахана, особенно среди сотрудников проектного института, большинство которых - молодые инженеры.

Услышавший от Жахана обличающие слова в свой адрес, злой Кайназар долго сидел, не зная что делать, как поступить. В какой-то момент даже мелькнула мысль найти повод и уволить Жахана. Но как он его уволит? Он хорошо выполняет порученную ему работу, отец его - известный человек, геройски погибший на фронте Великой Отечественной войны. До сих пор в дни Победы газеты публикуют материалы об этом человеке. Ну, а если говорить о самом Жахане, то, несмотря на его пристрастие говорить напрямую о не понравившихся ему вещах, он очень честный, справедливый человек. Он и не пьет, и в работе аккуратен, здесь к нему не предъявишь претензий и не найдешь повода. Одно хорошо - он считает эту свою должность самой подходящей для него. Не думает о том, чтобы, проявив ловкость, подняться по работе. Раза два руководство даже хотело повысить его в должности, как сына известного фронтовика-героя. Но Жахан не согласился на это. “Это правда,

подвиги моего отца на фронте достойны даже того, чтобы дать ему звание Героя Советского Союза. Ну, а мои способности как раз соответствуют занимаемой мной должности, ни больше, ни меньше. Каждый должен занимать положение согласно своим знаниям, способностям и возможностям, чтобы хорошо делать порученное дело. Мое место именно то, которое сейчас занимаю, работа, которую исполняю. Эту свою работу я знаю и люблю”, заявлял он и не давал согласия ни на какое повышение. Его и с работы не снимешь, и возможностью отказа повышения по службе не пригроишь. А если удастся найти какой-нибудь искусственный повод и ты соберешься уволить его на этом основании, за него горой встанут партком и местком. “Нет, не стоит трогать Жахана”, - решил Кайназар. Он вновь задумался. “Этот задира сказал, чтобы я уступил свое место Еркебулану. Куда бы я не пошел, всюду передо мной этот Еркебулан!”

Конечно, нельзя сказать, чтобы Кайназар не понимал справедливость слов Жахана. Понимает. О том, что Еркебулан и по своим способностям, знаниям, и по человеческим качествам, и по тому даже, как всецело отдается работе, стоит выше его, он тоже знает. Чем больше он убеждался в этом, тем сильнее им завладевало чувство неприязни к Еркебулану, которое развилось в нем из чувства зависти, питаемого им с детства к своему товарищу. “Жахан говорит: уступи место Еркебулану, он превосходит тебя во всем. Но кто отдает свое место, руководствуясь тем, что кто-то в чем-то превосходит его? Тоже мне предложение! Опять-таки, чтобы я убедился, Жахан предлагает мне посмотреть на разработанный Еркебуланом проект общественно-культурного центра нового района. Да, в отсутствии Еркебулана он ознакомился, да еще как, с этим проектом. Ничего не скажешь - хорош! Он приспособил старую восточную архитектуру к современности. “Мне тоже понравилось”, Кайназар резко поднялся с места. “В самом деле, хорошо ли вписываются образцы тех старинных медресе,

караван-сараев в новую эпоху? Возможно ли это? А если сказать, что не подходят, как он сможет доказать обратное?”

Бесталанный человек наделен одним качеством - он проявляет особую зоркость в выискивании ошибок у других. А если этим человеком руководит враждебность, предубеждение, он умеет превратить маленькую, с пуговицу, ошибку в большую, как верблюд, и наоборот, показать большие, с верблюда, достоинства маленькими, как пуговицы. И Кайназар точно, по его убеждению, нашел с какой стороны предъявить претензии к Еркебулану. Как бы то ни было, его необходимо осадить, иначе Кайназару придется туго. “Конечно, Жахан не по незнанию говорит: это место не твое, а Еркебулана”. Это и на самом деле так. Если повергнуть Еркебулана, тогда уже не останется никого, кто мозолил бы ему глаза. Однако, как он его повергнет? Выступить в открытую и сказать, что, мол, ты хочешь внести в наш социалистический новый город давно превратившиеся в пыль и труху архитектурные образы, а вместе с ними хочешь внести противные нашей эпохе феодально-ханские идеи, нельзя. Если я выступлю против, люди скажут: “Разве Еркебулан не товарищ тебе, где ты был до сих пор, что не сказал ему самому? Оказывается, ты в себе таил злобу против него, если до сегодняшнего дня молчал, ждал, когда поднимешься в должности”. И это их высказывание будет недалеко от истины. К тому же, если такое обвинение будет исходить от меня, они могут сказать, что я ничего не смыслю в этом деле, и это будет верно. Кто из них не знает, что социалистическое строительство определяет не внешний вид, а внутренняя суть? Поднявшиеся против своего монарха французы камня на камне не оставили от крепости-тюрьмы Бастилии, очень красивого внешне сооружения. А к другому, построенному по подобию Бастилии, дворцу возле Лувра они не притронулись даже пальцем. Хотя они и разрушили рядом стоящий дворец, в котором размещалось жандармское управление, тот дворец они

сохранили. “От него никому вреда нет, очень уж он, оказывается, красивый!” - сказали они. Вот что значит внешний облик и внутреннее содержание. Но ведь недопустимо строить здания, дворцы современного социалистического города похожими на церкви, мечети, медресе. Они порождены религиозной, феодальной идеологией и даже их внешняя форма является детищем чуждой нам идеологии. Будущим дворцам Еркебулана как раз можно приписать эти недостатки. Однако приписать их должен не я, а сам директор. А пойдет ли он на такое обвинение? Пойдет. Безусловно, пойдет. Он уже в возрасте. С того дня, как меня сделали его заместителем, он в постоянном страхе - как бы его место не отдали мне. Он так и ждет, чтобы я доложил в высшие инстанции “этот человек находится на своем месте, можете не трогать его”. Сейчас то, что я скажу, для него как заклинание”. И вправду, директор был человеком, который пришел в свое время на эту должность после того, как его сняли с поста министра. /Подобное назначение бывших министров на посты директоров проектных институтов, несмотря на то, что работа этих институтов является творчески трудной, порождена ложным представлением, что человек, уже побывавший на посту министра, легко может руководить работой такого института/. А директор этого института знал работу его поверхностно, поэтому-то он проявлял нерешительность и боязливость. К тому же, с наступлением пенсионного возраста он еще пуще прежнего боялся того, что обнаружатся недостатки в его работе и его заставят уйти на пенсию. Если ему сказать: “В проекте Еркебулана вместе с внесенными в него архитектурными образцами прошлого прослеживается и влияние идеологии прошлого”, то этого ему уже будет достаточно. Бывший министр, в сознании которого прочно утвердилось, что чуждой идеологии не место в советском обществе, конечно выступит против проекта Еркебулана. А выступление директора против проекта означаст его

непринятие. Разве есть еще что-нибудь, что способствовало так снижению авторитета Еркебулана? Конечно, для честного, легко ранимого Еркебулана достаточно и этого”.

Кайназар сам рассмеялся собственной мысли. И тут же он вспомнил одно давно еще данное его отцом наставление. В то время он учился еще в институте. Они с отцом сидели за беседой. Сейчас он уже не помнит, что породило это наставление, но сказанное тогда отцом он до сих пор не забыл, оно крепко засело в памяти.

- Если ты задумаешь причинить кому-нибудь вред, или захочешь завоевать его расположение, в первую очередь сумей найти его слабые стороны, - сказал отец.

- Разве легко обнаружить слабые стороны человека, ведь у него на лбу не написано, вот, мол, я каков? - возразил сын.

- Какого человека ни возьми, он не одинаков изнутри и снаружи. Если человек внешне выглядит добродушным, бесхитростным, не знающим свою пользу, ты не сомневайся ни на мгновение, что этот человек только и делает, что думает о собственной пользе. Точно также можешь быть уверенным, что все помыслы выказывающего себя патриотом, очень уж преданным делу, направлены на продвижение по работе... Ты не обращай внимания на внешнюю честность человека, умей распознать в нем внутреннюю нечестность. Каким бы внешне и своими деловыми качествами неуязвимым не выглядел человек, можно распознать спрятанные в нем слабости. Потому как один человек всегда состоит из двух разных людей. В целом и общем, никому, кроме себя, не верь, человек по сути своей всегда двуличен, - сказал тогда отец.

Кайназар лишь впоследствии понял, что все сказанное отцом относилось к нему самому. Однако он крепко уяснил и запомнил сказанное тогда отцом “не верь никому, человек внешне и внутренне сильно разнится”, и хранил эту заповедь, как талисман. Он и сам, следуя завету отца, ни разу до сих пор не позволил вырваться наружу своим потаенным.

хранимым в себе, мыслям. И сегодня он следовал тому наставлению отца.

По этой причине он решил использовать слабые места директора. И рассмеялся он от того, что то наставление отца так точно подходило в отношении нынешнего его директора.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Сегодня в институт были приглашены несколько известных архитекторов и состоялся технический совет, на котором был рассмотрен разработанный Еркебуланом и его коллегами проект общественно-культурного центра нового района. Собравшиеся, выслушав пояснения начальника отдела, после ознакомления с чертежами и макетами, сразу же приступили к обмену мнениями. Конечно, еще перед тем как были сделаны пояснения, Еркебулан подробно разъяснил почему он использовал старинные архитектурные формы Востока в проекте нового социалистического города, доходчиво обосновал несомненное преимущество этих форм перед некоторыми современными формами в деле использования каждого квадратного метра площади. Вместе с тем он довольно подробно остановился на том, что старинные формы не использованы такими какие они есть, и что, учитывая предъявляемые к современному социалистическому городу требования, в общий строительный ансамбль, как новые мотивы, вошли отдельные составляющие детали такие как считающиеся признаками сегодняшнего дня - лоджии, сплошные балконы, большие окна, широкие двери.

- Лоджии, окна, двери сами по себе не отдельные объекты, ведь это детали и они так и так должны быть такими, - заговорил директор, желая обратить внимание присутствующих на внешний облик объектов, когда Еркебулан еще не закончил докладывать. - Вы нам подробнее разъясните какие изменения вы внесли, чтобы в целом приблизить

старинную архитектуру к требованиям сегодняшнего дня, к его мировоззрению.

- Разве вы не видели, что внесено, когда недавно смотрели чертежи и макеты? - сказал Еркебулан, чуть хмурясь.

- И все же?

- И все же, говорите? Хорошо, пусть будет “и все же”. К примеру, возьмем дворец культуры. Хотя внешне портал этого объекта похож на высокий величественный портал медресе Улугбека, принимая во внимание южную жару, и к тому же из желания, чтобы в верхнем фойе и днем было светло, в средней части портала, по всей его ширине врезан высокий, наподобие длинной лоджии, балкон. Для того, чтобы зрители во время антрактов могли выйти подышать свежим воздухом, передняя сторона этого украшенного казахским орнаментом длинного лоджии-балкона частично выполнена в виде металлической фигурной решетки. Эта железная решетка-изгородь изготовлена в виде орнамента на портале и вы сами видите, что это сочетание придает особую привлекательность всему дворцу культуры. Ну, а под этим лоджией-балконом, на месте широченных ворот медресе Улугбека, пробито три широких двери. Средняя из них чуть превосходит размерами две другие, это основная дверь, в которую входят посетители, а двери по сторонам ее поменьше. Это дополнительные двери, открываемые при большом наплыве людей. А резной орнамент на них гармонирует с орнаментом лоджии-балкона и портала, со свисающим с верхнего среза лоджии-балкона короткого занавеса и формой устремленных в небо с верхней части портала зубьев. Разве орнамент на двери, узоры на свисающем с верхнего среза лоджии-балкона занавесе и орнамент на портале, все они не составляют собой единый узор, единый ансамбль и не придают красоту, отвечающую требованиям сегодняшнего дня? Опять же, венчающий дворец культуры купол не такой как купола восточных дворцов, или купол мечети Ходжа Ахмеда-Ясеви, наряду с замыслом придать законченность форм и привлекательность дворцу,

принято во внимание и придание хорошей акустики находящемуся под ним самому главному залу.

- Ты ведь все это пояснил на том вот макете, - перебил Еркебулана Жахан. - Кто не понял спросит потом... Ты лучше скажи нам, сколько процентов этого портала, того купола, вот этого обнесенного тремя стенами пространства составляют полезную площадь? Скажи это!

- Если не считать стены дворца, - сказал в ответ Еркебулан, - не осталось ни одного неиспользованного квадратного метра пространства.

- Ну, вот это уже по уму! - сказал Жахан.

После этого началось обсуждение выводов.

- Товарищи, - сказал перед вынесением заключения директор. - Все же будет правильным обратить внимание и на внешний облик будущего социалистического города. Каждая эпоха в своем строительном деле придерживалась своих идеалов. Эти идеалы, конечно, в основе своей были порождены идеологией господствующих классов тех эпох. И если мы для своего нового города используем средневековые формы, не попадем ли мы в обруч идеологии, породившей эти формы? Желательно, чтобы товарищи, которые выступают, уделили внимание и этой стороне дела.

Самым первым выступил один из старейших архитекторов Казахстана, бывший прежде директором такого же проектного института, несколько своенравный, небольшого роста человек.

- Прежде всего я хочу ответить на вопрос, поставленный товарищем директором. Товарищ директор выражает опасение, не будет ли преклонением перед идеологией старой эпохи, породившей архитектуру, формами которой мы хотим воспользоваться. По-моему, подобные опасения - политическая неграмотность, - сказал он, несмотря на свой пожилой возраст, верный своему задиристому характеру. - Чтобы сказанное мной стало понятно, я хочу остановиться на одном событии. Все здесь присутствующие знают, что я являюсь одним из тех

архитекторов, которые разработали проекты “Казахского аула” на Кок-Тюбе, “Дворец молодоженов”. Называемый “Казахский аул”, расположенный на горе Кок-Тюбе ресторан - возведенная из железобетона копия известной испокон веку казахской войлочной юрты. А “Дворец молодоженов” - это прообраз казахского перстня...

Из задних рядов послышался чей-то голос.

- Почему вы говорите, что это прообраз казахского перстня? Перстни ведь не одни казахи носили. Это вещь обычная для всех народов.

- Конечно, это так, - сказал старец, сверкнув взглядом в сторону, откуда раздался голос. - Однако мы в то время взяли не какую-то общую для всех народов форму перстня, а именно форму казахского кольца. Мы рассматривали свой проект подражанием форме только лишь казахского кольца, а не какого-то абстрактного, общего для всех народов, кольца. Возможно, это проявление нашей национальной ограниченности. Однако, так уж мы задумали. - Он чуть помолчал и теперь заговорил, продолжая свою мысль. - Сейчас проблема не в том на кольцо какой нации похож “Дворец молодоженов”. А в том, как использовать образы пришедших к нам из старины вещей, как это самое кольцо, в нашу социалистическую эпоху. Юрта ли, кольцо ли, конечно, они являются остатками прошедших времен. Законно ли использование нами их форм? Или же это наше желание является пустым подражательством и вместе с тем восприятием идеологии прошлых времен, то есть эпохи феодализма? Конечно, не подражательство. В подтверждение своих слов я вновь хочу рассказать вам об одном имевшем место событии...

- Говорите, послушаем, - сказал директор.

- Прошло день-два как тогдашний первый секретарь городского комитета партии вернулся из Сочи, - продолжал старый архитектор. - Когда занятый каким-то делом я пришел в

институт позже обычного, девушка-секретарь сказала: “Вас ищет первый секретарь горкома партии, наказал побыстрее придти к нему”. Решив, что случилось еще что-нибудь, я тут же поспешил в горком и вскоре был там. Если срочно вызывает высокое начальство, то ведь обычно за этим следует разнос. Первый секретарь принял меня быстро. Оказалось, все же, что вызывал он меня не для разноса. Он сразу же заговорил: “Я два дня назад вернулся из Сочи. Там я видел кавказский национальный ресторан. Ресторан этот представлял из себя всего лишь построенное из кирпича и цемента некое подобие старой кавказской сакли... Ну, а если бы ты видел как много людей его посещают, прямо удивительно! И днем, и ночью в нем народу нисколько не меньше, чем в городском ресторане часов в десять вечера”. Сказав это, секретарь глянул на меня. “Можно ли соорудить у нас национальный ресторан по образцу казахской юрты? - сказал он. - Даже блюда в нем пусть будут национальными, было бы неплохо, если бы и кумыс подавали”. Ну, а я в тот же день начал подыскивать место для строительства национального ресторана. Оглядев немало мест, я счел подходящим местом возвышающуюся вне границ города и довольно высокую гору Кок-Тюбе. Выделив из подчиненных мне людей трех-четырех одаренных джигитов, я вместе с ними срочно засел за проект ресторана. Внешний облик ресторана родился в моем воображении еще во время беседы с первым секретарем.

Будущий ресторан должен походить на казахский аул. А казахский аул обычно состоит из пяти-шести юрт. “Хорошо бы, если наш “Казахский аул” был составлен из шести юрт”, - сказал я себе. Ну, а наш “Аул” не старый аул, чтобы перекочевывать с места на место, и нет необходимости покрывать юрты войлоком. Так как наш “Аул” должен был стоять на одном и том же месте, его, конечно, надо было строить из таких современных строительных материалов, как железо, бетон, кирпич. Мы до того предались идиллии казахского аула, что даже желая, чтобы

наш “аул” был точной копией старинного казахского аула, предусмотрели в проекте коновязь, где можно было бы доить кобыл и снабжать тем самым ресторан кумысом. Предусмотрели также место на обратной стороне Кок-Тюбе, где могла бы содержаться отара овец и специальный павильон с очагом, где могли бы их забивать и свежевать. Короче, через месяц мы представили свой проект первому секретарю. Он ему очень понравился. Теперь мы решили срочно приступить к строительству. Однако, присутствовавший на этом обсуждении председатель горсовета спросил:

- Во сколько обойдется все это?

- Шесть миллионов, - ответили мы.

- Таких денег сейчас в горсовете нет. Сократите в два раза расходы, - сказал председатель горсовета.

В конце концов решили построить за четыре миллиона рублей стоящий поныне “Казахский аул”. Ну, а теперь я хотел бы поговорить не об этом...

- Да, о чем же тогда? - спросил директор.

- Впоследствии, когда наш проект рассматривался в Большом доме, самый первый большой человек нашей республики и в эти дни, которому наш проект понравился, спросил у сидевшего рядом возглавляющего идеологическую работу в республике человека: “Ну, как, у вас нет возражений с идеологической точки зрения?” “Нет, это правильная идея”, - сказал тот в ответ. Вот о чем я хотел сказать, - сказал старый архитектор и посмотрел на сидевших рядышком директора и Кайназара. - Видели, что нет никакой идеологической ошибки в использовании образцов наследия прошлого в современном строительстве? А что касается формы кольца...

Его внезапно перебил Кайназар.

- Хотя юрта, кольцо дошли до нас из старых времен, они ведь до наших дней используются народом. Они бессмертное наследие народа. И использование таких бессмертных форм не является предосудительным. Мы даже обязаны использовать

их, - сказал он ровным, спокойным тоном. - Ну, а наследие, о котором говорит Габбас Тулекович, порождено идеологией эпохи феодализма. Всякая идеология является дубинкой классовой идеи. Поэтому, в словах товарища директора о том, что города эпохи социализма нельзя строить по образцу дворцов богачей и царей, мазаров, медресе и караван-сараяв, а необходимо найти собственные формы, соответствующие социалистической идеологии, нет никакой политической ошибки. Наоборот, Габбас Тулекович, показав свою политическую бдительность, предостерегает нас. У нас есть время еще раз всесторонне рассмотреть проект. Было бы правильным и это принять во внимание, - сказал Кайназар и посмотрел на старого архитектора. - Прошу прощения за то, что перебил вас, - произнес он вдобавок, показывая свою обходительность, - продолжайте, пожалуйста.

- Конечно, если для нового города, социалистического города, найдутся социалистические формы, кто бы был против этого, - сказал старый архитектор, сразу же уняв свою вспыльчивость. - Но не находятся ведь пока такие формы. Как говорится, птица садится там, куда долетит. Еркебулан, слов нет, талантливый архитектор и этот его проект хороший проект. И в нем нет никаких идеологических ошибок. Если одаренному архитектору, кроме этого нечего предложить, будет правильным одобрить этот проект.

- Ведь вся проблема заключается в том, что у талантливого архитектора нет другого проекта, который бы он мог предложить, кроме этого, - сказал Кайназар тем же обходительным тоном. Однако в этом его тоне послышалось "что прикажете делать, если у этого вашего талантливого архитектора нечего больше предложить" и неприязнь к Еркебулану. - Еще раз прошу прощения за то, что перебил вас, - продолжайте, - сказал Кайназар и вновь посмотрел на старого архитектора.

- Да я уж и закончил, пожалуй, - сказал старый архитектор.

- Хочу лишь теперь остановиться на некоторых недостатках этого проекта...

Указывая на недостатки, он сказал, что в таком, ограниченном территории для городских построек городе как Алма-Ата, было бы выгодным строить хотя бы и не устремленные в небо небоскребы, но дворцы в два, три этажа, а не такие, как дворец пионеров, здания, занимающие большую площадь. К тому же, это позволило бы применить начинавшие в эти дни находить применение новые методы антисейсмического строительства, заключающиеся в закладке глубокого фундамента, ограниченного по площади, что давало бы определенную гарантию безопасности в случае землетрясения.

Ему возразил Жахан. Хотя он, как архитектор не имел громкого имени и не занимал высокого положения, в своей специальности он считался знающим, авторитетным инженером. Поэтому присутствовавшие с вниманием слушали его.

Это правда, что у подножия Алатау нет обширной территории для строительства города, - сказал он, давая отвод указанному старым архитектором последнему недостатку. - Однако не следует считать поводом для критики то, что просторные, со спортивно-игровыми, танцевальными залами, с закрытыми водными бассейнами, с многочисленными мастерскими дома пионеров и спортивные комплексы занимают большую площадь. В городе не так уж много таких объектов. Слава богу, как бы ни говорили, что у подножия Алатау стесненная территория, место для них найдется. А если такие объекты делать многоэтажными, то это вынудит нас ограничить по высоте залы в них. Это не отвечает духу этих дворцов. Опять же, чем выше будет здание, тем глубже мы вынуждены будем закладывать фундамент, применяемый сейчас сейсмографический сердечник-мачту, пояс безопасности, делать их массивными. Это, конечно, удорожит строительство. А одноэтажные высокие залы и с этой стороны

приемлемы. Это здания с одинаковой глубиной заложения, большими по площади, прочными фундаментами. Судя по опыту Алма-Аты они безопасней даже чем антисейсмические башни, прочнее их.

После него выступило еще несколько человек. Среди осторожных, боящихся собственной тени архитекторов нашлись и такие, кто говорил: “При нынешней сложной международной обстановке зачем строить близко друг от друга, на одной площади, столь дорогостоящие объекты, если подумать о безопасности, то их надо строить в отдаленных друг от друга местах города”.

В итоге большинство нашло, что проект культурно-общественного центра нового района, составленный Еркебуланом и его коллегами правилен и оценило его положительно. Однако, сказано: “хотя ворона и сорок раз подряд каркнет, лето не наступит, но достаточно одного гусяного крика”, так и здесь, как бы занимающие среднее положение большинство и такие, как Жахан, специалисты инженеры не поддерживали проект, благодаря стараниям руководства института - директора и его заместителя Кайназара, было вынесено следующее заключение: “Общее планирование культурно-общественного центра нового района уместно, все в нем правильно, особенно то, в каком виде будет заложен и обустроен парк, очень хорошо решен вопрос устройства в нем озера и установки посреди его скульптуры великого вождя, изображающего его в пору юности, когда он только что приступил к революционной деятельности; к тому же верно найдены места для возведения дворца культуры, дворца пионеров, здания кинотеатра, спортивного комплекса, в целом вся конструкция центра; однако внешний облик отдельных объектов на той площади, в особенности дворцов культуры и пионеров, порожден подражанием средневековой архитектуре, мотивы которой навеяны феодальной идеологией. Поэтому, авторы этого проекта, одаренные молодё

архитекторы должны найти новые, социалистические формы этим объектам, которые глубоко раскрыли бы содержание нового социалистического города, его красоту”.

Принятие такого решения говорило о том, что политическое обличье проекта неправильно, неверно, что все строительные объекты на площади надо переделать.

Конечно, такое решение крепко задело тяжело воспринимающего зло и возгорающегося от добра деятельного по характеру Еркебулана. Особенно тяжело было ему от того, что росший с ним вместе с детства, самый близкий друг Кайназар, который по его, Еркебулана, убеждению понимал архитектуру, отрицательно оценил его замыслы, присоединившись к боящемуся собственной тени от того, что его могут не сегодня-завтра отправить на пенсию, директору, способствовал совершиться несправедливости.

Однако в нем не зародилось мысли о том, что не лежит ли корень этой несправедливости в этом его друге. Он не сомневался в честности товарища. Его сегодняшней поступок он расценил как непонимание, ошибку. Поэтому Еркебулан решил поговорить с Кайназаром лицо к лицу, начистоту.

Однако сидевший после совещания в своем кабинете Кайназар, когда вошел бледный Еркебулан, сразу понял в каком состоянии тот находится. Понял он и то, что он обязан будет отвечать на справедливые вопросы Еркебулана. А Кайназару не хотелось отвечать. Он счел правильным повернуть в другую сторону предстоящий чреватый спором и обвинениями разговор. Поэтому, он повел рукой, как бы приглашая вошедшего Еркебулана сесть в стоявшее перед его столом мягкое кресло, и, не давая тому опомниться, с ходу рубанул:

- Еркуша, я забыл тебе сказать, - сказал он, - когда я в последний раз ездил в командировку в Бийск, видел там Жулдыз. Она была беременна, с ней был муж, видимо, какой-то здоровенный джигит...

Еркебулан, словно его ударили обухом по голове, стоял некоторое время, не понимая сказанного товарищем. Когда понял, сердце его бешено заколотилось, готовое разорваться.

Еркебулан молча вышел из кабинета. Кажется, он даже забыл зачем заходил в кабинет Кайназара. К тому же, он не понимал почему товарищ так внезапно встретил его такой холодной вестью, словно окатив ледяной водой. Нет, он не понимал, что Кайназар выступил против его проекта. Не знал он и того, что виной всему был его собственный талант. Он не пошел, как обычно, домой, и в эту ночь, как в ту пору, когда он едва не сошел с ума, долго бродил по улицам.

В это время его мать Кырмызы вошла в свою комнату. Спит ли она, или не спит - неизвестно. Одним словом, в ее комнате темно. А отец, Асыгат, сидел в кабинете, прислушиваясь к каждому звуку, доносящемуся из коридора. Время возвращения Еркебулана давно уже прошло. Настрадавшийся от былых подобных задержек сына, отец /ведь перед тем как попасть в больницу Еркебулан тоже завел привычку приходить поздно, и в день убийства Нугымана он поздно гулял/ видя, что время возвращения сына домой истекает, начал тревожиться. Одно хорошо - он знал, что сегодня день защиты Еркебуланом своего проекта. Он и сам собирался пойти на защиту, но Союз писателей посетили уважаемые иностранные гости и он не смог вырваться. Поначалу, предполагая, что совет затянулся надолго, проект их благополучно прошел и он вместе с коллегами пошел в кафе или ресторан отметить это радостное событие, он долго сидел в надежде на это. Еркебулан не возвращался. Позвонил вахтеру института, тот сказал в ответ, что “совет давно уже закончился, здесь никого нет”. Теперь, делать нечего, поневоле пришлось звонить Кайназару. Видимо разочаровавшись в нем после встречи во время суда над Еркебуланом, он давно уже не разговаривал с ним. Боясь, что Кайназар уже лег спать, он чуть помедлил, не зная звонить или нет. Ничего не поделаешь, пришлось звонить. Если уж кто знает где сейчас Еркебулан, так

об этом знает именно Кайназар, подумал он. “Ведь они вместе днем были на совете”. Трубку взял сам Кайназар. Он, оказывается, еще не лег.

- Да, Кайназар слушает, - сказал он.

- Говорит Асыгат, - сказал поэт. - Еркебулан еще не вернулся с работы. Он говорил, что сегодня в институте должен был состояться совет, состоялся ли он?

- Состоялся.

- В каком часу он закончился?

- Около семи часов.

- Его до сих пор нет. Ты не знаешь где он может быть?

- Не знаю, - сказал Кайназар. Голос его прозвучал несколько самоувереннее, чем прежде. Раньше при разговоре с Асыгатом то ли из почтения к именитому акыну, или же из уважения к отцу своего друга, он, хотя и не лебезил, говорил ровным, вежливым тоном, высказывая знаки учтивости. А в этот раз он разговаривал словно со своей ровней, голос его прозвучал беззаботно и самоуверенно.

- После совета он заходил ко мне, - сказал Кайназар, чуть помолчав, - после этого я его не видел.

- Надеюсь, ваш совет прошел нормально?

Кайназар чуть помедлил с ответом.

- Нормально прошел, - пробормотал он невнятно. Асыгат понял, что тот зевает. - В целом мы одобрили его работу, лишь указали ему на ошибки и несоответствия в идеологическом подходе в деле оформления сооружаемых объектов. Порекомендовали исправить их.

- Ошибки в идеологическом подходе, - говоришь? Какая идеология в этом строительстве? Какие ошибки? - Асыгат вновь услышал как Кайназар зевнул в трубку телефона. Внезапно его разобрала злость. Он не знал о продвижении Кайназара по работе. Он возмутился тем, что тот то и дело зевает при разговоре с ним. “Хотя бы прикрывал ладонью трубку, когда зевает”, - подумал он. - Ладно, ты, оказывается,

спать хочешь, спи, - сказал он, едва сдержавшись, чтобы не высказать свою обиду.

“Идеология в строительстве? Какая еще там идеология? Наверное, нет места, где бы не присутствовала эта пресловутая идеология!” Асыгата обидело не только позевывание Кайназара, но и слова его: “в его проекте есть идеологические ошибки”.

У Асыгата была причина обижаться на эти слова. Идеологический недостаток, идеологическая ошибка” - эти слова когда-то и его самого тяжело ранили. В эпоху культа личности он написал поэму “Легенда драгоценного дитя”. Сначала критика, затем директивные учреждения нашли его произведение как “искажение образа советских людей, идеологическую ошибку”. Целый год на страницах всех газет и журналов разоблачали его “идеологическую ошибку”, чем заставляли его биться в бессильной ярости. И позднее бдительные критики, найдя в других его произведениях те же “идеологические несоответствия”, не раз подвергали его нападкам. С тех пор, стоит ему услышать это слово, как он болезненно вздрагивает, как лошадь, спину которой в кровь натерло седло. Он хорошо знал, что это за беда, когда-то навалившаяся на него самого, а теперь вот на сына. Когда-то эта самая “идеологическая ошибка” для честного человека была равносильна смерти. И подобно настоящей гибели она была бесплотна и бездушно-глупа. Если бы она была живой, Асыгат отомстил бы ей, выбив глаза, расквасив в кровь нос, но что он сделает идеологической ошибке? Что можно сделать смерти? Особенно если у тебя ни в мыслях, ни в намерениях не было ничего, что могло бы привести к такой ошибке? Что будешь делать, если ты и вовсе не совершал такой ошибки, нет за тобой никакой ошибки? А если кое-кто упорно утверждает, что у тебя есть такая ошибка, как ты от нее избавишься? Как избавишься от несуществующей ошибки? Остается лишь, сказав “да, я совершил ошибку”, терпеть.

Будешь терпеть, пока люди, обвинившие тебя в этой ошибке, сами про нее забудут! Другого пути нет!

Проект сына - чертежи, макеты Асыгат и сам видел. Их красота, особенно использование средневековых образцов в соответствии с требованиями новой эпохи, ему очень понравились. И вот теперь тот замечательный проект, проект, который понравился акыну, любимому народом поэту Асыгату, проект, который его талантливый сын Еркебулан нанес на бумагу, кое-кто объявил “идеологической ошибкой”! Что тут скажешь? Что поделаешь? Проект, который был результатом поисков прекрасного, рассчитанный на то, чтобы понравиться народу, ты не называешь ошибкой! А он говорит - ошибка! Он говорит: старые формы - плод старой идеологии. Попробуй разъясни, что это не так!

Он и сам в своей поэме “Легенда драгоценного дитя” не допускал такой ошибки /ведь это сейчас выяснилось/. Все дело в том, что это его произведение было написано против его некоторых тупых, не разбирающихся в средствах для достижения цели, коллег. Однако, привыкшие приукрашивать правду, показывать ее привлекательной для глаза критики все и враз завопили, что таких тупых, не разбирающихся в средствах людей нет в советской действительности, да и быть не может, что это навет на советскую действительность, “идеологическая ошибка”. На его “вы не правы, я собственными глазами видел таких людей” они, говоря “он не хочет признавать свою вину, его надо изгнать из наших рядов”, вывели его из рядов писателей. Подобная несуразность, конечно, имела место в прошлом, в эпоху культа личности. Но разве подобные злобные наветы не имели место позднее? Имели. Пять лет назад он написал поэму под названием “Аул, имеющий в достатке овец”. В этом своем произведении он показал один период, когда казахи имели в достатке овец. Асыгат воспел то, как его народ пас овец, как их размножал. Сам он не находил в этом никакой ошибки. Ну, а что сказали по этому поводу некоторые,

продолжавшие придерживаться старых понятий, критики? Поэт Асыгат тоскует по прошлому. Называя аул аулом, имеющим в достатке овец, он говорит о том, что у казахов когда-то овец было больше, чем сейчас. Таким образом он восхваляет старое время. Это - идеологическая ошибка, - сказали они.

Асыгат теперь, кажется, начал понимать почему сын не вернулся сразу домой. Наверное, он на улице доказывает кому-то из своих противников правильность своих мыслей, своего проекта. Или, может быть, не вынеся неуместного обвинения, он один-одинешенек, не зная как дальше быть, бродит, как когда-то, по улицам? И это возможно. Однако, обиду и злость не уничтожишь ведь такими переживаниями. А обновление образцов прошлого - разве это и вправду такая уж тяжкая ошибка? Если ошибка имела место, то виноват в этом он сам - его отец Асыгат.

Он с малолетства воспитывал Еркебулана в любви к казахской устной литературе, к сказам, эпосу. Книжки таких сказок как “Сорок небылиц”, “Бий Мороз”, “Дед Перекати-поле”, “Девять грубиянов, один пискун” он дал ему прочесть, начиная с лета, когда сын закончил второй класс. Позже он преподнес ему эпосы “Кыз-Жибек”, “Кобланды батыр”, “Алпамыс”, “Ер таргын”, “Ер Сайын”. Наряду с этим он ознакомил сына со знаменитыми, известными во всем мире восточными поэмами, такими как “Шах-наме”, “Лейли-Меджнун”, “Семь красавиц”, “Витязь в тигровой шкуре”. Иногда он подолгу беседовал с Еркебуланом об этих произведениях. Конечно, Асыгат знакомил сына не с одними лишь литературой, сказами и эпосом казахского народа, он в меру своих познаний объяснял ему то, какими были ремесла его народа. Старался показать некоторые сохранившиеся памятники казахской архитектуры. С этой целью он показал Еркебулану мечеть Ходжи, Ахмеда Ясеви, мавзолей Айша-Биби, Арыстан-баб, Алаша-хана, Джучи-хана. Позже возил его в Самарканд, Бухару, Хиву. В год поступления сына в институт ознакомил его с

некрополем на Мангышлаке. Именно так Асыгат заставлял вобрать в кровь и плоть историю своего народа и, мало того, старую историю всего Востока, культурное наследие. Все это способствовало тому, что насколько возмужавший, закончивший институт Еркебулан любил современную литературу и культуру, настолько же и наследие истории прошедших времен стало его духовной пищей. Сделав это крыльями своей фантазии, он сделал его инструментом исполнения порученных ему обязанностей.

И вот теперь товарищи его сына нашли, что он использовал в своем проекте образцы прошлого, не говоря о других, даже такие его коллеги, как Кайназар нашли в нем “идеологическую ошибку”. Поэтому-то Асыгат и терзается сомнениями правильным было или нет то, что он с юного возраста знакомил сына с духовным наследием прошлого, зародил в его сердце любовь к бесценному наследию прошедших эпох.

Асыгат долго размышлял: Нет, Еркебулан любит не старину, а новую жизнь. Отец хорошо знает об этом. Ну, а если он умеет использовать применительно к требованиям новой эпохи понравившиеся ему образцы наследия прошлого, то какая же в этом ошибка? Нет, никакой ошибки нет. Почему же тогда Еркебулан так переживает, почему он, не заходя домой, всю ночь бродит по улицам?

Или, может быть, у него есть другая причина так изводить себя? Как это он мог забыть, конечно, есть! Есть! Причина эта - любовь!

К “идеологической ошибке”, на которую ему указали, к творческой неудаче, присоединилась давно уже грызущая его душу любовь. Если душа твоя вдруг заболит от какого-либо одного недуга, она тут же будит затаившуюся в глубинах сердца другую боль, растравляет другой недуг-рану. Асыгат и об этом хорошо знает. Такое ему приходилось переживать. В то время, когда он не находил своей темы и будущность его, как поэта,

находилась под сомнением, его девушка Кырмызы, получив телеграмму о том, что мать ее тяжело заболела, не предупредив его, внезапно уехала на родину, он тоже едва не умер от горя от того, что к поэтическим неудачам присоединились еще и муки любви. Если бы Кырмызы вскоре не вернулась, то, возможно, он сошел бы с ума.

Сегодняшнее исчезновение сына - не только горе по поводу “идеологической ошибки”, к нему присоединилось горе любви. Возможно это и является главной причиной того, что он до сих пор не возвращается. Неужели он получил от Жулдыз какую-либо плохую весть? Иначе, не может быть, чтобы из-за творческой неудачи Еркебулан всю ночь бродил по улицам, заставив родителей находиться в величайшем напряжении.

Или, может быть, с ним случилась какая-нибудь другая беда? Внезапно по телу Асыгата пробежала дрожь. И все же у него не хватило сил и решимости позвонить в милицию, “Скорую помощь”, морг. А будить лежавшую в своей комнате супругу, чтобы посоветоваться с ней, ему было жалко. Он хорошо знал, что последние два дня, мучимая вновь открывшимся кашлем, она не сомкнула глаз. Перед тем, как она вечером удалилась в свою комнату, приезжал врач, сделавший ей успокаивающий и снотворный уколы. Асыгат думал, что она после этого уснула. Вот по этой причине он счел жестокостью будить измученную непрерывным кашлем и бессонницей жену. Когда он, не зная что делать, сидел в бессилии, с первой предутренней прохладой пришел Еркебулан. Он не пьян. Видно лишь, что от долгой ходьбы он устал.

Асыгат обрадовался тому, что сын вернулся здоровым и невредимым.

- Мальчик мой, где ты до сих пор ходил? - сочувствующе глядя на осунувшееся лицо сына, спросил Асыгат.

- По улицам, отец...

- Почему ты так долго ходил?

Еркебулан чуть помедлил с ответом. Он с малолетства привык доверять отцу все свои тайны и горести. Вот и сейчас взяла верх эта привычка.

- Жулдыз вышла замуж, отец... - сказал Еркебулан, мучаясь.

- Кто тебе сказал об этом?

- Кайназар.

- А он откуда знает?

- Он недавно ездил в Бийск. Он собственными глазами видел: с ней был муж и она была беременна.

- С ней муж, говорит, был? Он разговаривал с ним? Откуда он знает, что рядом с Жулдыз был муж?

- От того, что Жулдыз была беременна и рядом с ней был молодой парень, он подумал так, видимо.

- А..а вон оно как! - Асыгат после тех свидетельских показаний Кайназара на суде в душе стал относиться к нему с подозрением, задавая себе вопрос: "что это за джигит?" Асыгат, не поверивший тогдашнему его "не знаю", теперь вновь не хотел верить ему, так как тот не поговорил с Жулдыз, не выяснил ничего, лишь предположив, что парень, бывший с ней, ее муж. Поэтому он спросил:

- Почему Кайназар не поговорил с Жулдыз?

- Этого я не знаю.

Еркебулан тут же задумался. У него из головы не выходило сказанное Кайназаром: "Жулдыз беременна".

- Жулдыз и вправду беременна? - спросил отец.

- Да, Кайназар так говорит. Он видел это сам.

- Тогда, выходит это правда. - Он через силу произнес эти слова. Асыгат вновь умолк и задумался. Затем заговорил снова.

- Сынок, есть вещи, о которых необходимо говорить начистоту, без стеснения, если я спрошу тебя кое о чем, ты скажешь мне правду?

- Скажу, спрашивайте.

Асыгат, не зная спрашивать или не спрашивать, вновь замялся. И все же, пересиливая себя, спросил:

- Сынок, была ли между тобой и Жулдыз близость какая бывает между мужчиной и женщиной?

Еркебулан покраснел.

- Была, - произнес он едва слышно.

- Тогда тебе завтра же надо ехать в Бийск.

- Я не могу ехать.

- Почему?

- Сегодня-завтра я должен решить судьбу нашего проекта.

Мне будет стыдно перед товарищами, если не решу.

Он с начала до конца рассказал обо всем, что произошло на совете.

- Пока я не разорву все путы, наложенные ими на наш проект, я никуда не должен уезжать.

- Какими образом ты собираешься разорвать?

- Пойду в Госстрой. Буду требовать созыва Большого совета. Или же покажу наш проект известным архитекторам. Как бы то ни было, я добьюсь правды. Буду бороться изо всех сил. Я докажу, что в использовании красивых образцов старинной архитектуры нет никакой ошибки, равноценной пропаганде идеологии эпохи феодализма. Без этого я не смогу смотреть в глаза своим товарищам. Это мой долг перед самоотверженно работавшими товарищами.

- Это правильно, что ты решил бороться, - сказал отец, - нельзя позволять необоснованно обвинять себя. Однако ты не имеешь права и свою молодую беременную жену оставлять бог знает в какой дали. Ты должен привезти ее сюда.

У Еркебулана стало тепло на душе. Ему и на ум не приходило, что Жулдыз могла забеременеть от него. Теперь он понял, что нет ничего удивительного, если это так. И все же:

- Жулдыз ведь мне не жена, - сказал Еркебулан, не находя других слов.

Асыгат досконально знавший от жены все перипетии любви Еркебулана и Жулдыз и со слов жены знавший о том, что Жулдыз ударилась в бега от стыда, сказал:

- Твоя жена! Твоя молодая жена! Твоя!

- Еркебулан не знал что сказать:

- А кто же тогда тот парень, что был с ней? - и отвел взгляд вниз.

- Бог его знает! - сказал Асыгат. - Об этом узнаешь по приезде туда. Неверно считать мужьями всех, кто ходит рядом с девушками. Кто его знает. К тому же, верить Кайназару тоже нелегкое дело. Лишь бы было правдой, что Жулдыз находится в Бийске. Этот город тоже не какой-нибудь городишко. Найти ее в нем тоже будет нелегко. В любом случае необходимо разыскать ее. Если Кайназар видел ее только на улице, то, конечно, он не знает ее адреса. Придется тебе самому разыскивать.

Они еще некоторое время говорили, Еркебулан решил, покончив с делами по поводу проекта, ехать в Бийск. Как бы то ни было, надо хоть раз встретиться с Жулдыз.

В этот момент из своей комнаты вышла Кырмызы. Оказалось, что после уколов она крепко уснула. К счастью, она, кажется, не знала, что Еркебулан почти всю ночь не приходил домой.

- Чего это вы так рано поднялись? - спросила она, с удивлением глядя на мужа и сына.

С тех пор как Еркебулан вышел из заключения и обрел свой прежний облик, Кырмызы тоже несколько поправилась. Теперь она и плакать по любому поводу перестала. И в сердце уже редко покалывало. Лишь нападавший время от времени кашель, и то, что Жулдыз, показавшись, так внезапно исчезла, изнуряли ее.

- Мы еще не ложились, - сказал Асыгат с беззаботным видом. Настрадавшаяся из-за то и дело сваливающихся на голову то мужа, то сына трудностей, она с испугом тут же спросила:

- Почему?

- Да так просто. Говорили о том, о сем, засиделись за беседой, - сказал Асыгат. - Затем посмотрел на жену. - Ну, как ты спала?

- Сегодня, слава богу.
- Асыгат теперь повернулся к Еркебулану.
- Солнце еще не взошло. Ты вздремни часок-другой.
- Еркебулан, у которого стало легче на душе, кивнул:
- Пожалуй, я так и сделаю...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Алма-Ата, особенно в последней, десятой пятилетке, удивительно похорошела. На семи с половиной из шестнадцати тысяч гектаров земли, на которых раскинулась столица Казахстана, посажены деревья. Поэтому этот город вполне заслуживает названия город-сад. В последней пятилетке каждый год высаживалось сто двадцать тысяч деревьев и кустарников. Были обустроены новые зоны отдыха, такие как “Сайран”, “Кок-Тюбе”. Улицы Карла Маркса, Кирова, Тулебаева, Виноградова, новые площади, район аэропорта украсились новыми скверами и аллеями деревьев. Падающие сверху вниз каскадом по мраморным ступеням, заключенные в гранитные берега, водные потоки, многочисленные фонтаны сделали улицу имени знаменитой дочери казахского народа певицы Куляш Байсеитовой в бульвар - место прогулок горожан. Не ограничиваясь центром города, городское строительство теперь развернулось на его окраинах, где были снесены деревянные или саманные домишки и на их месте были возведены многоэтажные здания из стекла и железобетона. Двадцатипятиэтажная гостиница “Казахстан” на проспекте Ленина, шестиэтажное величественное здание Центрального комитета партии на Новой площади, построенные перед ним по образцу архитектуры Венеции торжественные, с широкими окнами, напоминающие дворцы, красивые здания придали городу новые блеск и красоту. Для защиты природы города ежегодно расходовались миллионы рублей. Благодаря этим, щедро отпускаемым средствам предпринято много

мероприятий для очищения застойного в связи с географическим положением города воздуха. В течении этих лет ликвидировано около семисот котельных. А те, которые остались, переведены на отопление природным газом вместо угля. Больше всего загрязняют атмосферу города автомобили, особенно грузовые, и сейчас для того, чтобы содержание углекислоты в воздухе не превышало необходимых, безвредных для здоровья человека норм, в почти ста автомобильных хозяйствах установлены анализаторы выхлопных газов. Кроме того были одеты в бетон берега Большой и Малой Алмаатинок, Весновки и они приведены в порядок.

И вот, в связи с этими мероприятиями воздух Алма-Аты стал чище и утопающий в зелени город стал еще краше, чем прежде. И на самом деле, этот город-красавец словно зародился здесь для радости и любви.

Ну, а кто знал, что радость любви сладка, как мед, а горе ее тяжело, как камень-валун! Еркебулан, так же как и Жулдыз, был влюблен в жизнь. И луна в небе светила для него ярко, и цветы на земле были необыкновенно нарядными и красивыми. После того как он полюбил Жулдыз жизнь его засверкала, как звезды в небе. Нет, жизнью его теперь была Жулдыз. Когда он потерял Жулдыз, ему показалось, что он потерял и саму жизнь. Какой бы ослепительной красоты девушка ни встречалась ему, она не казалась ему светлее и лучезарнее его Жулдыз. “Неужели любовь зарождается вот так?” - говорил он сам себе. Да, он только теперь понял до чего она всемогуща. Теперь он понял, что любовь, хотя и входит в первый момент в сердце радостью, в случае неудач в жизни превращается в безысходное горе. Однако, понимая это, Еркебулан не гнал из сердца свою любовь. И как бы ему ни было больно от утраты, он терпел. Муки утерянной любви придали ему неиссякаемую веру. Если сейчас навалилась темная ночь, то завтра, казалось ему, вспоров эту ночь, засияет во всем своем блеске золотое солнце. Еркебулан нашел для себя

песню, убаюкивающую и облегчающую муки любви. Поэтому он пел словами акына Тынышбая:

“Пусть вечно бодрствующее чувство здравствует, не умрет, пусть сердце берedit, волнует, убаюкивает его, любовь моя, согласен, пусть меня в огонь повергнут, сожгут в его пламени. Пусть не жалеют и мук, и горя, и угроз”, - сказал он.

Таким образом, хотя вчерашняя радость обернулась горем, он верил, что если в сердце его не угаснет любовь к Жулдыз, он в конечном счете найдет ее. И эта вера противопоставила его мукам любви. Дала крылья мыслям, волю и устремления духу и телу. Благодаря этому Еркебулан смог закончить проект. Дал волю творческой радости взять верх над своим горем. Проект получился таким, каким он его задумал. Получился красивым, прекрасным. Потому что и его любимая и родной город были прекрасными, и у джигита, любившего прекрасную девушку, жившего в прекрасном городе и мечты были прекрасные. У людей с такими прекрасными чувствами, по-видимому, не рождаются плохие проекты.

На другой день ответственный работник Государственного комитета по строительству, куда Еркебулан пошел, чтобы сказать, что вчерашнее решение технического совета института неправильно, долго смотрел на разложенные молодым архитектором перед ним чертежи на ватмане и на стол с установленными на нем по порядку макетами и, улыбнувшись, сказал:

- А ты, оказывается, любишь красоту.

- Да, такая болезнь во мне есть, - сказал Еркебулан, - ведь красота развивает в человеке эстетические чувства, обогащает его духовно. А наша обязанность, в особенности людей творчества, воспитывать в будущих поколениях эти чувства.

- А твои такие мысли руководство института считает идеологической ошибкой.

Еркебулан заговорил сдержанно.

- Нет, не такие мои мысли. Они называют идеологической

ошибкой мое творческое решение, использованное мной для того, чтобы реализовать эти свои мысли.

- Они имеют в виду то, что ты использовал образцы старинной архитектуры в проекте нового центра?

- Да.

- Вот уж мне сверхбдительные, - сказал ответственный работник Госкомитета. - Если из хороших мыслей рождается хороший проект, то какая же это идеологическая ошибка? Если уж мы будем избегать старины, тогда нам надо избегать Солнца, Луны, Звезд. А если нам не по силам изготовить новые Солнца, Луны, Звезды, тогда что нам делать? А они точно также, как сейчас, изливали свое сияние и на живших до нас баев, царей, деспотов. И на нас изливают. Что получится, если мы скажем тем же Солнцу, Луне, Звездам, что они брали под свою сень наших классовых врагов, изливали на них свое сияние, и поэтому нам следует держаться от них подальше? И они обозвали бы нас последними дураками, будь у них язык. Так и в строительстве. Если красивейшие медресе, мазары, караван-сарай когда-то давали эстетическую радость баям, царям, верхушке общества и могут в полной мере наделить ею нас, почему мы должны отвергать их? Не будем отвергать. Потому что красота, так же как Луна, Солнце, звезды, общие для всех нас, людей. Конечно, если эти красивые сооружения не нравятся нам, идут вразрез с нашими умеющими разбираться в красоте эстетическими понятиями, чувствами, другое дело. Тогда этот проект был бы плохим проектом. Тогда бы мы имели в виду не только его идеологическое несоответствие, ошибочность его, но сказали бы, что это идеологически вредный, не приносящий человеку духовную радость ненужный проект. А этот проект не такой проект. Это хороший, дающий человеку радость проект. Поэтому в нем нет никакой идеологической ошибки. - Ответственный работник чуть задумался. - И все же у этой проблемы есть другая сторона. Ведь проект районного культурно-

общественного центра разрабатывался по заданию городского Совета. А хватит ли у него средств, чтобы построить культурно-общественный центр согласно этому проекту? Опять же, утвердит ли эти расходы Государственная плановая комиссия? Если утвердит, то в какую из пятилеток включит? С какого времени он запланирует приступить к строительству центра? Этот вопрос, по-моему, кажется вопросом еще не до конца рассмотренным в высших инстанциях. Я не знаком еще с обстоятельствами последнего времени. Полгода был за границей. Все, что я знаю, это то, что еще при мне плановая комиссия еще не выделила денег на проектирование этого центра...

- Если этот вопрос еще не решен, тогда что же делать нам!
- сказал Еркебулан разочарованно.

- Возможно вопрос уже решен, я этого не знаю, - сказал ответственный работник. - Все-таки, ведь этот проект - задание городского Совета и по закону его должен рассматривать их технический совет. Они должны утвердить его. Конечно, принимая во внимание особенности этого проекта и интересные решения, его может рассмотреть и наш совет... Однако, видимо, будет правильным, если его утвердит городской совет...

- Значит, тогда нам надо идти в городской совет? - сказал Еркебулан, всем своим видом показывая: "опять нам предстоит ходьба по инстанциям".

- Нет. Нет необходимости брать на себя эти хлопоты. Я сам договарюсь с городским советом. Вам надо будет только в день, в который будет назначен совет, придти на час-другой раньше его начала и расставить все это на видном месте в должном порядке.

Спустя пятнадцать дней состоялся технический совет городского Совета.

Большинство очень высоко оценили проект. Лишь три-четыре человека сказали: "для нашего города было бы

правильным найти соответствующую социалистическому духу новую архитектурную форму, которая бы радовала глаз, обошлась государству дешево, торжественно-величественную; этот проект не плох, но ведь как ни говори, он напоминает архитектуру старых времен”.

Еркебулан отметил про себя, что в этих словах есть доля правды. А Кайназара, директора института и еще двух-трех политически бдительных, говоривших, что “этот проект потянет нас назад, поставит нас перед фактом влияния идеологии прошедших эпох”, никто не поддержал. Заключение технического совета в своем завершающем выступлении объявил председатель городского Совета - высокого роста, с густой кудрявой шевелюрой, пользовавшийся своими энергичными делами доброй репутацией в народе и в правительстве, вдумчивый человек.

- В этом проекте нет никакой идеологической ошибки, все в нем хорошо, красиво, верно, отвечает всем требованиям, - сказал он своим обычным сдержанно-спокойным тоном. - Мы должны принять его. Наряду с этим, надо признать и то мнение, что для нового социалистического города, его культурно-общественного центра пора придумать новые архитектурные образцы, которые прививали бы нашим людям новые социалистические эстетические вкусы. Это, конечно, не должно породить понятие, что рассмотренный нами проект не годен. Однако в процессе продвижения человечества вперед искание нового - сейчас самое главное качество. Поэтому, это последнее мнение должно этим одаренным молодым людям - он посмотрел в сторону Еркебулана - помочь в будущем. Пусть они в будущих своих работах ищут новые направления в искусстве архитектуры, которые нам еще не известны. Ведь здания и культурно-общественные центры, которые нам предстоит еще строить, не ограничиваются новым районом, проект которого представили вот эти молодые архитекторы.

Председателя перебил Кайназар.

- Но вы заметили во сколько обойдется этот проект? - сказал

он. Это был последний довод, который он хранил до поры до времени, чтобы проект не прошел. - Если культурно-общественный центр вы будете возводить по этому проекту, то он вам обойдется в три таких центра.

- Да, это так, - сказал председатель, не повышая голоса. - Однако наш город не настолько беден, чтобы не найти таких средств. Проблема заключается не в этом, надо будет, мы изыщем еще больше денег для такого проекта. А меня радует то, что у нас есть такие одаренные, умеющие понимать красоту и особенности национальных традиций и мотивов в искусстве нашего народа, - он вновь посмотрел в сторону Еркебулана. - Подобные им архитекторы сейчас нам очень нужны, - он чуть помедлил и заговорил вновь. - Высшие директивные инстанции нашей страны недавно приняли решение о строительстве в Алма-Ате метро. - Присутствующие задвигались на местах. - Это строительство начнется в следующей пятилетке. Алма-атинское метро должно быть построено на принципе, показывающем "дружбу народов". Если один подземный павильон станции метро будет отделан белым мрамором с узорами в духе традиций национальной архитектуры великого русского народа, то второй павильон отразит в себе сегодняшние сказочные достижения казахского народа, а следующие должны иллюстрировать достижения национальной архитектуры братских республик, или живущих вместе с нами таких наций как украинцы, узбеки, киргизы, уйгуры и других. Вот этот проект убедил нас в том, что у нас есть молодые специалисты, архитекторы, которым по плечу решение такой задачи. Я рад этому. И я хочу предложить кандидатуры Еркебулана и его коллег для разработки проекта казахского павильона будущего нашего метро.

Присутствовавшие зааплодировали. Теперь все вразной принялись расспрашивать о протяженности линий метро, по каким местам оно будет прокладываться.

Когда люди утихли, председатель вновь перешел к вопросу, связанному со строительством метро:

- Ну, а теперь будем считать, что мы одобрили и приняли проект вот этих молодых людей. Поздравим их с удачным завершением всесторонне хорошей, отвечающей всем требованиям работы, - сказал он. - Вновь раздались аплодисменты. Взгляд Еркебулана упал на Кайназара, тот побледнел и уставился в пол. "Что же это он? - сказал он сам себе и впервые в душу его закралось подозрение. - Неужто он и вправду не рад нашему успеху? Я-то думал, что его указание на идеологическую ошибку в нашей работе исходит из его творческого кредо... а он..." Теперь Еркебулан решил наедине крепко поговорить с товарищем. К тому же, поговорить подольше, поподробнее и сегодня же. А председатель молча дождался когда утихнут аплодисменты и с наступлением тишины завершил свое выступление. - Новый район, который мы собираемся возвести, раньше был внесен в проект следующей пятилетки. А сейчас, в связи со строительством в Алма-Ате метро, я не знаю, оставили ли вышестоящие инстанции возведение района в том плане, или не оставили, - сказал он и затем посмотрел на Еркебулана. - Завтра зайди ко мне, мы все выясним. Если оставлено в плане будущей пятилетки, то вы не медля приступите к исправлению указанных на сегодняшнем совете недостатков...

Нет, этот проект не вошел в план будущей пятилетки. В связи со строительством метро в Алма-Ате расход средств должен был быть большим и Совет Министров республики перенес строительство нового района в двадцатилетний перспективный план. Председатель уже сегодня знал об этом. Однако ему не хотелось портить настроение пребывающих в радости молодых архитекторов. Он хорошо знал, что если задуманное молодыми людьми не сразу претворяется в жизнь, то это тяжело на них отражается. Особенно в такой отрасли искусства как архитектура. Поэтому он, сказав, что молодые архитекторы будут привлечены к делу строительства метро, хотел подбодрить их.

Назавтра Еркебулан узнал, что их проект не скоро будет претворен в жизнь. Конечно, нельзя сказать, что он не расстроился, сильно расстроился.

Ведь в жизни всегда радость и горе ходят вперемежку. Так и сейчас. Выйдя их городского Совета, хмурый и осунувшийся Еркебулан, остановился, как вкопанный. Как бы не веря собственным глазам:

- Жулдыз... - произнес он едва слышно.

- Да, это ведь я, - сказала возникшая прямо перед ним девушка.

Да, это была Жулдыз. Как и прежде тонкая в талии, толстые две косы спадают к ее икрам, полные слез глаза светятся радостью и она, не зная плакать ей, или смеяться от радости, стоит и молчит...

- Что же это такое, верить мне, или не верить?

- Ты! Ты! - сказала вдруг Жулдыз, шагнув навстречу. - Я Жулдыз ведь!..

Их не смутил проходящий мимо поток людей, ни те из них, кто с удивлением смотрел на них, - соскучившиеся друг по другу объятия сомкнулись.

Для Еркебулана только что хмурый, как мачеха, мир сразу засиял, словно его край прорвался и сквозь эту прореху выглянуло солнце.

Горячая любовь двух истосковавшихся сердец враз уничтожила все печали и горести, перенесенные ими за год разлуки. И оба они почувствовали это.

Видимо, когда наступает рассвет любви, никакая ночь горя и печали не устоит перед ним.

Весь этот мир казался им песней, хватающей за сердце, заставляющей расслабляться тело.

- Я так по тебе истосковалась, - сказала Жулдыз, когда они уже шли рядом друг с другом.

- Я этому верю, Жулдыз, верю, - сказал джигит, - это я и сам пережил.

- Почему же ты тогда не разыскал меня?
- Где? Где бы я мог разыскать, найти тебя?
- Разве Кайназар не сказал тебе?
- Кайназар?
- Да, Кайназар.

Жулдыз, начиная с того как в первый раз приехал к ней Кайназар, как тот в последний свой приезд поведал ей, что он, Еркебулан, убил человека и осужден, добавив, что тот больше не приезжал в Бийск, обо всем подробно рассказала, ничего не упустив.

Еркебулан, которого только что распирала радость, сердито умолк. Он только теперь, кажется, начал кое-что понимать. И чем больше доходил до него смысл поступков Кайназара, тем больше он хмурился.

- А кто это был с тобой? - через некоторое время спросил Еркебулан.

Жулдыз не поняла.

- О ком это ты спрашиваешь? - спросила она. Теперь Еркебулан рассказал ей, что Кайназар видел ее беременной и, что ее под руку вел какой-то джигит.

- Вон оно что, оказывается, Кайназар еще раз приезжал в Бийск, - удивленно проговорила Жулдыз. - Почему же он не встретился со мной?

- Он тебя увидел с каким-то джигитом и...

- С джигитом? - Жулдыз теперь поняла. - Нет, нет, ты не думай плохо, это ведь был Абилькасым.

Жулдыз теперь рассказала все об Абилькасыме и их взаимоотношениях. Она говорила о том, что он ей был как брат в самое мрачное время ее жизни, не скрыла и то, что когда у нее начались схватки, он отвел ее в родильный дом.

- Он все еще в Бийске... - сказала Жулдыз, затем посмотрела на Еркебулана. - Ты верь моей честности! - и вдруг, словно боясь вновь потерять свою любовь, заплакала. - Верь... Верь же... Ты веришь?

- Верю, - сказал Еркебулан и, не обращая внимания на прохожих, обнял ее за талию, - я верю, что ты не предашь нашу любовь! Я был убежден, что мы ради своей любви вынесем любое горе!

- Именно в этот момент Жулдыз еще раз почувствовала себя самым счастливым человеком на свете.

Они решили через неделю поехать в Бийск и привезти оттуда своего ребенка.

На другой день Еркебулан встретился с Кайназаром. Тот, словно и сам ожидал этой встречи наедине, и между ними сразу же сам по себе завязался разговор.

- Хорошо, ты говоришь, что мы были товарищами, - сказал в какой-то момент Кайназар. - А ты знаешь, что такое товарищеские отношения? Товарищество - это взаимное уважение, товарищество - это значит не обижать друг друга, не разочаровываться друг в друге. Товарищ не должен огорчать товарища, даже если ему трудно, не наносить ему душевной раны; настоящие товарищи не скрывают ошибок друг друга, указывают на них. Ты хочешь поставить мне в вину то, что я видел Жулдыз и не сказал тебе, говоришь, что это не по-товарищески. Ты сам знаешь в каком состоянии ты был. А если бы я вдобавок к этому сказал, что Жулдыз, бросив тебя находится в Бийске, что было бы тогда? Я бы только разбередил твою рану. И не просто так, а больно бы раскорябал. Я тебя пожалел, поэтому и не сказал. Опять же, ты ставишь мне в вину то, что я указал на твою идеологическую ошибку. Настоящие товарищи не должны замалчивать ошибки и заблуждения друг друга, враг всегда поет дифирамбы, а друг правду в глаза говорит, хотя и горькую. Ты разве не знал об этом? Если люди говорят, что ты прав, то не из-за доброго расположения к тебе, а говорят про себя: мол, из-за района, который еще не скоро будет строиться, не стоит разочаровывать молодого джигита, пусть ходит довольным. А ты и доволен этим. Меня обвиняешь.

- Подожди, подожди! - не вытерпел Еркебулан. - Прежде

всего давай разберемся в том, что такое товарищество и как мы понимаем его, каждый в отдельности. То, о чем ты говоришь, безусловно, товарищество. Вот если бы твой товарищ придерживался всего этого от чистого сердца, выполнял бы честно эти заповеди, по-настоящему болел душой за друга. А если он проявляет ложное участие, ложно обвиняет в ошибках, в которые и сам не верит, тогда что? Быть товарищами - это, прежде всего, честность в отношении друг с другом. Без честности не может быть ни товарищества, ни дружбы. А честность - это нравственная категория - духовная чистота. Без нее ты на фронте не отдашь свою жизнь за товарища. Его ошибку ты не увидишь, не болея за него душой, не поможешь ему от чистого сердца. Твоя ошибка - это отсутствие в тебе этой самой духовной чистоты, твое двуличие, завистливость, неприязнь к возможным соперникам. Ты говоришь, что из жалости ко мне, не желая бередить мою душевную рану, ты не сказал о том, что Жулдыз в Бийске. Думаешь, так я тебе и поверил! Если бы у тебя душа болела за меня, почему же в то время, когда я, заливая свое горе водкой, близок был к сумасшествию, ты не сказал мне: "не убивайся попусту, твою Жулдыз я видел в Бийске"? Или, может быть, ты не знал, что исчезновение Жулдыз тяжело отразилось на мне? Ты знал об этом! Вместо того, чтобы дать мне дружеский совет, ты свел меня с бог знает какими людьми, не жалел ни своих, ни их денег, чтобы я спился, сошел с ума... Теперь я все понял...

- Если уж он сам так жаждет выпить, пусть пьет, - сказал я себе. - Пусть зальет свое горе водкой, - подумал я.

- Хорошо, допустим, я и залил бы свое горе водкой. А чем ты собирался унять горе Жулдыз? Тем, что человеку, который и сам не знал как ему дальше быть, ты говорил "твой Еркебулан стал пьяницей, сошел с ума"? Это твое душевное участие?

Кайназар опять перебил его.

- Да, это... это! Мне жалко было Жулдыз! "Чем горевать по

такому пьянице, как ты, лучше пусть раз и навсегда откажется от тебя, не питает никаких надежд”, сказал я себе.

- Вот теперь ты близок к правде, - сказал Еркебулан, - и все же пока это не настоящая правда. - Ты говорил все это не из-за сочувствия к Жулдыз, а для того, чтобы заставив отказаться от меня, подчинить ее себе. Ты и мне по той же причине не сказал о том, что она в Бийске, а о том, что она беременна и с ней был молодой мужчина. К тому же, в какое время сказал? Сказал, когда сам же приписал мне идеологическую ошибку и я находился в подавленном состоянии! Вместо того, чтобы отвечать передо мной за свои поступки, ты сказал мне это, надеясь, что я всецело погружусь в сожаления по Жулдыз!

Кайназар в третий раз перебил Еркебулана.

- Хорошо, пусть все будет так как ты говоришь. Как ты считаешь, для чего я все это делал? То, что я проникся чувством к Жулдыз, правда. Даже когда я потерял надежду на взаимность с ее стороны, я ведь, как ты сам думаешь, не подал тебе товарищескую руку помощи. Может быть ты обижен тем, что я заявил, что ничего не видел, когда тебя приговорили к тюремному заключению? Ладно, пусть будет так. Тогда для чего я все это делал? В начале разговора ты упомянул, что я все это делал из зависти, из ревности к твоим успехам. Ты и на самом деле так думаешь? Чем же это ты превзошел меня? Благодарение богу, первый заместитель директора института не ты, а я. Не я тебе, а ты мне подчиняешься. Ну, а если хочешь сказать, что превзошел меня в талантах, докажи это. Если уж ты так талантлив, то почему ты не проявил свой талант в том конкурсе, в котором мы все участвовали? Надеюсь, ты помнишь кто получил приз? Нет, Еркебулан, у меня нет ревности к чему бы то ни было в отношении тебя.

- Нет, ревнуешь! Еще как ревнуешь! Мы с тобой с детства росли вместе. Теперь-то я понял: в детстве задачу, над которой ты бился ночь напролет, я решал в пять минут. Кажется, тогда

и начал расползаться по твоему нутру яд ревности, зависти. В то время маленький еще глист в твоём нутре со временем превратился в большую змею. Ты завидуешь и моей чистосердечности, которой нет у тебя, и моей душевной щедрости, и даже тому, что все, кого ни возьми, товарищи, Жулдыз любят меня. Мало того, ты даже завидуешь тому, что я хожу по земле. Так как, несмотря на то, что ты на два года старше меня, мы с тобой росли вместе, как сверстники. И если к одному из нас не могло пристать ни пятнышка, ни крупинцы грязи и он был подобен быстроводной чистой реке, то другой, оказывается, был подобен непроточному бочажку, на дно которого осаждается всякая попавшая в него грязь и гадость. Так вот, ты остался тем самым бочажком. Теперь я понял, ты не мог никуда течь, начал сам по себе киснуть. И разве этот, со стоячей зловонной водой бочажок не завидует протекающей рядом кристально-чистой, не запачканной ничем реке? Завидует. Если по природе своей он не может стать подобным той чистой реке, то что может поделывать этот зловонный бочажок? Все, что он может делать - это завидовать, ревновать. И если он не в состоянии отомстить этой быстрой воде, чем успокоит себя этот бочажок? Будет продолжать киснуть, отпугивать, заставляя шарахаться от него все живое.

Кайназар вскочил с места.

- Хватит! - закричал он. - Прекрати!

- Я и сам сейчас закончу, - сказал Еркебулан, едва сдерживая себя, - тогда и прекращу! Я не могу каждый день приходить к тебе препираться, выслушай до конца! Только что ты сказал: мол, тебе незачем завидовать мне, мол, ты - первый заместитель директора института, и я тебе подчиняюсь, а не ты мне. Конечно, ты веришь этим своим словам. Ну, а для того, чтобы разъяснить тебе насколько необоснованны и пустопорожни твои слова, напомню тебе одну казахскую легенду. В густом темном лесу на берегу реки жили ястреб и соловей. Вооруженный острым кривым клювом и цепкими такими же острыми когтями ястреб

запугал и подчинил себе всех маленьких птиц в том лесу. А маленький соловей завоевал расположение всех, без исключения, птиц темного леса своими прекрасными песнями. Однажды прибыл губернатор тех краев - беркут и приказал птицам того черного леса выбрать себе волостного управителя. Те из птиц, которые боялись, сказали: “пусть волостным станет ястреб”, а не побоявшиеся сказали: “на должность волостного подходит соловей”. Делать нечего, беркут вынужден был провести выборы и приказал: “бросайте камни, у кого из названных вами будет больше камней, тот пусть и станет волостным”. Конечно, кроткий соловей набрал больше камней и был избран волостным. Уязвленный тем, что меньший его размерами в десять раз соловей стал волостным управителем, ястреб поймал прятавшуюся в корнях вывороченного дерева желтенькую крохотную пичужку и, сжав ее в когтях, говорит ей: “Эй, пичуга, почему птицы избрали волостным не меня с моим острым клювом и длинными когтями, а какого-то замухрышку - соловья?” Перепуганная пичужка вынуждена была сказать правду: “Если волостным стали бы вы, то подчиняли бы всех нас силой, соловей же подчинит нас своими песнями. Ну, а песня - это то, что больше всего любят птицы”. Услышав такое, ястреб сказал: “почему только я не родился умеющим подчинять песней соловьем, а являюсь подчиняющим силой ястребом”, и издох от огорчения. Хотя ты тоже, как этот ястреб, подчинил себе людей, занимаешь более высокое положение, чем мы, ты завидуешь совестливости, таланту, даже характерам подчиненных тебе людей. Независтливость, широта души - передаются с молоком матери. А умный человек, даже если он завистлив, умеет подавить в себе этот недостаток.

Кайназар снова не вытерпел.

- Выходит, ты меня хочешь дураком выставить?

Еркебулан вдруг улыбнулся, а затем рассмеялся.

- Зачем? Тебе не подобает быть дураком, потому что ты

ведь, как только что сам говорил, являешься первым заместителем директора... Ну, а первый заместитель...

- Ты теперь хочешь вменить мне в вину и то, что вышестоящие инстанции продвинули меня на должность первого заместителя?

- Да перестань ты, думаешь, я не знаю, кто тебя продвинул? Вопрос не в твоём продвижении, а в умении как следует сидеть на этом месте. А ты...

- Ну, я?

- Умей ценить место, на котором сидишь. Если не знаешь чего, старайся узнать. Не считай себя талантливым только лишь потому, что занял первое место в конкурсе, проведенном в нашем узком кругу. Представленная на тот конкурс твоя работа всем нам показалась интересной. И то, что ты учел условия Алма-Аты в тесном соответствии с сейсмической обстановкой, тоже понравилось. Это была неплохая работа. Однако, я недавно вспомнил вот что. Твой “Дворец ветеранов” - копия минарета Суюмбике в Казани. Да и копия так себе, лишь раздвинул его по ширине. И здесь ты не добавил от себя ничего, что соответствовало бы твоему интеллекту. - Вдруг Еркебулан замолчал. Словно сожалея, что в гневе высказал своему вчерашнему товарищу тяжкие слова обвинения, он чуть помедлил. И вновь заговорил. Но теперь он говорил не так как до этого, с какой-то натянутостью, словно чувствуя и за собой некую вину. - О том, как ты нашел в нашем проекте “идеологическую ошибку”, я и говорить не хочу. Тому, что такая ошибка есть, ты и сам не веришь. Не в силах преодолеть свою завистливость ты бросил нам это ложное обвинение, чтобы сломить нас, нет, не нас, а меня. Будто тебе этого мало было, ты даже на всех присутствующих возвел клевету. Люди говорили не о том, что ты прав и не от того, что наш проект пока что не будет претворен в жизнь, они говорили о том, что такой ошибки на самом деле не существует. Об этом ты хорошо знаешь. И все таки ты... - Еркебулан взмахнул рукой, - довольно.

хватит. На этом я кончаю. Лишь напоследок говорю: говорить тебе все это мне было нелегко. Говорить так и для меня тяжело. Особенно тяжело и больно от того, что человек, которого я с детства считал товарищем, оказался на поверку вовсе не товарищем, от того, что с сегодняшнего дня он навсегда для меня потерян. Однако, ничего не поделаешь, приходится говорить. Хотя ты потерян для меня, я хочу, чтобы ты не был потерян для самого себя. Еще есть время, еще есть срок, чтобы задуматься. Ну, прощай, я пошел.

- Пстой, пстой же! - вдруг сказал, словно умоляюще, Кайназар уходящему Еркебулану.

- Нет, сказал Еркебулан, - пусть это будет наш последний разговор. С завтрашнего дня мой отдел переходит в подчинение московского института "Метропроект". Теперь мы не подчиняемся твоим приказам.

Кайназар продолжал молча и хмуро сидеть на месте. Вдруг он с треском переломил карандаш, который держал в руках, словно говоря, мол, вот также поломалась наша дружба, и бросил обломки на пол. Теперь он резко вскочил с места.

Словно от недавних тяжелых слов Еркебулана не осталось и малейших следов, он чуть улыбнулся. Для этого у него была причина: сегодня, перед концом работы ему позвонил дядя. "Высокое начальство решило отправить на пенсию твоего директора. Он, оказывается, не хотел, чтобы прошел хороший проект твоего товарища Еркебулана. Он и тебя едва не втянул в это дело. А вместо него решили утвердить тебя, как энергичного молодого специалиста", - сказал он.

"Ладно, Еркебулан пусть говорит, что заблагорассудится ему. Пусть уж он называется хорошим архитектором с чистой совестью, а я, у которого совесть не чиста, стану директором. Лишь бы поскорее утвердили..."

Когда Еркебулан пришел домой, и отец, и мать пребывали в каком-то приподнятом настроении. Еркебулан, который в последние два года не видел их такими повеселевшими, подумал:

“Что за хорошая весть коснулась их слуха? Или, может быть, они узнали о приезде Жулдыз?”

- Сынок, сказала мать, - в нашем доме сегодня большая радость. Твой отец был в больнице и показался врачам.

Ну?

Теперь заговорил отец.

- Мы тебе не говорили, чтобы не расстраивать тебя, - два года назад врачи предложили мне лечь на операцию. Они сказали, что я страдаю некоей быстро прогрессирующей внутренней болезнью и если мне вовремя не сделают операцию, мне отпущено самое большее - два года жизни. Согласиться на операцию я побоялся из-за болезни сердца. Ведь у меня было уже два инфаркта. К тому же были и другие причины... Так вот, всю предыдущую неделю я показывался врачам. Изучив все мои анализы, сегодня они мне объявили, что я полностью излечился от своей болезни. То ли в тот год они ошиблись, либо благодаря косвенному лечению, в общем, я начисто избавился от недуга...

Сердце Еркебулана вдруг взволнованно забилося: “если уж быть родителями, так такими как у меня! Целых два года, шадя меня они не говорили в каком состоянии находится отец. Ну, а я? Чего я только не вытворял, словно им было мало собственного горя? Нет, нет, к таким людям недостаточно относиться только с уважением, на них молиться надо, как богу. Быть похожими на них - пусть это будет самой большой мечтой в жизни”.

- Отец, мама, вы простите меня... - чуть не плача, произнес он. - Я не знал об этом.

Отец положил на его плечи руки и, чуть притянув к себе, обнял.

- О чем ты говоришь? - сказал Асыгат, тоже внезапно взволновавшись, - для нас нет большей радости и счастья чем твое возвращение к прежнему образу жизни. Возможно, то, что ты вновь стал человеком, исцелило нас от наших болезней.

Посмотри на мать, как она помолодела, какой радостью светятся ее глаза. - Они оба посмотрели на Кырмызы. Она в этот момент, растрогавшись от радости, плакала, слезы омывали ее лицо. Увидев это, Асыгат опешил. - Ну, вот тоже, расплакалась не к месту и не ко времени... - начал было он и повернулся к Еркебулану. - А теперь, сегодня у меня и для тебя припасена радость. Сегодня, когда я ходил на встречу в архитектурный институт, одна в свое время жившая в общежитии вместе с Жулдыз девушка, узнав, что я твой папа, сказала мне о том, что Жулдыз в Бийске. Вот ее адрес.

Еркебулан покраснел.

- Отец, она здесь, - произнес он тихо, - уже три дня прошло как она приехала.

Снова, преломляясь солнечными лучами в жемчужинках-росинках, зеленым половодьем пришла весна. Покрывающая поверхность земли зеленая кудрявая травка, с выбивающимися из нее головками маков и тюльпанов пошла в рост. Обнимая, как любимую, белораморные свои строения город с его густым лесом деревьев и засаженными благоухающими цветами скверами и площадями у человека, смотрящего на него с высоты горы Кок-Тюбе, зарождает в жаждущей красоты душе чувство страсти.

На вершине Кок-Тюбе с маленьким ребёнком на руках стояли Жулдыз и Еркебулан. Было раннее утро. Поднявшееся блюдом красного золота над Талгарским перевалом солнце, щедро изливая на землю свои золотые лучи, поднималось все выше. Оно придало удивительную красоту этому вот голубому небу, красивому чистому городу с его звенящим воздухом, сделав их в этот момент еще краше, чем прежде.

Они только что, перед восходом солнца проводили на поезд Асыгата и Кырмызы, поехавших в свой прежний родной аул, чтобы все лето отдыхать от всей души. Не как раньше, повеселевшая теперь мать, Кырмызы, говорила своей Жулдыз:

- А что, если я заберу с собой в родной аул это дитя? - и смотрела на посапывающего во сне младенца.

Жулдыз рассмеялась.

- Забирайте, если вам хочется.

- Смотри-ка что они задумали, - тоже смеясь, сказал тогда Асыгат, - а вдруг потеряешь его, как когда-то свою Жулдыз, тогда мы уж наверняка оба умрем от разрыва сердца.

Проводив родителей, всю ночь проведенный за работой Еркебулан, взяв с собой Жулдыз и маленькое дитя, привез их на такси на вершину Кок-Тюбе. Сейчас вот они стоят на вершине этой горы.

Какая гармоничная, какая счастливая картина.

Как сказал их поэт-отец:

Удовольствие - весна, все живое обновилось,
став нарядным,

Радостно от тока крови в жилах.

Настоящее наслаждение от этой жизни

лишь тогда,

Если любить умеешь, гореть умеешь ею вечно.

Лишь бы и их любовь была вечной!

На такую любовь пережившие горе и печаль разлуки оба они имеют право.

Кто способен и в горе гореть любовью, цвести от радости ее их удел. Им принадлежит вечная любовь. Это берущее начало от Хау Ата и Хау Ана правило.

Соблазняющимся красотой людям, подобным Кайназару, достаточно короткой, как козий хвостик, любви. Ибо они сами люди недалекие, с ущербной мечтой. Все их желания, устремления направлены на завоевание более высокого положения, на то, чтобы стоять выше других. Кайназар тоже один из таких. Сейчас он благодаря дяде стал директором института. Не талантливый Еркебулан, а нечестный карьерист, но зато имеющий связи в высших инстанциях, Кайназар пробился на директорскую должность. Это тоже было влиянием закономерности, возникшей на одном из изгибов великого потока, называемого жизнью, там, где течение его замедлилось.

Кайназар думает, что все-таки, даже если он не дотянулся рукой до Жулдыз, положения, о котором мечтал, он добился. Если он будет сидеть в руководящем кресле, то много еще найдется Жулдыз, опять же думает он.

Бедняга, он так и не знает в чем разница между настоящей любовью и временным удовольствием. Не знает и знать не хочет.

Несчастный!

Еркебулан и Жулдыз все еще не могут отвести взора от растянувшегося далеко на запад и север, а на юге утонувшего в объятиях гор голубого города. Вдруг Еркебулан, протянув руку в северо-западном направлении, громко заговорил. Жулдыз резко повернулась к нему. Еркебулан не был похож на проработавшего всю ночь человека, глаза его, рассыпая искры, улыбались, щеки зарумянились. Похоже, что его охватило великое вдохновение.

- В той стороне более прекрасная, чем старая Алма-Ата, возникнет новая Алма-Ата! - произнес он, указывая рукой на северо-запад. - Из белого мрамора будут возведены необыкновенной высоты здания, будут проложены широкие с шестирядным движением транспорта улицы, срединную часть которых займут деревья, фонтаны. У новой Алма-Аты будет новая архитектура! Она совсем не будет похожа на архитектуру осовремененных медресе, мечетей, караван-сараев из проекта, над которым я вчера только работал. Новому социалистическому городу нужен новый социалистический стиль. Кажется, я сегодня нашел архитектуру этого стиля, - теперь он, указывая Жулдыз на далекую линию горизонта на западе, торопливо заговорил, словно боясь, что забудет что-то, если не скажет сейчас, рассекая руками воздух, чертил в нем прямые, косые и ломаные линии. Спустя некоторое время он прервал поток красноречия.

- Вот, это будет сказочная архитектура новой социалистической эпохи! - произнес он, как бы радуясь.

Жулдыз посмотрела в одухотворенное лицо мужа.

- Что за энергия! - с удивлением сказала Жулдыз. - А ты ведь за всю ночь глаз не сомкнул...

Еркебулан любовно посмотрел на державшую ребенка Жулдыз.

- Это вдохновение, рожденное любовью к тебе и к моей Алма-Ате! - сказал он неожиданно тихо.

Содержание

Глава первая	3
Глава вторая	33
Глава третья.....	54
Глава четвертая	77
Глава пятая	93
Глава шестая	114
Глава седьмая	138
Глава восьмая.....	162
Глава девятая.....	182
Глава десятая.....	206
Глава одиннадцатая	226

Есенберлин И.

Праздник Любви роман

Редактор: Захаров В.Б.

Технический редактор: Никольский И.И.

Дизайн и верстка: Баянбаев Р.М., Трецков Е.П.

Корректоры: Никольская С.Я., Асанов В.А., Смайлова А.Т.

ИД «Кочевники»

Тел.: 62-85-42, 69-45-19, факс: 50-61-97,

моб. 8-333-216 69 98, 8-333-217 42 47.

Сдано в набор 20.05.2001. Подписано в печать 24.05.2001г. Формат 70x100 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman». Объем 15,5 п.л.

Тираж 10000. Заказ № 446.

ТОО «Типография оперативной печати».480016, г. Алматы, ул. Д.Кунаева, 15/1.

